

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Том 16 № 4 (2016)

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабаз, доктор философских наук,
профессор, РУДН, Россия
E-mail: ir@rudn.university

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев, кандидат экономических наук,
доцент, РУДН, Россия
E-mail: Degterev_da@rudn.university

Ответственный секретарь

К.П. Курyleв, доктор исторических наук,
доцент, РУДН, Россия
E-mail: Kurylev_kp@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Базанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России

Карпович Олег Геннадьевич, доктор политических наук, доктор юридических наук, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований Института США и Канады РАН

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры ТИМО РУДН

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитунни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, заведующий кафедрой региональных исследований Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Азлян Ваагн Робертович, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Джованнинетти Джорджия, профессор Университета Флоренции, Италия

Ван Гуанчжэнь, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Морзунова (Петрунько) Оксана, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

Редактор Т.К. Будовская

Компьютерная верстка Е.П. Довголевская

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98
e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 19.12.2016. Выход в свет 30.12.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 21,86. Тираж 500 экз. Заказ № 1467. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>). Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Журнал является международным по проблематике, составу редколлегии и составу авторов. Будучи включенным в международный академический дискурс, журнал регулярно публикует статьи признанных экспертов-международников из РФ, Европы, Азии и США. Вместе с тем, издание дает возможность перспективным исследователям из Азии, Африки и Латинской Америки представить на страницах журнала свое локальное (национальное, региональное) видение мироустройства, что позволяет выработать более сбалансированные подходы к решению глобальных проблем современности.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в особенности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах.

Тематика будущих номеров и требования к принимаемым рукописям приведены в конце номера.

RUDN University

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

VOLUME 16 NUMBER 4 (2016)

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga

RUDN University, Russia

E-mail: ir@rudn.university

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev

RUDN University, Russia

E-mail: Degterev_da@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Doctor Konstantin Kurylev

RUDN University, Russia

E-mail: Kurylev_kp@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Karpovich Oleg Gennadevich, Doctor, Head of the Center for Comparative Legal Studies of the Institute for the USA and Canada, Russian Academy of Sciences

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich, Doctor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkanovich, Head of the Department for Regional Studies of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Giovannetti Giorgia, Professor of University of Florence, Italy

Wang Guangzhen, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova (Petrunko) Oksana, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

Editor T.K. Budovskaya

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Tel. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Accessible at Academia.Edu and Mendeley

Aim and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of students body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Themes of coming issues (call for papers) and requirements for manuscripts are listed at the end of the present issue.

© Peoples' Friendship University of Russia, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

ИРАН И ИНДИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Stephen M. India and the BRICS: Global Bandwagoning and Regional Balancing (Стивэн М. Индия и БРИКС: «глобальный концерт» и региональный баланс)	595
Лунев С.И. Индия и арабский мир	603
Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания»	616
Жильцов С.С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы	628

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Галищева Н.В. Восточноазиатский вектор внешнеэкономической политики Индии: приоритеты в ЮВА	643
Suleymanov A.V. India—Africa: trade, investments and humanitarian projects (Сулейманов А.В. Индия — Африка: торговля, инвестиции и гуманитарные проекты)	654

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Джаббари Насир Х. Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом	665
---	-----

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Филин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н. Российско-иранские отношения на современном этапе	677
Немова А. Индийская помощь Бангладеш в контексте стратегических интересов Дели в Южной Азии	688

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Larionova M.V., Shelepov A.V. Potential role of the NDB and AIIB in the global financial system (Ларионова М.В., Шелепов А.В. Потенциальная роль Нового банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в глобальной финансовой системе)	700
---	-----

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Индия: взгляд из России. Интервью с профессором <i>А.Г. Володиным</i> (ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова)	717
--	-----

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Родригес-Фернандес А.М. «Ось арабских государств» в кувейтском кризисе 1990—1991 гг.: предпосылки и процесс формирования	726
Drong A. India's Role in the Emergence of Bangladesh as an independent state (Дронг А. Роль Индии в становлении Бангладеш как независимого государства)	736

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Лисов В.И. Российское геологическое образование на мировом рынке (на примере МГРИ-РГГРУ)	745
---	-----

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Шишкина А.Р., Федотова В.А. Историография российско-арабских отношений конца XX — начала XXI в. (на примере Йемена, Сирии и Туниса)	755
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	768
--------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ	772
--------------------------	-----

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

IRAN AND INDIA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Stephen M. India and the BRICS: Global Bandwagoning and Regional Balancing	595
Lounev S.I. India and The Arab World	603
Krasnov K.G., Yurtaev V.I. The foreign policy of Iran in the Middle East and the American strategy of “system containment”	616
Zhil'tsov S.S. Russian-Iranian relations in the Caspian Region: results and prospects	628

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Galistcheva N.V. The East-Asian vector of the Indian external policy: priorities in the South-East Asia	643
Suleymanov A.V. India—Africa: trade, investments and humanitarian projects	654

PEACE AND SECURITY

Jabbari Nasir H. Iran's potential in fighting international terrorism	665
--	-----

BILATERAL RELATIONS

Filin N.A., Ravandi-Fadai L.M., Burova A.N. An overview of contemporary Russian-Iranian relations	677
Nemova A. India's strategic interests in South Asia and its aid to Bangladesh	688

APPLIED ANALISYS

Larionova M.V., Shelepov A.V. Potential role of the NDB and AIIB in the global financial system	700
--	-----

SCIENTIFIC SCHOOLS

India: Glance from Russia. Interview with professor A.G. Volodin (E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)	717
---	-----

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Rodriguez-Fernandez A.M. The “Arabian Axis” in Kuwait Crisis: background and process of formation	726
Drong A. India's Role in the Emergence of Bangladesh as an independent state	736

INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

Lisov V.I. Russian geological education in the world market (the case of Russian State Geological Prospecting University)	745
--	-----

LITERATURE REVIEWS

Shishkina A.R., Fedotova V.A. Historiography of the relations between Russia and the Arab world (Yemen, Syria, Tunisia)	755
--	-----

OUR AUTHORS	768
--------------------------	-----

EDITORIAL	772
------------------------	-----

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ
Иран и Индия
в системе международных отношений.
Южный вектор внешней политики РФ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-595-602

**INDIA AND THE BRICS:
GLOBAL BANDWAGONING AND REGIONAL BALANCING**

Matthew D. Stephen

WZB Berlin Social Science Center, Berlin, Germany

Indian policy makers have welcomed India's framing as a 'rising power' and celebrated the BRICS initiative as a common front in reforming aspects of global governance. Yet China's rise in Asia has unsettled the balances of power which have underpinned the region, as a consequence of which India has hesitantly pursued a strategic rapprochement with the United States. Assessing New Delhi's multilateral and geo-strategic diplomacy, this article argues that India bandwagons with the BRICS on a global level, but seeks to balance China at the regional level. On the global multilateral level, India has common cause with other rising powers in reforming the policies and structures of most international organizations. The exceptions are the United Nations Security Council and the Non-proliferation Treaty, where China and Russia can be qualified as established powers. On the regional level, however, India has maintained ties to Russia and cultivated a strong relationship with the United States in an effort to balance and increase leverage relative to a rising China. This underlines that major power rivalries are strongly mediated by issue area and institutional context.

Key words: balancing, bandwagoning, BRICS, geopolitics, global governance, Indian foreign policy, international institutions, rising powers, strategic partnership.

By comparison to recent economic, political, and military crises affecting other BRICS countries, India currently stands as the major exception [World Bank 2016]. India's growth rates have been increasing since 2012, while Narendra Modi's image as a strong leader was brandished when his Bharatiya Janata Party (BJP) consolidated control in the 2014 elections. India's status as a major world power is underpinned further by its territory and vast population, its democratic political traditions, military strengthening, nuclear weapons capabilities, and demographic advantages favourable to growth in the coming decades. In terms of India's global role, this is a fundamental transformation, having emerged at independence in 1947 "a very weak country, deeply impoverished, internally divided and with little ability to project its power abroad" [Mehta 2009: 211].

To what end is New Delhi putting its new-found power and influence? Is India bandwagoning with a rising China, or balancing against it? In contrast to conditions under unipolarity, when bandwagoning implied coalition with the United States [Wohlforth 1999: 25], today, countries must navigate a complex order in which multiple centres of power have emerged, with China foremost among them [Stephen 2014; Vezirgiannidou 2013; Rapkin, Thompson 2003]. In this article, bandwagoning is defined as aligning with the major rising power in a power transition (in this case, China), and balancing as aligning with the currently dominant, but declining power (in this case, the United States) [Schweller 1994: 81]. Based on an analysis of New Delhi's multilateral and geo-strategic diplomacy, it can be observed that India's approach varies according to issue area and institutional context. First, as a rising power, India encounters multilateral institutions with policies and procedural rules that reflect the preferences of established powers. On this global multilateral level, India often finds itself standing alongside China and other members of the BRICS in demanding reforms. Indian policy makers have therefore welcomed the framing as a 'rising power' and bandwagoned with the BRICS as another route to global influence. But the regional level reveals a different picture. As China's rise in Asia has unsettled the balances of power which have underpinned the region, India has maintained strong ties to Russia, pursued a strategic rapprochement with the United States, and sought to build stronger ties to countries in South East Asia and the wider Indo-Pacific region. In Asia, India has balanced China in an attempt to maintain its strategic autonomy in a manner consistent with its 'non-aligned' heritage.

REFORMING GLOBAL GOVERNANCE: BANDWAGONING WITH BRICS

Since independence, Indians have typically felt that their country's status in the world is inconsistent with their self-perception as a great civilization and an emerging great nation [Narlikar 2013; Nayar, Paul 2003]. Alongside functional gains from having influence over important international policy outcomes, seeking reform of global governance also serves the critical social purpose of gaining recognition and respect in world affairs [Nel 2010; Wolf 2011]. For this purpose, the BRICS club provides India with a coalition of similarly dissatisfied states with whom to cooperate in the reform of multilateral institutions. Reforming the institutions of global governance to give emerging and developing countries a greater say has been a core strategic objective of the BRICS club, as it is of India's other informal diplomatic club, the IBSA Trilateral Forum [Stephen 2012; Nafey 2005; Armijo, Roberts 2014].

At the WTO, India has formed bargaining coalitions with other members of the BRICS. As a traditional critic of the dominance of Western countries in the multilateral trade regime, India has deftly exploited coalitions with other developing countries to receive integration in 'green room' negotiations of the major trade powers [Efstathopoulos 2012]. While characterized by strong dissimilarities in their trading profiles, India and the other BRICS states shared an aversion to the 'deep integration' agenda fostered by established powers [Stephen, Parizek 2015]. Brazil and India have been longstanding partners in the multilateral trading regime, whose cooperation goes back

at least to the GATT Uruguay Round, where they formed a core for developing countries sceptical of the new trade liberalization agenda [Hopewell 2014]. India has been restrained in its rhetoric about China's trading practices and in 2011, BRICS Ministers also made their first joint statement on the sidelines of a WTO Ministerial Conference.

Alongside the WTO, India has also worked together with China and the BRICS to attempt favourable reform of the International Monetary Fund (IMF) and International Bank for Reconstruction and Development (World Bank). Already in 2009, the BRICS made reform of the IMF a central topic of their joint communiqués. Their financial communiqué in 2009 called for “reviewing the IMF role and mandate so as to adapt it to a new global monetary and financial architecture”¹. The specifics of their demands consisted of the following: recapitalization of the IMF based on a permanent quota increase, an increase in the role of the Special Drawing Rights (SDRs), new credit facilities for crisis lending that would be more flexible regarding conditionality, a more balanced approach to macroeconomic surveillance that also focuses on developed countries' policies and cross-border capital flows, and a major redistribution of voting rights and of representation on the Executive Board². They also called for reform of the World Bank Group based on an even balance between advanced and emerging/developing countries, as well as heads of the IMF and World Bank to be selected “irrespective of nationality or regional considerations”³. Opposition to the perceived liberal bias of the Bretton Woods institutions carried forward also into India's, China's, and other developing countries' opposition to the World Bank annual *Doing Business Report*, introduced in 2004, being seen as biased towards deregulation and outside the Bank's remit⁴. Essentially, India and its BRICS partners seek to release these institutions away from Western control and into a multipolar constellation.

This project has had limited success [Vestergaard, Wade 2015], and India along with the BRICS have sought autonomy from the IMF by accumulating unilateral reserves, and have furthered alternative sources of investment and credit provision through regional alternatives to the World Bank [Chin 2010]. In addition, at the behest of the Indian Finance Minister, the BRICS in 2012 commissioned a joint working group to study the viability of setting up a BRICS Development Bank, “for mobilizing resources for infrastructure and sustainable development projects in BRICS and other emerging economies and developing countries, to supplement the existing efforts of multilateral and regional financial institutions for global growth and development”⁵. The intention to set up the BRICS New Development Bank was announced at the fifth BRICS Summit in

¹ BRIC Finance Ministers, “BRICs Finance Communiqué” (14 March 2009), §9. URL: www.brics.utoronto.ca/docs/090314-finance.html (accessed: 13.10.2016).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Bretton Woods Project, “India Complains Doing Business ‘not Robust’” (2013). URL: <http://www.brettonwoodsproject.org/art-572256> (accessed: 13.10.2016).

⁵ BRICS Leaders, “BRICS Leaders' Declaration” (29 March 2012). URL: <http://mea.gov.in/mystart.php?id=190019162> (accessed: 13.10.2016).

Durban in 2013, with an initial capitalization of US \$50 billion, and a mandate to focus on infrastructure development. Additionally, plans for a Contingent Reserve Arrangement of US \$100 billion were announced, to pool foreign exchange reserves among the BRICS countries⁶. By 2015 the New Development Bank had opened for business, creating another alternative to the IMF for crisis lending, and help to de-dollarize the financial relations amongst the BRICS countries [Sarkar 2016].

Meanwhile, India has supported the Russian and Chinese aspiration to revise the international monetary system by eroding the international dominance of the US dollar. The BRICS have called into question the legitimacy and efficiency of the US dollar's role, calling for a more 'diverse' international monetary system, have begun invoicing intra-BRICS trade in their own currencies, and tried to boost the role of the IMF's Special Drawing Rights⁷. A shift away from the dollar involves both a change in the international monetary system as well as a redistribution of the costs and benefits of controlling the world's de facto currency. The potential erosion of the role of the US dollar has been interpreted as a major signal for the end of the Western-dominated global economic order [Helleiner, Kirshner 2009].

The major exception to this pattern is the Security Council and other regimes associated with unique privileges for the 'P5' countries, such as the Nuclear Non-proliferation Treaty (NPT). India and Brazil are long-standing claimants to permanent seats on the Security Council, and South Africa's deference to the African Union position has not hidden its aspirations also to be included. So far, however, any common interest that the BRICS countries might share in pushing the global system towards multipolarity has not been enough to overcome their divergent institutional interests on the Security Council, with BRICS declarations signaling only vague support for the IBSA states to play a greater role in the UN, but falling short of endorsing permanent Security Council membership. This stands in strong contrast to the positions of the Western P5 members, each of whom has in some way indicated support for Indian membership of the body [von Freiesleben 2013]. Here, India's institutionally shaped interests clash with the broader interest in bandwagoning with China to reduce Western dominance.

REGIONAL RIVALRIES: BALANCING A RISING CHINA

With the notable exception of the UN Security Council and the NPT, India has found common cause with the BRICS countries in pushing for a thorough reform of multilateral institutions. While this has been only partly successful, it underlines the common dissatisfaction rising powers have with institutions typically created by formerly powerful countries who inscribe their advantages into institutional rules [Stephen 2017]. A different picture emerges on the regional level, however.

⁶ Bretton Woods Project, "BRICS Challenge IFIs" (2013). URL: <http://brettonwoodsproject.org/art-572264> (accessed: 13.10.2016).

⁷ BRICS Leaders, "BRICS Leaders' Declaration" (14 April 2011). URL: <http://netindian.in/news/2011/04/14/00012494/sanya-declaration-brics-leaders> (accessed: 13.10.2016).

A significant level of distrust and geo-strategic rivalry still characterizes Sino-Indian relations [Rehman 2009]. Signs of these geopolitical rivalries include accelerated increases of military spending in both countries, upgrades to frontier infrastructure with military ramifications, Chinese economic and military (including nuclear) ties to Pakistan, and the persistence of the border dispute [Rehman 2009]. Indian foreign policy thinkers have ranked China along with Pakistan as one of the two greatest ‘challenges’ that face Indian ‘hard power’, and have openly discussed the possibilities of a renewed Sino-Indian armed conflict [Khilnani et al. 2012: 38]. India has also looked on wearily as China has maintained ties to Pakistan, and boosted its ties to countries in India’s immediate neighbourhood, such as Nepal, Bangladesh and the Maldives [Rehman 2009]. Although India does not want to be seen as part of an American anti-China containment or balancing strategy [Mehta 2009: 232], and has avoided being roped in to alliances that would limit its strategic autonomy, its goal of independence and autonomy leads it to behaviour consistent with the balancing paradigm.

Due to China’s economic first-mover advantage, its military preponderance, and its permanent Security Council seat, India has sought out ties to both Russia and the United States, and boosted its relations with smaller South East Asian nations as well as Japan and Indonesia [Blank 2007]. Strategic and military ties to Russia remain strong, and Narendra Modi reassured Vladimir Putin in 2015 that Russia remains India’s principal external partner⁸. But probably the most significant response by India to China’s rise has been to move closer to the United States in the form of a ‘strategic partnership’. With the rise of China and broader signs of a Russian-Chinese partnership [Ying 2016], the United States has sought to overcome its estrangement from India and actively courts India as a major world power [Tellis 2005]. In 1998 the United States was condemning India for its Pokhran-II nuclear tests; by 2005 the two countries had concluded the “US—India Civil Nuclear Agreement” (123 Agreement) under which India’s nuclear status was effectively recognized, despite India still refusing to sign the NPT or Comprehensive Test Ban Treaty (CTBT) [Narlikar 2013: 600]. Moreover, a common defense agreement and official statements welcoming and seeking to enhance India’s status as a world power underlined the United States’ interest in courting India as a counterweight to China [Blank 2007: 2—4; Rehman 2009: 125—29; Narlikar 2013: 599—601]. This was enhanced again in 2010 with the US-India Strategic Dialogue.

Nonetheless, India has also avoided entanglement in any US-led anti-China containment strategy. The nuclear deal with the United States was only narrowly passed in the Lok Sabha, and Russia has sought to deepen ties to India and China through the concept of a ‘strategic triangle’ [Blank 2007: 7—8]. Indian policy makers continue to attach a strong meaning to the concept of autonomy and independence in world affairs, the core concept behind its traditional stance of non-alignment [Khilnani et al. 2012; Nafey 2005]. Thus the strategic partnership with the United States is pursued at the same time as economic integration with China (China is India’s biggest trading partner) and

⁸ TASS Russian News Agency, “Indian PM Narendra Modi: Russia Remains Our Principal Partner” (22 December 2016). URL: <http://tass.com/world/846052>.

political engagement with other rising powers in the BRICS Forum. In this respect, the BRICS Forum undoubtedly benefits India in rebalancing its relations to Russia and China after its closer ties to the United States, as does India's admission (along with Pakistan) to the Shanghai Cooperation Organisation, agreed in June 2016.

The “balancing act” [Pant, Super 2015: 756] of India's relations to the other major powers manifests differently in the global and regional levels. As India navigates contemporary international power shifts, it has sought out coalitions with the BRICS and other developing countries to push for reform of global governance. Yet China is perceived as second only to Pakistan as one of India's geopolitical threats, pushing it into closer ties to the United States, Japan, and the South East Asian countries. On the regional level, India has maintained ties to Russia and cultivated a strong relationship with the United States in an effort to balance and increase leverage relative to a rising China. This underlines that major power rivalries are strongly mediated by issue area and institutional context.

These two tracks of Indian foreign policy are not fully insulated but interrelated. International institutions continue to play an important role, but are increasingly affected by geopolitical tensions between the major powers. New institutions and groupings are emerging on a regional and interregional basis that in many ways would compete with universal multilateral institutions. Seen in this light, the BRICS initiative and the BRICS' recent New Development Bank is only one case of a new politics of inter-institutional competition.

International politics has become more institutionally mediated and largely non-ideological. No overarching cleavage characterizes political conflicts between the major powers, which vary according to institutional context and policy field. Yet, in light of events in Ukraine, Syria, the South China Sea, and across many multilateral contexts, a growing divergence has emerged between China and Russia, on one hand, and the United States and its Western partners, on the other. If these trends continue, India may face increased pressure — but also increased incentives — to side with one camp over the other. The choices that India currently faces may endure well into the future.

REFERENCES

Armijo, Leslie Elliott, Roberts, C. (2014). The Emerging Powers and Global Governance: Why the BRICS Matter. In *Handbook of Emerging Economies*. Ed. by Robert Looney. New York: Routledge, pp. 503—524.

Blank, St. (2007). The Geostrategic Implications of the Indo-American Strategic Partnership. *India Review*, 6 (1), pp. 1—24.

Chin, G. (2010). Remaking the Architecture: The Emerging Powers, Self-Insuring and Regional Insulation. *International Affairs*, 86 (3), pp. 693—715.

Efstathopoulos, Ch. (2012). Leadership in the WTO: Brazil, India and the Doha Development Agenda. *Cambridge Review of International Affairs*, 25 (2), pp. 269—293.

Helleiner, E., Kirshner, J. (2009). The Future of the Dollar: Whither the Key Currency? *The Future of the Dollar*. Edit. by Eric Helleiner and Jonathan Kirshner. Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 1—23.

Hopewell, K. (2014). Different Paths to Power: The Rise of Brazil, India and China at the World Trade Organization. *Review of International Political Economy*, 22 (2), pp. 311—338.

Khilnani, S., Kumar, R., Mehta, P.Bh., Menon, P., Nilekani, N., Raghavan, S., Saran, Sh., Varadarajan, S. (2012). *NonAlignment 2.0: A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century*. New Delhi: Centre for Policy Research.

Mehta, P.B. (2009). Still Under Nehru's Shadow? The Absence of Foreign Policy Frameworks in India. *India Review*, 8 (3), pp. 209—233.

Nafey, A. (2005). IBSA Forum: The Rise of 'New' Non-Alignment. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 61 (1), pp. 1—78.

Narlikar, A. (2013). India Rising: Responsible to Whom? *International Affairs*, 89 (3), pp. 595—614.

Nayar, B.R., Paul, T.V. (2003). *India in the World Order: Searching for Major Power Status*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nel, Ph. (2010). Redistribution and Recognition: What Emerging Regional Powers Want. *Review of International Studies*, 36 (4), pp. 951—974.

Pant, H.V., Super J.M. (2015). India's 'Non-Alignment' Conundrum: A Twentieth-Century Policy in a Changing World. *International Affairs*, 91 (4), pp. 747—764.

Rapkin, D., Thompson, W. (2003). Power Transition, Challenge and the (Re)Emergence of China. *International Interactions*, 29 (4), pp. 315—342.

Rehman, I. (2009). Keeping the Dragon at Bay: India's Counter-Containment of China in Asia. *Asian Security*, 5 (2), pp. 114—143.

Sarkar, R. (2016). Trends in Global Finance: The New Development (BRICS) Bank. *Loyola University Chicago International Law Review*, 13 (2), pp. 89—103.

Schweller, R.L. (1994). Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In. *International Security*, 19 (1), pp. 72—107.

Stephen, M.D. (2012). Rising Regional Powers and International Institutions: The Foreign Policy Orientations of India, Brazil and South Africa. *Global Society*, 26 (3), pp. 289—309.

Stephen, M.D. (2014). Rising Powers, Global Capitalism and Liberal Global Governance: A Historical Materialist Account of the BRICs Challenge. *European Journal of International Relations*, 20 (4), pp. 912—938.

Stephen, M.D. (2017) forthcoming. Emerging Powers and Emerging Trends in Global Governance. *Global Governance*.

Stephen, M.D., Parizek, M. (2015). New Pressures on the WTO: The Rise of Illiberal Trading States. *Paper Presented at the 8th Annual Conference on the Political Economy of International Organizations*. Berlin: Hertie School of Governance.

Tellis, A.J. (2005). *India as a New Global Power: An Action Agenda for the United States*. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.

Vestergaard, J., Wade, R.H. (2015). Still in the Woods: Gridlock in the IMF and the World Bank Puts Multilateralism at Risk. *Global Policy*, 6 (1), pp. 1—12.

Veziroglou, S.-E. (2013). The United States and Rising Powers in a Post-Hegemonic Global Order. *International Affairs*, 89 (3), pp. 635—651.

von Freiesleben, J. (2013). Reform of the Security Council. In *Governing and Managing Change at the United Nations*. Ed. by Lydia Swart and Estelle Perry. New York: Center for UN Reform Education, pp. 1—22.

Wohlforth, W. (1999). The Stability of a Unipolar World. *International Security*, 24 (1), pp. 5—41.

Wolf, R. (2011). Respect and Disrespect in International Politics: The Significance of Status Recognition. *International Theory*, 3 (1), pp. 105—142.

World Bank (2016). *Global Economic Prospects: Divergences and Risks.* Washington D.C.: World Bank Group.

Ying, F. (2016). How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies. *Foreign Affairs*, 95 (1), pp. 96—105.

Received: 17.10.2016

For citations: Stephen, M. (2016). India and the BRICS: global bandwagoning and regional balancing. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 595—602.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-595-602

ИНДИЯ И БРИКС: «ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ» И РЕГИОНАЛЬНЫЙ БАЛАНС

М.Д. Стивэн

Берлинский научный центр социальных исследований, Берлин, Германия

Индийские политики приветствовали восприятие Индии как «восходящей державы» и встретили единым фронтом инициативу БРИКС по реформированию аспектов глобального управления. Тем не менее, подъем Китая в Азии не установил баланс сил в регионе, и, как следствие, Индия нерешительно следует по пути стратегического сближения с США. Оценивая многостороннюю и геостратегическую дипломатию Нью-Дели, автор статьи делает вывод о том, что Индия на глобальном уровне присоединяется к БРИКС, однако на региональном уровне стремится сбалансировать Китай. На глобальном многостороннем уровне у Индии есть ряд общих точек соприкосновения с другими восходящими державами в области реформирования политики и структуры большинства международных организаций. Исключением являются Совет Безопасности ООН и Договор о нераспространении ядерного оружия, где КНР и Россия рассматриваются как ведущие державы. Тем не менее, на региональном уровне Индия поддерживает связи с Россией и культивирует прочные отношения с Соединенными Штатами Америки в попытке сбалансировать и увеличить рычаги влияния на возвышающийся Китай. Это подчеркивает, что проблемные области и институциональный контекст являются сильным связующим звеном для основных конкурирующих сил.

Ключевые слова: балансирование, концерт, БРИКС, геополитика, глобальное управление, внешняя политика Индии, международные институты, восходящие державы, стратегическое партнерство.

Дата поступления статьи: 17.10.2016

Для цитирования: *Stephen M. India and the BRICS: global bandwagoning and regional balancing // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2016. Т. 16. № 4. С. 595—602.

© Stephen M., 2016

ИНДИЯ И АРАБСКИЙ МИР

С.И. Лунев

МГИМО МИД России, Москва, Россия

В статье рассматривается эволюция индийско-арабских взаимосвязей и анализируются их различные подсистемы. Политика Индии в отношении Ближнего Востока вызывает особый интерес в связи с постепенным превращением южноазиатской страны в великую державу. Особый акцент в статье сделан на тезисе, что одна из базовых черт развития Индии — исключительная преемственность, отсутствие каких-либо радикальных структурных перемен как на высшем уровне (цивилизационном), так и на более низких уровнях, включая внешнеполитический.

Политика балансирования, характерная для страны после получения независимости, продолжает проводиться и в настоящий момент не только на глобальном уровне (лабиринт между США, Россией и Китаем), но и в конкретных регионах, в том числе на Большом Ближнем Востоке. По мнению некоторых исследователей, Индия балансирует в мегарегионе между Ираном и Саудовской Аравией, США и Ираном, Израилем и арабскими странами.

Ключевые слова: Индия, Ближний Восток, Персидский залив, энергетика, диаспора, международный терроризм и радикализм, балансирование.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМА И БАЛАНСИРОВАНИЕ

Политические связи Индии с арабскими странами после краха биполярной системы существенно ухудшились. В республике после достижения независимости главной реальной стратегической целью внешней политики было определено превращение страны в мировую державу¹. Вплоть до начала 1990-х гг. одним из важнейших направлений стало укрепление связей с развивающимися странами — с целью превращения в лидера зоны Юга. В этом плане Ближний Восток (особенно Египет в 1950—1970-е гг.) играл особую роль. Индия полностью встала на сторону арабов в их противостоянии с Израилем: Дели признал его лишь в сентябре 1950 г., но дипломатические отношения на уровне посольств в биполярный период не поддерживались.

После распада социалистической системы Индия потеряла возможность играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия между двумя системами, что в прошлом приносило ей существенную выгоду. Произошла определенная переориентация внешнеполитической стратегии Индии (правда, она касалась, в первую очередь, механизмов и способов достижения макроцелей, а не самих стратегических задач). Постепенно Дели осо-

¹ Данная задача остается основополагающей для внешней политики страны уже на протяжении почти 70 лет.

знал, что перспективы Движения неприсоединения явно сузились, что упрочения позиций в зоне Юга недостаточно для нахождения в «высшей мировой лиге», а резко обострившаяся дифференциация среди развивающихся стран препятствует образованию какого-либо единого для них политического или экономического альянса. В результате значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран, и она фактически потеряла статус выразителя их интересов. Индийская дипломатия стала намного более «точечной».

В политическом плане арабский мир перестал играть для Индии особо важную роль. Уже правительство П.В. Нарасимха Рао (1991—1996 гг.) установило в январе 1992 г. полноценные дипломатические отношения с Израилем и проголосовало за отмену резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 3379 от 10 ноября 1975 г., в которой сионизм признавался формой расизма и расовой дискриминации. По существу, до сих пор связи Индии с Израилем являются более тесными и теплыми, чем с арабскими странами. Активно развивается военно-политическая подсистема двусторонних отношений, и сейчас Израиль является одним из главных партнеров Индии по поставке вооружений (он уступает только России и США)². Существуют тесное сотрудничество в области высоких технологий. Индия вошла в тройку ключевых азиатских партнеров Израиля, который оказывает Индии существенное содействие в сфере сельского хозяйства, особенно ирригации³. Достаточно активно развиваются и взаимоотношения с Ираном, который рассматривается суннитскими государствами как важнейший оппонент. Достаточно отметить, что Индия была одним из немногих государств, которые активно взаимодействовали с Ираном в период действия против него западных санкций [Pradhan 2011: 49—51].

Если правительства, сформированные Индийским национальным конгрессом, вели себя более осторожно в отношении Израиля, то администрация правой Бхаратия Джаната партии, считающейся националистической индусской организацией, — более решительно. Так, в 2003 г. Ариэль Шарон стал первым премьер-министром Израиля, осуществившим визит в Индию. Еще сильнее двусторонние отношения укрепились после смены правительства в Индии в 2014 г. В июле 2015 г. Дели воздержался при голосовании в Совете ООН по правам человека по резолюции об осуждении военных действий Израиля в секторе Газа в 2014 г. В октябре 2016 г. Индия поступила таким же образом в ЮНЕСКО (по поводу ограничения для мусульман доступа к мечети Аль-Акса)⁴. При этом существуют определенные ограничения для полномасштабного развития индийско-израильских отношений: объявленный визит нового лидера Индии Нарендры Моды так

² Madan T. Why India and Israel are bringing their relationship out from “under the carpet”. Brookings, 11.02.2016. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2016/02/11/why-india-and-israel-are-bringing-their-relationship-out-from-under-the-carpet/> (accessed 18.10.2016).

³ В сентябре 2015 г. был начат третий в программе индийско-израильского сотрудничества в сельскохозяйственной сфере (The Ministry of External Affairs Annual Report for 2015—2016. New Delhi: Ministry of External Affairs of India, 2016, p. 61).

⁴ Kaura V. India’s Israel Challenge. The Diplomat (Tokyo). October 29, 2016.

и не состоялся за последние два года, зато премьер-министр Индии посетил Объединенные Арабские Эмираты (август 2015 г.) и Саудовскую Аравию (апрель 2016 г.).

Индийско-арабские саммиты стали проходить с начала нового века. В январе 2006 г. Индию посетил король Саудовской Аравии Абдулла (первый визит за полвека), который подписал стратегическое энергетическое соглашение, получившее название «Делийская декларация»⁵. Ответный визит Манмохан Сингх совершил в феврале 2010 г. (первая поездка премьер-министра Индии в Саудовскую Аравию почти за 30 лет)⁶. Во время переговоров Н. Модии в 2016 г. акцент, как и в 2010 г., был сделан на проблемах энергетики, безопасности, развития торговли и положения индийских эмигрантов в стране. Прием премьер-министра, как и в предыдущий раз, был чрезвычайно теплым⁷.

В политическом плане арабские государства важны для Индии с точки зрения возможного вхождения Индии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН (о своем согласии, правда, с существенными оговорками, сообщили США, Китай и Россия). Позиция более 20 стран по данному вопросу будет значимой в случае реализации подобного сценария.

В целом Индия пытается проводить политику балансирования и лавирования в регионе. До сих пор заметно воздействие политики неприсоединения, краеугольного камня внешнеполитического курса страны в биполярную эпоху. Индия постоянно балансирует между США и Китаем, Россией и США, опираясь на опыт 1960-х гг., когда Индия одновременно была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии и от США, и от СССР, и учитывая опыт 1970-х гг., когда крен в сторону одной из сверхдержав (Советского Союза) негативно сказался на международных позициях Индии.

Дели практически не реагирует на основные конфликты на Ближнем Востоке и по существу не делал официальных заявлений по базовым конфликтам последнего времени: по Ираку, Ливии и Сирии, ограничиваясь заявлениями, что решение проблем должно осуществляться исключительно политико-дипломатическими средствами и военное вмешательство извне может лишь их усугубить. Призывы ряда политиков и экспертов о необходимости активного участия республики в укреплении региональной безопасности не встречают особо позитивной реакции Дели, в том числе и по причине, как правило, негативного отношения к этому со стороны населения и оппозиционных сил. Еще в 1991 г. правительство Чандра Шекхара (в ходе войны в Персидском заливе) разрешило американским военным транспортным самолетам проводить дозаправку в аэропорту Бомбея, но под резким давлением Индийского национального конгресса уже через месяц отменило свое решение [Baral, Mohanty 1992: 374]. В начале лета 2003 г. Дели чуть было

⁵ India, Saudi Arabia sign strategic energy pact. *The Hindu* (New Delhi). 04.06.2008.

⁶ Jayanth J. Manmohan to visit Saudi Arabia, first PM in 28 years. *The Hindustan Times* (New Delhi). 28.02.2010.

⁷ Malhotra J. Af-Pak concerns fuel India-Saudi ties on PM's visit. *Business Standard* (New Delhi). 28.02.2010.

не направил дивизию в Ирак, но уже в августе индийское правительство раскритиковало оккупацию США Ирака [Chaudhuri 2014: 202—207]. В целом очевидно, что Индия крайне недовольна политикой Запада на Ближнем Востоке и ее последствиями (в том числе и «арабской весной»), что находит определенное отражение в российско-индийских декларациях и коммюнике, но публично ее критикуют только эксперты и политики, находящиеся в оппозиции.

Арабский мир крайне важен для Индии из-за поставок углеводородов, миграции населения из Индии в страны Персидского залива и того, что для державы необходимо решать задачи как по нормализации отношений с исламским миром, так и по решительному противодействию исламистским террористам. Это предопределило акцент Индии на развитии связей со странами Персидского залива, тогда как Магриб и Левант не представляют для нее большой важности. Особенно значимым для южноазиатской державы является энергетический параметр.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Энергетика играет ключевую роль для южноазиатской страны. Стратегическая установка Нью-Дели на усиление своего влияния в мировой политике посредством опоры на растущий хозяйственный потенциал предопределяет пристальное внимание правящих кругов к обеспечению энергоресурсами как одному из важнейших элементов экономического развития, особенно в условиях исчерпания собственных запасов нефти и газа в Индии. В этой стране в наиболее острой форме наблюдается противоречие между относительно ограниченной собственной ресурсной базой и крупными объемами потребления энергоносителей в условиях ускоренного (на общемировом фоне) экономического роста.

На Индию, в которой проживает более 17 % населения мира, приходится лишь 6 % производства энергии. Правда, темпы роста последнего очень велики: в новом веке объем удвоился. По оценке Международного энергетического агентства, до 2040 г. на страну придется четверть мирового роста энергетики⁸. На Индию уже в 2014 г. пришлось более 9 % импортируемой в мире сырой нефти (189 млн тонн⁹)¹⁰, а ее потребности в нефти возрастут до 458 млн тонн в 2040 г., а природного газа — с 45 в 2013 г. до 149 в 2040 г. Доля газа и нефти в потребляемой страной энергии практически не изменится: соответствующие цифры — 29 % и 32 %¹¹.

Рост внутреннего производства будет все больше отставать от спроса, и более 90 % потребностей Индии в нефти к 2040 г. будет удовлетворяться за счет

⁸ India Energy Outlook. World Energy Outlook Special Report. (2015). Paris: International Energy Agency, p. 11.

⁹ Key World Energy Statistics 2016. Paris: International Energy Agency, p. 11.

¹⁰ Интересно, что по производству нефтепродуктов Индия занимает 4-е место в мире, а по экспорту — 3-е (Ibid., p. 21).

¹¹ India Energy Outlook. World Energy Outlook Special Report. (2015). Paris: International Energy Agency, p. 57.

импорта¹². При этом такой прогноз является средневзвешенным: по данным Энергетического агентства США рост импорта натурального газа в Индию будет возрастать до 2040 г. ежегодно на 6,7 %¹³. Поэтому внимание мирового сообщества приковано к быстро растущим потребностям в энергоресурсах в Индии (и Китае) и их более агрессивной внешней политике, обусловленной энергетическим фактором. Повышенный интерес большинства стран мира к этим азиатским странам обусловлен опасениями, что, если возобновится дефицит предложения на нефтяном рынке и вновь установятся высокие цены на нефть, геополитическое соперничество и конфликты в борьбе за поставки могут усилиться, что приведет к дестабилизации мировой политической системы.

Арабские страны — основные поставщики нефти и природного газа в Индию. Около 50 % нефти и 85 % природного газа страна получает именно отсюда¹⁴ (главный поставщик нефти — Саудовская Аравия, а газа — Катар). В результате страны Персидского залива являются для Индии главным региональным партнером. На них приходилось 18,8 % импорта страны в 2014/2015 фин. г. и 14,6 % в следующем (почти в 3 раза больше, чем на всю Европу). Снижение объясняется падением цен на углеводороды (так, торговый оборот с Саудовской Аравией составил 48,6 млрд долларов в 2013/2014 фин. г. и 26,7 в 2015/2016 фин. г., с Объединенными Арабскими Эмиратами — 75,5 млрд долларов в 2012/2013 фин. г. и 49,7 в 2015/2016 фин. г.¹⁵ В 2004 г. Индия и страны Персидского залива подписали рамочное соглашение об экономическом союзе с целью достичь образования в дальнейшем зоны свободной торговли¹⁶ (правда, она так и не появилась до сих пор).

Серьезная зависимость от стран Персидского залива требует от Индии стремиться к диверсификации ввоза углеводородов, поскольку азиатский гигант становится чрезвычайно уязвимым, особенно из-за роста нестабильности на Ближнем Востоке. Индийское правительство пытается проводить чрезвычайно активную политику в плане освоения углеводородных ресурсов практически по всей территории земного шара (в России, Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Африке, Латинской Америке) именно в целях диверсификации источников получения углеводородов, но по разным причинам Дели это не очень удается осуществить.

Важным вопросом является и миграция индийцев на Ближний Восток. С 1960-х гг. началась третья (современная) волна индийской миграции. Это — лица, проживающие за границей, но часто сохраняющие индийское гражданство.

¹² Ibid. P. 14.

¹³ International Energy Outlook. (2016). U.S. Energy Information Administration, p. 57.

¹⁴ The Ministry of External Affairs. Annual Report. 2015—2016. New Delhi: The Ministry of External Affairs, p. XIII.

¹⁵ Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce. Export Import Data Bank. URL: <http://dgft.delhi.nic.in> (accessed 10.11.2016).

¹⁶ Embassy of India in Saudi Arabia. URL: <http://www.indianembassy.org.sa/content.aspx?id=708> (accessed 10.11.2016).

Их можно разделить условно на две категории: «нефтяников» (от инженеров до чернорабочих) в зоне Персидского залива и «профессионалов» (интеллигенцию и элиту), выехавших преимущественно в западные страны (но они есть и в зоне Персидского залива).

Причины эмиграции индийцев в основном экономические. Политические, социальные или же этнические факторы имеют меньшее значение. По опросу, проведенному Комитетом по делам индийской диаспоры, большинство эмигрантов остались бы в Индии в случае, если бы была возможность применения их талантов на родине¹⁷.

В странах Залива проживало 0,2 млн индийцев в 1975 г., 3,3 млн в 2001 г., 5 млн в 2010 г. [Rajan, Narayana 2010: 47], 6 млн в 2013 г. [Singh, Chhabra 2015: 2] и уже 8 млн индийцев в 2015 г.¹⁸ В Саудовской Аравии насчитывалось 3 млн индийцев (2016 г.)¹⁹, в Объединенных Арабских Эмиратах — 2,8 млн человек (2015 г.)²⁰. По данным ЦРУ США, в ОАЭ выходцы из Индии составляют более 40 % всего населения страны (при этом на коренных жителей ОАЭ приходится лишь 19 %, а на приехавших арабов и иранцев — 23 %). Индусы уже составляют 10 % населения Бахрейна и 5,5 % Омана (притом, что, в основном, мигрируют индийские мусульмане). 18 % жителей Катара — индийцы²¹. В Кувейте число индийцев превысило 800 тыс.²²

Около 70 % индийских эмигрантов направляются в страны Персидского залива, и здесь оказываются практически все мигранты-рабочие из Индии. Денежные переводы из региона рассматриваются как существенный вклад в улучшение уровня жизни граждан Индии и в основном осуществляются неквалифицированными или полуквалифицированными рабочими, которые составляли почти 70 % мигрантов [Pradhan 2009: 23] (20 % относились к профессионалам — от врачей до архитекторов, а 10 % — к прислуге).

Большинство стран региона не разрешают рабочим из Индии получить местное гражданство вне зависимости от их положения и доходов. Условия труда и за-

¹⁷ Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/diasporapdf/part1-exe.pdf> (accessed 10.11.2016).

¹⁸ Connor Ph. Migrant remittances worldwide drop in 2015 for first time since Great Recession. Pew Research Center. 31.08.2016.

¹⁹ PM Modi's Saudi Agenda Big On Oil And Indian Workers. NDTV, 02.04.2016. URL: <http://www.ndtv.com/india-news/pm-modis-saudi-agenda-big-on-oil-and-indian-workers-1309830> (accessed 10.11.2016).

²⁰ 2.8 million workers and \$13 bn: the story of Indian migrants to the UAE. The Hindu (New Delhi), 18.08.2015.

²¹ Официальный сайт ЦРУ США. CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ae.html>; <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ba.html>; <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mu.html>; <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/qa.html> (accessed 10.11.2016).

²² The Ministry of External Affairs. Annual Report. 2015—2016, p. 61.

работки сильно различаются для различных категорий служащих. Профессионалам разрешено привозить с собой семьи, а неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие не имеют подобного права. Индийские чернорабочие сталкиваются с множеством проблем, начиная от неприемлемых условий размещения и отказа в предоставлении медицинских услуг, заканчивая неограниченным рабочим днем, задержкой зарплат и унижениями. Только в 2014 г. почти 300 индийцев погибли на стройках в Катаре²³. В последние годы было получено разрешение на строительство школ для детей индийцев, что принято считать важным шагом на пути улучшения положения выходцев из Индии в регионе.

Из-за экономических проблем в последнее время десятки тысяч стали лишаться работы, и индийскому правительству в августе 2016 г. даже пришлось посылать им в Саудовскую Аравию продовольственную помощь²⁴. После событий в Ливии в 2011 г. все индийцы покинули страну, в 2015 г. индийское правительство вывезло 4 тыс. своих граждан из Йемена, более 7 тыс. было эвакуировано из Ирака²⁵. Подобная ситуация стала уже традиционной, начиная с операции «Буря в пустыне», когда Индия эвакуировала более 176 тыс. своих граждан [Fabian 2011: 92].

Уменьшение в будущем количества индийских мигрантов вызовет сокращение объема денежных переводов в Индию. Роль индийцев «третьей волны» в инвестициях в индийскую экономику весьма значительна. В 1991—1996 гг. на их долю пришлось 30,76 % от всех иностранных прямых капиталовложений [Hiremath 1997: 386]. Вместе с тем в Индии полагали, что эмигрантам следует существенно увеличить вливания в индийскую экономику, и местная пресса постоянно приводила пример этнических китайцев, на чью долю приходилось 70—80 % зарубежных капиталовложений в экономику КНР. Однако, по данным Мирового банка, Индия в 2015 г. по этому показателю вышла на первое место, опередив Китай. В 2006 г. индийцы «третьей волны» перевели в Индию более 23 млрд долларов (из зоны Персидского залива 12 млрд долларов)²⁶, тогда как в 1990 г. — 2,3 млрд, а в 2000 г. — 12,3²⁷. В 2012 г. из ОАЭ в Индию поступили 15,69 млрд (первое место), из Саудовской Аравии — 8,38, из Кувейта — 2,95, из Омана — 2,61, из Катара — 2,29²⁸. В 2015 г. эта цифра для всего региона уже оценивалась в 36 млрд (52 % от всех денежных переводов в Индию)²⁹.

²³ Lal N. India's Overseas Labor Pains. *The Diplomat*, 09.06.2016.

²⁴ Kazmin A., Kerr S. India offers aid to workers stranded in Saudi Arabia. *The Financial Times* (London), 01.08.2016.

²⁵ The Ministry of External Affairs. *Annual Report. 2015—2016...*, p. 60.

²⁶ *Business Line* (Mumbai), 03.10.2007.

²⁷ Panagariya Arvind. *The Indian Diaspora in the United States*. *Economic Times* (New Delhi), 23.05.2001.

²⁸ Pew Research Center: *Remittance Flows Worldwide in 2012*.

²⁹ Madan, T. Why did Indian PM Modi Drop in on Saudi Arabia Last Weekend? *Newsweek*, 09.04.2016.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Угроза Индии со стороны исламистского терроризма, становящаяся все более очевидной в постбиполярном мире, негативно сказывается на индийско-арабских отношениях. Именно Дом Сауда использовал нефтедоллары для создания многочисленных международных исламских организаций в целях распространения ислама, а значительная часть средств была получена мусульманскими радикалами и террористами. «Аль-Каида» вообще выросла из моджахедов из Саудовской Аравии. Ряд других государств региона также являются основными финансовыми донорами исламистских террористов — Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Иордания и другие.

В Индии особые опасения вызывают исламистские террористические организации Пакистана, Афганистана и Азад Кашмира (пакистанской части Кашмира), которые получают финансы и вооружения с Ближнего Востока. В стране также открыто критикуются действия Саудовской Аравии за превращение в оплот исламского радикализма и центр финансирования террористических организаций и других арабских государств, но не на официальном уровне [Pant 2013: 258; Chellaney 2006: 93; Jihadis in Jammu and Kashmir 2003: 26, 3, 103, 156—157, 216, 226, 229, 262—265].

Напротив, в ходе переговоров на высоком уровне постоянно обсуждаются вопросы совместной борьбы против исламистских террористов. Так, во время визита Н. Моди в Саудовскую Аравию речь шла об обмене разведывательными данными и борьбе с финансированием радикалов. Страны Персидского залива несколько раз даже выдавали Индии боевиков, виновных в совершении террористических актов в Республике (Саудовская Аравия — в 2012 г., ОАЭ — в 2013 г. и 2015 г.). При этом многие экстремистские мусульманские организации, действующие против Индии, имеют прочные корни именно в этих арабских странах.

В целом Индия крайне настороженно относится к исламскому экстремизму и радикализму. Еще во второй половине XX в. начался процесс возрождения исламских цивилизационных ценностей, который в последние два десятилетия сопровождается явным отчуждением от западной цивилизации, особенно ускорившимся с началом исламской революции в Иране. Отторжение европейских норм и ценностей заметно и в других регионах Востока, но именно для мусульманского мира характерны наибольшее отчуждение от западной модели, прежде всего в культурной и политических сферах, и всегдашняя готовность бросить открытый вызов лидерам мировой системы. Исламистский терроризм, по-видимому, представляет внешнюю форму этого культурно-цивилизационного отчуждения.

С самого начала Дом Сауда строил свою легитимность на неукоснительном соблюдении «канонических» исламских норм. Именно отсюда во внешнюю среду распространяется ваххабизм, который представляет позднюю редакцию ханбализма, наиболее жесткого мазхаба, отстаивающего абсолютно буквальное понимание канонов. Власти штата Джамму и Кашмир публично заявили в 2011 г., что мечети

и медресе, финансируемые Саудовской Аравией, стали главным распространителем исламского радикализма в единственном штате Индии, где преобладает мусульманское население. В 2014 г. Разведывательное бюро Индии распространило информацию, что тысячи саудовских миссионеров проповедуют крайний экстремизм в Индии [Joshi 2015: 253].

Негативное отношение Индии к «арабской весне» было связано, в первую очередь, с опасением доминирования исламских радикалов на Ближнем Востоке. Поэтому Дели был очень встревожен победой «Братьев-мусульман» в Египте в 2012 г., а их отстранение армией от власти в 2013 г. сразу привело к резкому повышению уровня индийско-египетских двусторонних отношений, особенно военно-политической подсистемы [Joshi 2015: 260].

В последнее время произошло развитие данного типа связей и с государствами Персидского залива. Индия подписала соглашения с Катаром (2008 г.), где содержится обязательство Индии защищать партнера от внешних угроз, и с Саудовской Аравией (2014 г.), многие детали которого не были раскрыты. В 2015 г. было объявлено о готовящемся подписании подобного документа с Бахрейном. Дели не раскрывает точного значения данных соглашений.

Постоянно проводятся заседания двусторонних комитетов по оборонному сотрудничеству. Осуществляются совместные военные учения (с Оманом с середины 2015 г. до середины 2016 г. их провели сухопутные силы Индии, ВМС и ВВС)³⁰. Военные суда Индии постоянно заходят в Персидский залив. Военно-морские доктрины страны особое внимание уделяют укреплению своего влияния в морской зоне (Персидский залив был назван ключевым районом интересов Индии [Rehman 2012: 70]), и, по всей видимости, для Индии в будущем понятие «регион» будет расширено, и в него кроме Южной Азии войдет большая часть Индийского океана.

Одним из мотивов индийской политики является стремление ограничить военно-политические связи Пакистана с исламским миром [The United States, India, and the Gulf 2007: 12], который уже в 1980-х гг. даже выполнял своеобразные жандармские функции в некоторых частях Персидского залива (почти 20 тыс. пакистанских наемников, включающих танковую бригаду, находились на службе Саудовской Аравии [Pakistan and Asian Peace 1985: 135]), а в 2016 г. Саудовская Аравия выразила желание превратить страну в главного военного игрока в йеменском конфликте (правда, Исламабад отверг данную просьбу). Исламский мир финансировал разработку ядерного оружия в Пакистане, который руководствуется не только стремлением достичь уровня Индии в гонке вооружений, но и стремлением занять лидирующие позиции во всем исламском мире [Cohen 1990: 172—173] и даже обещал стать ядерным щитом для Саудовской Аравии [Kapila 2016]. Поэтому цель Индии ограничить связи Пакистана с арабскими государствами представляется недостижимой.

³⁰ The Ministry of External Affairs. Annual Report. 2015—2016. pp. 63—70.

Уже в начале постбиполярного периода Дели стал пытаться укрепить отношения с восточноазиатскими странами и была провозглашена программа «Смотреть на восток». В новом веке индийские эксперты пытаются сформулировать концепцию «Смотреть на запад». Еще в 2005 г. индийские СМИ декларировали ее реальность. В опубликованном в 2012 г. индийском неофициальном, но крайне растиражированном «Докладе неприсоединения 2.0: внешняя и стратегическая политика Индии в XXI веке» Дели призвали к проведению гораздо более активной дипломатии на Ближнем Востоке для защиты экономической безопасности [Non-alignment 2.0 2014: 16]. Однако Дели пока не предлагает реального стратегического видения политики в отношении Большого Ближнего Востока. Более того, на этом направлении заметны и существенные провалы. Так, по-прежнему во многих странах исламского мира Индию воспринимают как врага ислама. Не случайно провалились попытки Дели вступить в Организацию исламского сотрудничества, даже в качестве наблюдателя (как Россия), хотя страна занимает третье место в мире по численности мусульман.

Индийско-арабские отношения представляют собой очень сложный комплекс, на который воздействуют как позитивные, так и негативные факторы. В политическом плане Ближний Восток не занимает высокого места в приоритетах внешней политики Индии. Дели сделал акцент на развитие взаимосвязей со странами Персидского залива, причем, прежде всего, по экономическим причинам. Данный субрегион является главным поставщиком углеводородов, что чрезвычайно значимо для дальнейшего быстрого экономического роста Индии (на нефть и газ приходится примерно треть импорта страны). В зоне Персидского залива, помимо этого, проживают миллионы индийских граждан, чьи денежные переводы на родину позволили Индии занять первое место по данному показателю.

Южная Азия служит рубежом между Большим Ближним Востоком и Большой Восточной Азией, и можно предположить, что возможный разлом Азии на два мега-региона пройдет прямо по ней. Это ставит Индию в трудное положение в случае нарастания мусульманского радикализма. Подобная ситуация будет подталкивать республику к всемерному расширению сотрудничества и с Западом, и с не-Западом (Россия и Восточная Азия).

Для политики Индии на Ближнем Востоке характерно невмешательство в региональные конфликты и политика балансирования. В республике пока плохо осознают, что реально великой державой страна станет только тогда, когда сможет продемонстрировать четкое видение глобальных и региональных проблем, предложить самостоятельное их решение и начнет явно отстаивать свои национальные приоритеты на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Baral J.K., Mahanty J.N. India and the Gulf Crisis: The Response of a Minority Government // Pacific Affairs. 1992. 65(3). P. 368—384.

Chaudhuri R. Forged in Crisis. India and the United States since 1947. Delhi: Harper Collins Publishers, 2014.

Chellaney B. Asian Juggernaut. The Rise of China, India and Japan. New Delhi: Harper Collins Publishers, 2006.

Cohen S.P. Solving Proliferation Problems in a Regional Context: South Asia // New Threats. Responding to the Proliferation of Nuclear, Chemical, and Delivery Capabilities in the Third World. Aspen Strategy Group Reports. Lanham, Md.: University Press of America, 1990.

Fabian K.P. Oral History: Biggest Ever Air Evacuation in History // *Indian Foreign Affairs Journal*. 2011. 17(1). P. 93—107.

Hiremath J.R. India and the Overseas Indians // *Indian Foreign Policy. Agenda for the 21st Century*. Ed. by L Mansingh. New Delhi: Foreign Service Institute in association with Konark Publishers, 1997. 1. P. 365—394.

Jihadis in Jammu and Kashmir. A Portrait Gallery (Santhanam K., Sreedhar, Saxena S., Manish). New Delhi: Sage Publications, 2003.

Joshi Sh. India and the Middle East // *Royal Society for Asian Affairs Asian Affairs*. 2015. XLVI (II). P. 251—269.

Kapila S. India's Foreign Policy Challenges in the Middle East 2016. *South Asia Analysis Group*. Ghaziabad. Paper № 6088. March 22, 2016.

Nonalignment 2.0: A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century (Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran S., Varadarajan S.). New Delhi: Penguin Publications, 2014.

Pakistan and Asian Peace. Ed. by Chopra V.D. New Delhi: Patriot Publishers, 1985.

Pant H.V. India and the Middle East: A Re-Assessment of Priorities? // *Indian Foreign Policy in a Unipolar World*. Ed. by H.V. Pant. New Delhi: Routledge, 2013. P. 251—276.

Pradhan P.K. GCC-Iran Rivalry and Strategic Challenges for India in the Gulf // *Indian Foreign Affairs Journal*. 2011. 6 (1). P. 45—57.

Pradhan S. India's Economic and Political Presence in the Gulf: A Gulf Perspective // *India's Growing Role in the Gulf*. Dubai, UAE: Gulf Research Center, 2009. P. 15—39.

Rajan, S.I., Narayana D. The financial crisis in the Gulf and its impact on South Asian migrant workers. Kerala: Centre for Development Studies. Working paper № 436, 2010.

Rehman I. India's Aspirational Naval Doctrine // *The Rise of the Indian Navy: Internal Vulnerabilities, External Challenges*. Ed. by Pant H.V. Farnham: Ashgate, 2012. P. 55—79.

Singh D., Chhabra N. Trends in Gulf Demographics and Labour Migration (focus on Bahrain). New Delhi: A Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry, 2015.

The United States, India, and the Gulf: Convergence and Divergence in a Post-Iraq World? MIT Persian Gulf Initiative Workshop Report. Cambridge, MA: MIT Center for International Studies, 20—22 March, 2007.

Дата поступления статьи: 10.10.2016

Благодарность: Данная статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-03-00338.

Для цитирования: Лунев С.И. Индия и арабский мир // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 603—615.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-603-615

INDIA AND THE ARAB WORLD

S.I. Lounev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article shows that Indian-Arab relations are very complex and are affected by many positive and negative factors. From a political point of view, the Middle East does not rank high in the priorities of India's modern foreign policy. In the bipolar period, India tried to strengthen ties with all developing countries with the aim of becoming a leader of the South. In this respect, the region (especially Egypt in the 1950—1970s) played a special role. Now India pays attention mainly to vital actors. Policy of non-interference in regional conflicts is typical for India.

Delhi has focused on the developing of ties with the countries of the Persian Gulf, due mainly to economic reasons that are of primary importance to India. This subregion is a major supplier of hydrocarbons to India, that is extremely vital for further rapid economic growth of the country (oil and gas account for about a third of India's imports). In addition to this, millions of Indian citizens live in the Persian Gulf, and India (due to them) has become the world leader by the volume of migrant remittances.

The largest semi-peripheral countries, among which India should be mentioned particularly, began to play a special role in the new world system. However, the politics of balancing is characteristic for India both on global level as well as on regional one. But a real great power (and the desire to obtain such high status was always the main goal for an Asian giant) should demonstrate a clear vision of global and regional issues, play an active role and offer its own solution of different conflicts and contradictions.

Key words: India, the Middle East, The Persian Gulf, energy, Diaspora, international terrorism and radicalism, balancing.

REFERENCES

- Baral, J.K., Mahanty, J.N. (1992). India and the Gulf Crisis: The Response of a Minority Government. *Pacific Affairs*, 65(3), pp. 368—384.
- Chaudhuri, R. (2014). *Forged in Crisis. India and the United States since 1947*. Delhi: Harper Collins Publishers.
- Chellaney, B. (2006). *Asian Juggernaut. The Rise of China, India and Japan*. New Delhi: HarperCollins Publishers.
- Cohen, S.P. (1990). Solving Proliferation Problems in a Regional Context: South Asia. *New Threats. Responding to the Proliferation of Nuclear, Chemical, and Delivery Capabilities in the Third World*. Aspen Strategy Group Reports. Lanham, Md.: University Press of America, pp. 153—177.
- Fabian, K.P. (2011). Oral History: Biggest Ever Air Evacuation in History. *Indian Foreign Affairs Journal*, 17 (1), pp. 93—107.
- Hiremath, J.R. (1997). India and the Overseas Indians. *Indian Foreign Policy. Agenda for the 21st Century*. Ed. by Mansingh L. New Delhi: Foreign Service Institute in association with Konark Publishers, 1, pp. 365—394.
- Jihadis in Jammu and Kashmir*. (2003). A Portrait Gallery (Santhanam K., Sreedhar, Saxena S., Manish). New Delhi: Sage Publications.
- Joshi, Sh. (2015). India and the Middle East. *Royal Society for Asian Affairs Asian Affairs*, XLVI (II), pp. 251—269.

Kapila, S. (2016). *India's Foreign Policy Challenges in the Middle East 2016*. South Asia Analysis Group. Ghaziabad. Paper № 6088.

Nonalignment 2.0: A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century. (2014). (Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran S., Varadarajan S.). New Delhi: Penguin Publications.

Pakistan and Asian Peace. (1985). Ed. by Chopra V.D. New Delhi: Patriot Publishers.

Pant, H.V. (2013). India and the Middle East: A Re-Assessment of Priorities? *Indian Foreign Policy in a Unipolar World*. Ed. by Pant H.V. New Delhi: Routledge, pp. 251—276.

Pradhan, P.K. (2011). GCC-Iran Rivalry and Strategic Challenges for India in the Gulf. *Indian Foreign Affairs Journal*, 6(1), pp. 45—57.

Pradhan, S. (2009). India's Economic and Political Presence in the Gulf: A Gulf Perspective. *India's Growing Role in the Gulf*. Dubai, UAE: Gulf Research Center, pp. 15—39.

Rajan, S.I., Narayana, D. (2010). *The financial crisis in the Gulf and its impact on South Asian migrant workers*. Kerala: Centre for Development Studies. Working paper № 436.

Rehman, I. (2012). India's Aspirational Naval Doctrine. *The Rise of the Indian Navy: Internal Vulnerabilities, External Challenges*. Ed. by Pant H.V. Farnham: Asghgate, pp. 55—79.

Singh, D., Chhabra, N. (2015). *Trends in Gulf Demographics and Labour Migration (focus on Bahrain)*. New Delhi: A Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry.

The United States, India, and the Gulf: Convergence and Divergence in a Post-Iraq World? (2007). MIT Persian Gulf Initiative Workshop Report. Cambridge, MA: MIT Center for International Studies.

Received: 10.10.2016

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of the project of RHF № 15-03-00338.

For citations: Lounev, S.I. (2016). India and The Arab World. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 603—615.

© ЛуНЕВ С.И., 2016

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ «СИСТЕМНОГО СДЕРЖИВАНИЯ»

К.Г. Краснов, В.И. Юртаев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье анализируются особенности формирования и реализации внешней политики Исламской Республики Иран (ИРИ) на Ближнем Востоке (Ирак, Турция, сирийско-ливано-палестинская зона, Египет, страны Персидского залива, Йемен) в условиях трансформации форм и методов осуществления стратегии Вашингтона по «системному сдерживанию» ИРИ. Особое внимание уделено выявлению потенциала ИРИ как одного из лидеров Ближневосточного региона.

Показаны основные этапы, направления и способы реализации стратегии «системного сдерживания» ИРИ как комплекса политических, экономических и военных мер, осуществляемых США и их союзниками для оказания многостороннего давления на Тегеран с целью изменения его политического курса и смены власти в стране.

Изменение внешнеполитической позиции и подходов Тегерана к решению региональных проблем рассмотрено в контексте эскалации давления на Иран со стороны США и стран Запада. Проанализировано, какие формы и методы осуществления внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности были использованы Ираном в ситуации возраставших политико-экономических рисков в связи с ужесточением режима международных и односторонних санкций.

В заключении даны оценки эффективности ближневосточного измерения иранской внешней политики в рассматриваемый период и выделены тенденции развития ситуации вокруг ИРИ, позволяющие сделать прогноз на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: Иран, США, Ближний Восток, системное сдерживание, внешняя политика, санкции.

Заключение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) между Ираном и группой шести международных посредников в июле 2015 г. и его последующее вступление в силу в январе 2016 г. стало поворотным пунктом не только для отношений Ирана со странами Запада, но и создало новую ситуацию в регионе Ближнего и Среднего Востока. Анализируя происходившие изменения, американские исследователи отмечали, что реальная перспектива отмены односторонних и международных санкций напрямую отразится на влиянии Ирана в регионе и его роли в региональных процессах¹. При этом обращало на себя внимание то, что американские аналитики прогнозировали значительный рост влияния страны, ко-

¹ James Phillips. The Dangerous Regional Implications of the Iran Nuclear Agreement. the Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2016/05/the-dangerous-regional-implications-of-the-iran-nuclear-agreement>; The Council on Foreign Relations — The Middle East After the Iran Nuclear Deal. URL: <http://www.cfr.org/middle-east-and-north-africa/middle-east-after-iran-nuclear-deal/p36963>; Suzanne Maloney. Major beneficiaries of the Iran deal: The IRGC and Hezbollah. the Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/testimonies/major-beneficiaries-of-the-iran-deal-the-irgc-and-hezbollah/> (accessed 5.11.2016).

торая более 35 лет находилась под достаточно жестким, многосторонним давлением со стороны США и их союзников. Несоизмеримость экономических и военно-политических ресурсов противостоящих сторон обосновывает необходимость рассмотрения комплекса мер, применявшихся Ираном для нейтрализации американской политики «системного сдерживания» ИРИ, для выявления ключевых факторов, определивших в конечном итоге эффективность иранской политики.

Современные подходы США в отношении Ирана были заложены в начале 80-х гг. XX в. Победа Исламской революции в Иране и бегство шаха из страны 15 января 1979 г. означали слом ближневосточного измерения «доктрины Никсона», предусматривавшей проведение «политики двух опор» на Ближнем Востоке — Саудовской Аравии как главного финансово-экономического союзника и шахского Ирана как военно-политического [Gause III 2010: 22; Alwandi 2014: 28—64].

Кардинальное изменение внешнеполитических ориентиров Ирана с прона антиамериканскую политику заставило Вашингтон пересмотреть не только свой курс на иранском направлении, но всю ближневосточную политику в целом. В лице Исламской республики США получили не просто еще одно враждебно настроенное государство, — ИРИ стала олицетворением новой, полностью альтернативной идеологической концепции. Предложенные Р. Хомейни концептуальные установки построения Исламской республики путем осуществления исламской революции, обращенные ко всему исламскому миру, представляли собой прямой вызов американской мессианской идее построения «града на холме». Следовательно, они являлись угрозой национальным интересам США и требовали реализации комплексных мер по недопущению распространения иранского влияния в регионе и мире — формировании «системного сдерживания» ИРИ.

В данном контексте необходимо отметить, что, анализируя характер, содержание, цели и задачи внешнеполитического курса США в отношении Исламской республики, зарубежные исследователи, прежде всего, представляющие американские исследовательские центры (think tanks), отмечают ее системный, комплексный характер, призванный оказать максимальное воздействие на Тегеран [Maloney 2001: 2—6; Reardon 2012: 5—21]. Вместе с тем, применительно к иранскому треку внешней политики США, в большинстве иностранных, в том числе американских, исследований используется именно термин «политика сдерживания» (containment policy) [Litwak 2015: 21—41; Kahl, Stokes, Pattani 2013: 10—16]. Авторы данных работ, указывая на недостаточную эффективность, в ряде случаев — недостаточную последовательность внешней политики Вашингтона в отношении ИРИ, подходят к ее рассмотрению как совокупности отдельных комплексов внешнеполитических мероприятий, менявшихся от одной администрации к другой. Однако они не оспаривают факт наличия общности целей и задач, стоявших перед американской внешней политикой и дипломатией на иранском направлении после 1979 г., вне зависимости от конкретного исторического этапа, что было обусловлено, в том числе, восприятием ИРИ как существенной угрозы интересам США. Это придает курсу США по взаимодействию с Исламской республикой как с одним из региональных акторов, приоритетных для США, известную преемствен-

ность и по существу стратегический характер². Совокупность указанных причин делает методологически оправданным использование в настоящей работе термина «стратегия системного сдерживания» (strategy of system containment) в отношении содержания внешнеполитического курса США на иранском направлении.

В первую очередь США начали предпринимать срочные меры по заполнению образовавшегося «вакуума силы» в регионе. Объявленная в начале 1980 г. «доктрина Картера» предусматривала создание «сил быстрого развертывания» и размещение в регионе контингента ВМС США для «обеспечения безопасности» на мировых энергетических коммуникациях [Herring 2008: 34; Patterson 2007: 28]. Предложенное затем Р. Рейганом «новое прочтение доктрины Картера» только увеличило силовой компонент в политике США на Ближнем Востоке, прежде всего в Персидском заливе. В отсутствие сильных в военном отношении региональных союзников из числа арабских стран Вашингтон был вынужден полагаться на собственные силы для обеспечения своих интересов, сводившихся к контролю над районами добычи энергоресурсов и маршрутами их транспортировки. В это время оформился военно-политический компонент «системного сдерживания» ИРИ, включавший в себя поддержание американского военного присутствия вблизи иранских границ и попытки сформировать дееспособный военный блок из числа региональных союзников США. Заливные монархии (КСА, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт и Оман), разместившие на своей территории американские контингенты, были в 1981 г. объединены в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), ставший проводником американской политики [Иранская революция... 1989: 416—438].

Не меньшее значение в Вашингтоне придавали и комплексу мер экономического воздействия на Исламскую республику. Первым шагом в этом направлении стал исполнительный указ 12170 президента США Д. Картера от 14 ноября 1979 г., поводом для которого стал захват посольства США в Тегеране. Согласно данному указу все официальные иранские авуары в Соединенных Штатах, включая счета в американских банках и их зарубежных филиалах, были заблокированы [Федорова 2016: 254—264]. Кроме того, Соединенные Штаты использовали свое влияние на западноевропейских союзников, чтобы добиться от них прекращения какого-либо сотрудничества с Ираном. На протяжении 1980-х гг. США всячески препятствовали сотрудничеству Тегерана с развитыми капиталистическими странами. Впоследствии под американские претензии к ИРИ была подведена законодательная база: в 1995 г. конгресс США принял «Законодательный акт о санкциях в отношении Ирана и Ливии», в 2006 г. переименованный в «Законодательный акт о санкциях в отношении Ирана». В соответствии с ним американским компаниям было запрещено сотрудничать с ИРИ в сфере добычи и переработки нефти, а в конгрессе США был создан специальный комитет по санкциям в отношении ИРИ. Тем самым экономический компонент «системного сдерживания» ИРИ получил свое институциональное оформление.

² Michael Doran. Obama's secret Iran Strategy. The Mosaic magazine. 2015. URL: <http://mosaicmagazine.com/essay/2015/02/obamas-secret-iran-strategy> (accessed 5.11.2016).

Следующим важнейшим компонентом «системного сдерживания» ИРИ стало идеологическое противоборство с Исламской Республикой как внутри страны, так и на региональном уровне. В масштабах Ближнего Востока Вашингтон сделал ставку на партнерство с государствами суннитского большинства, особое место среди которых занимало Королевство Саудовская Аравия (КСА) — носитель противоположной ИРИ идеологии суннитского фундаментализма (ваххабизма). Именно вокруг КСА в 1981 г. был создан ССАГПЗ. Впоследствии союзные отношения с исламскими фундаменталистами из «заливных» монархий были дополнены стратегией «демократизации Большого Ближнего Востока».

Таким образом, к концу 1980-х — началу 1990-х гг. получили юридическое и институциональное оформление три ведущих компонента политики Вашингтона по «системному сдерживанию» ИРИ: военно-политический, экономический и идеологический. При этом в зависимости от конкретной ситуации на Ближнем Востоке и в самом Иране руководство США получило возможность изменять иерархическую значимость каждого из них в политике на иранском направлении. Однако в каждый исторический период «системное сдерживание» включало вышеупомянутую триаду.

В период нахождения Дж. Буша-младшего на посту президента США (2000—2008 гг.) на первый план в структуре «системного сдерживания» вышел военно-политический компонент. Новые возможности по наращиванию военного давления на Иран появились у США после вторжения в Ирак в 2003 г. Уже к концу 2007 г. численность американского контингента в стране достигла 170 тыс. человек. Однако деятельность США и их союзников по реализации военного компонента «системного сдерживания» при ряде тактических успехов не смогла нанести решающее поражение региональным силам, ориентированным на Иран. К 2007 г., когда военный контингент США в регионе достиг максимальной численности за все предшествующие годы, стало очевидно, что наращивание американского военного потенциала, сопровождавшееся демонстрацией готовности его использования против ИРИ, не оправдало себя. Вмешательство Вашингтона во внутренние дела мусульманских стран, пусть даже и под самыми благовидными предлогами, привело к эскалации напряженности в регионе, усилению кровопролития и братоубийству мусульманских народов [Дружиловский 2016: 52—57].

Осуществление этого курса привело к росту потерь среди военнослужащих США, поскольку Тегеран с успехом противопоставил американской стратегии, основанной на задействовании крупных формирований регулярных сил при массовой поддержке авиации, собственный вариант использования многочисленных, высококомобильных иррегулярных подразделений³. В частности, Тегеран использовал в своих целях военно-политическое движение иракских шиитов «Аса-иб Ахль уль-Хакк», построенное на принципах сетевой структуры⁴. По инфор-

³ The Weekly Standart, The Institute for the study of war — Iran's proxy war against USA and the Iraqi government. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/reports/IraqReport06.pdf> (accessed 7.11.2016).

⁴ The American Forces Press Service — Petraeus: Interrogations Reveal Iranian Influence in Iraq. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2007/04/mil-070426-afps03.htm> (accessed 7.11.2016).

мации американских СМИ, на территории Ирака действовало порядка 150 оперативных сотрудников КСИР ИРИ, осуществлявших планирование и координацию деятельности шиитских вооруженных формирований⁵. Ирак стал для США «новым Вьетнамом» [Iraq and... 2008: 94—125] — с 2008 г. по причине высоких потерь американский контингент в Ираке неуклонно снижался, сократившись до 20 тыс. человек к 2012 г.

При этом затраты Ирана на поддержку военных формирований в Йемене, Сирии, Ливане и Палестине были значительно меньше расходов США и союзных им государств на содержание значительных формирований регулярных войск. Кроме того, динамика американо-иранского противостояния показала, что попытки выстраивать отношения с Ираном с позиции силы в расчете на получение односторонних преимуществ приводят к противоположным результатам. По мере нарастания военной угрозы со стороны США в 2001—2005 гг. руководству ИРИ удалось сплотить население вокруг властей страны, что позволило М. Ахмадинежаду, одержавшему победу на выборах президента ИРИ в 2005 г., ужесточить подходы к диалогу с Западом.

Б. Обама, сменивший Дж. Буша на посту президента США в 2008 г., в своей речи в марте 2009 г. обратился к властям и народу ИРИ, отметив готовность к началу переговоров для урегулирования напряженности в двусторонних отношениях, чем обозначил отход силового компонента «системного сдерживания» на второй план. В этот период на первое место выходит экономический компонент, который после введения в 2010 г. односторонних санкций США и ЕС, направленных против банковского сектора и топливно-энергетического комплекса ИРИ, приобрел черты экономической войны. К 2012 г. система разнообразных односторонних и многосторонних санкций в отношении ИРИ включала в себя не только эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов в США и страны ЕС, но и ограничила доступ Ирана к системе SWIFT, банковским услугам в третьих странах, а также технологиям и оборудованию во всех основных отраслях промышленности [Юртаев 2016: 26—29].

В свою очередь Тегеран противопоставил экономическому давлению комплекс мер по обходу санкций, организованный и проводившийся в жизнь на государственном уровне, с подключением Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и Министерства информации (МИ, разведка и контрразведка), имевших большой опыт осуществления тайных операций. При их непосредственном участии в Турции, ОАЭ, Сингапуре и Гонконге было зарегистрировано множество различных компаний-посредников, предоставлявших финансовые, страховые и транспортные услуги, а также позволявших скрыть истинное происхождение продаваемой Ираном нефти.

В попытке снизить уровень действенности санкций против банковского сектора в ИРИ использовались такие инструменты, как оплата в национальной валюте, оплата наличными средствами или золотом. Для купирования последствий

⁵ The Washington Post — Troops Authorized to Kill Iranian Operatives in Iraq. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/01/25/AR2007012502199.html> (accessed 7.11.2016).

от нефтяного эмбарго со стороны ЕС поставки иранской нефти были диверсифицированы за счет стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

В итоге сложилась эффективно действовавшая система преодоления санкций, что позволило Ирану обеспечить бесперебойное поступление валютных средств от продажи нефти в объеме, достаточном не только для обеспечения потребностей населения и гражданских отраслей экономики, но и для поддержания боевой готовности силовых структур. Кроме того, созданная усилиями КСИР и МИ сеть из компаний-посредников в третьих странах активно использовалась Центром по инновациям и техническому сотрудничеству при администрации президента ИРИ для закупки и транспортировки необходимых для военной и гражданской промышленности Ирана оборудования, материалов и технологий, подпадавших под действие санкций.

В условиях сохранения напряженности вокруг ИРИ в связи с развитием национальной атомной программы, сопровождавшейся заявлениями официальных лиц США и Израиля о готовности нанести ракетно-бомбовые удары по объектам иранской атомной инфраструктуры, повышение обороноспособности страны приобрело первостепенное значение для обеспечения независимости и территориальной целостности государства. Начиная с 2005 г. военно-воздушные силы ВС ИРИ совместно с военно-воздушными, военно-морскими и ракетно-космическими силами КСИР повысили интенсивность учений и маневров, в ходе которых отрабатывали приемы противодействия массированным атакам условного противника с воздуха и моря, включая противовоздушное прикрытие ключевых промышленных и административных объектов. Проводились учения сил народного ополчения «Басидж», осваивавших взаимодействие с регулярными частями армии и КСИР, в том числе осуществление вспомогательных функций и диверсионно-террористических операций в тылу врага.

Стабильные финансовые поступления вместе с ростом боеспособности иранских силовых структур сохранили возможности Тегерана по проецированию политического влияния на стратегически важные для ИРИ страны Ближнего Востока. Наряду с позициями в Ливане, Палестине и Ираке, имеющими ключевое значение для оказания давления на США и Израиль, после начала масштабной дестабилизации в регионе в 2010 г. (так называемой арабской весны) приоритетное значение для ИРИ получили Йемен и Сирия. Ориентирующееся на Иран шиитское «Движение аль-Хоуси» (ДХ), установившее контроль над северными районами страны после свержения правительства А. Салеха в 2011 г., стало мощным рычагом влияния ИРИ на Аравийском полуострове, с которым вынуждены считаться страны ССАГПЗ. Разгоревшаяся в 2011 г. гражданская война в Сирии не только создала перспективу утраты Ираном важнейшего регионального союзника в лице возглавляемой Б. Асадом САР, но и предоставила возможность мобилизовать все силы про-иранских ВПД для противодействия отрядам вооруженной оппозиции, спонсируемым «заливными» монархиями и странами Запада. Если раньше речь шла об опосредованном противостоянии с потенциальными противниками в Ираке и Сирии, то в новых условиях Иран получил возможность непосредственно участвовать в боевых действиях как против «умеренных» оппозиционеров, так и против

террористов из радикальных исламистских организаций, которые представляют непосредственную угрозу ИРИ и всему Ближнему Востоку [Полищук 2016: 231—242].

Вместе с оказанием прямой финансовой помощи широкому кругу ориентирующихся на Исламскую Республику Иран политических сил, по мере развития своего военно-промышленного комплекса Иран получил возможность снабжать своих союзников все более эффективными видами вооружений. Благодаря системе обхода санкций, Тегеран смог продолжить модернизацию национального ВПК, добившись значительных успехов в этой сфере: к 2010 г. была завершена разработка и начато производство новых систем оборонительных и наступательных вооружений. Среди них: комплексы ПВО «Мерсад», «Сайад», «Раад», «Фаджр», «Мисаг» и «Йа Зохра», оснащенные современными радиолокационными системами и ракетами «земля — воздух». Особое значение имело завершение работ над баллистическими ракетами средней дальности «Шахаб-3» и «Седжилъ» с дальностью до 1,5 тыс. км, способных уверенно поражать военные базы США в Персидском заливе и стратегические объекты на территории Израиля⁶. В настоящее время в Иране на стадии летно-конструкторских испытаний ведется работа над ракетой «Шахаб-4» — следующей моделью, предназначенной для поражения объектов противника на дальности до 5 тыс. км. На подобной стадии разработки находится и первая иранская мобильная крылатая ракета «Шахаб-5», способная поражать цели противника даже на территории некоторых европейских государств, входящих в блок НАТО [Сажин, Бондарь 2014: 342].

Оборонно-промышленным комплексом ИРИ было также налажено производство более простых и дешевых оперативно-тактических ракетных комплексов (ОТРК) «Фатех-110» и «Зальзаль» с дальностью до 500 км, а также массовый выпуск реактивных систем залпового огня (РСЗО) семейств «Фалак» и «Фаджр». Современные ОТРК и РСЗО иранского производства, поставлявшиеся союзникам Тегерана в Ливане, Палестине, Сирии и Йемене, значительно увеличили их боевую мощь. Наиболее показательны примеры их боевого применения в Йемене, где отряды ДХ подвергают разрушительным ракетным обстрелам не только приграничные базы саудовских силовиков, но и военные объекты в глубине территории королевства⁷.

Второй важнейшей составляющей «системного сдерживания» ИРИ, вышедшей на первый план после прихода Б. Обамы в Белый дом, стал идеологический компонент, нацеленный на ослабление регионального влияния Тегерана за счет изменения политического ландшафта на Ближнем Востоке. Содержанием поли-

⁶ Iran missile program. Nuclear Threat Initiative. URL: <http://www.nti.org/learn/countries/iran/delivery-systems>; Wisconsin Project on Nuclear Arms Control — Iran Missile Milestones: 1985-2016. URL: <http://www.iranwatch.org/our-publications/weapon-program-background-report/iran-missile-milestones-1985-2016> (accessed 8.11.2016).

⁷ Yemen's Houthis respond to air strike with missile attack. URL: <http://www.reuters.com/article/us-yemen-security-idUSKCN12A13J>; Iranian Rocketry in the Service of the Houthis in Yemen. Israel Defence. URL: <http://www.israeldefense.co.il/en/content/iranian-rocketry-service-houthis-yemen> (accessed 8.11.2016).

тики Вашингтона на этом направлении стало использование СМИ, социальных сетей и современных средств коммуникации для подмены религиозно-идеологических основ мировоззрения широких слоев населения в странах Ближнего Востока и Северной Африки ценностями либеральной демократии западного образца. Вслед за этим в массовом сознании формировались представления о правящих режимах как нелегитимных и провоцировании социального конфликта для смены власти в стране на режим, устраивающий США.

Инициированные Вашингтоном массовые акции гражданского неповиновения, охватившие регион в конце 2010 г., привели, как и ранее, при реализации проекта «демократизации Большого Ближнего Востока» в 2003—2006 гг., к росту влияния исламистских партий и движений. В этих условиях США задействовали финансовые возможности Саудовской Аравии и Катара для поддержки исламистских движений именно суннитского характера для недопущения распространения иранского влияния. Однако излишний радикализм, исключительно просуннитская и зачастую антишиитская направленность этих сил (различные группировки ливийских и сирийских оппозиционеров, «Джабхат ан-Нусра» («Джабхат Фатх аш-Шам»), «ад-Дауля аль-Исламия фи-ль-Ирак ва аш-Шам») привели к поляризации исламского мира по линии сунниты — шииты и способствовали еще большему сплочению последних вокруг ИРИ.

Важнейшим фактором противодействия идеологическому компоненту «системного сдерживания» стала преемственность внешнеполитического курса ИРИ, которая выражается в неизменности его концептуальных установок при поддержании актуальности внешнеполитической повестки дня. Фундаментальное, определяющее воздействие на внешнеполитическом курсе Тегерана продолжала оказывать концепция исламской власти, разработанная Р. Хомейни и его соратниками. Устойчивость данной концептуальной парадигмы определяется ее воплощением в системе государственных институтов ИРИ и восприимчивостью населением Ирана.

Концепция Р. Хомейни, ставшая основой идеологии ИРИ, восходит к пяти «принципам ислама» (осуле-е дин), образующим в восприятии мусульман-шиитов неразрывную целостность и формирующим их мировоззрение. В рамках этой сетевой по сути пентаматрицы в идеологических целях возможно формирование различных иерархий или вариантов градации этих принципов. Достигается это путем их различной актуализации в идеологии ИРИ с последующим воплощением возникшей комбинации в государственной политической практике [Юртаев 2012: 82—87].

Формирование определенной комбинации ведущих на данный момент времени «принципов религии» оказывает непосредственное влияние на актуализацию тех или иных «принципов следования предписаниям религии» (фору'-э дин). Они несут воспитательно-мобилизующую нагрузку, практически программируя все поступки и действия мусульманина по следованию «принципам религии» [Юртаев 1993: 42—56]. Их охват идеологической пентаматрицей ИРИ, позволяющей манипулировать «фору'-э дин» в политических целях, придает внешнеполитическому курсу ИРИ чрезвычайно высокую эффективность, обеспечивая поддержку мусульман и прежде всего шиитов. Идеологическая преемственность внешней

политики Исламской Республики Иран позволяет Тегерану, несмотря на противодействие США и «заливных» монархий, сохранять союзнические отношения с шиитскими ВПД, устанавливать партнерские отношения с государствами суннитского большинства (Египет, Турция, Алжир, Малайзия и др.) и быть открытым к диалогу с противниками, но на своих условиях.

Таким образом, для нейтрализации каждого из компонентов американской политики «системного сдерживания» Тегеран задействовал собственные контрмеры: против военного-силового давления — активизацию проиранских шиитских ВПД, вынудивших США сократить военное присутствие у иранских границ, в ответ на введение антииранского санкционного режима — систему обхода санкций, предоставившую возможности как для обеспечения потребностей страны, так и для поддержки региональных союзников. А идеологическая преемственность внешнеполитического курса Тегерана свела на нет попытку США и их союзников ослабить проиранский лагерь изнутри. Более того, комбинация форм асимметричного противостояния американскому давлению позволила ИРИ сформировать экономические и военно-политические структуры, способные обеспечить Тегерану быстрый рывок в плане наращивания регионального влияния в условиях новых внешнеэкономических реалий, оформленных в СВПД.

Опыт иранского противостояния «системному сдерживанию» США показывает, что решительное отстаивание национальных интересов во избежание прямой конфронтации, сопровождающейся готовностью нанести Соединенным Штатам неприемлемый людской и материальный ущерб, позволяет достичь компромиссных развязок, предусматривающих соблюдение национальных интересов, ранее отрицавшихся Вашингтоном. В случае с ИРИ таким компромиссом стала отмена антииранских санкций с признанием прав Исламской Республики Иран на мирную атомную программу по обогащению урана на своей территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН, 2016.

Иранская революция 1978—1979 гг. Причины и уроки: Коллективная монография / Отв. ред. А.З. Арабаджян. М.: Наука, 1989.

Полищук А.И. Проблемы безопасности Ирана в региональном контексте // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой / М.: ИВ РАН, 2016.

Сажин В.И., Бондарь Ю.М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: Издательство Московского университета, 2014.

Федорова И.Е. Америко-иранские отношения после принятия Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой. М.: ИВ РАН, 2016.

Юртаев В.И. Иран: студенты в исламской революции. М.: Наука. Издательство «Восточная литература», 1993.

Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979—2010 гг.): Монография. М.: РУДН, 2012.

Юртаев В.И. Иран и санкции: пределы саморазвития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. 60 (5). С. 26—29.

Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. New York, NY: Oxford University Press, 2014.

Gardner L.C., Young M.B. eds. Iraq and the Lessons of Vietnam. New York, NY: The New Press, 2008.

F. Gregory Gause III. The International Relations of the Persian Gulf. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010.

Herring G.C. From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations Since 1776. New York, NY: Oxford University Press, 2008.

Kahl C.H., Stokes J., Pattani R. If all else fails. The challenges of containing a nuclear-armed Iran. Washington, DC: The Center for a New American Security, 2013.

Litwak Robert S. Iran nuclear chess: after the deal. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2015.

Maloney S. America and Iran: from containment to coexistence. The Brookings Institution Policy Brief. 2001. № 87. P. 1—8.

Patterson J.T. Restless Giant: The United States from Watergate to Bush v. Gore. New York, NY: Oxford University Press, 2007.

Reardon R.J. Containing Iran. Strategies for addressing the Iranian nuclear challenge. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2012.

Дата поступления статьи: 10.11.2016

Благодарность: Данная статья подготовлена в рамках НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, латиноамериканские и африканские концепции мироустройства».

Для цитирования: *К.Г. Краснов, В.И. Юртаев.* Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 616—627.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627

THE FOREIGN POLICY OF IRAN IN THE MIDDLE EAST AND THE AMERICAN STRATEGY OF “SYSTEM CONTAINMENT”

K.G. Krasnov, V.I. Yurtaev

RUDN University, Moscow, Russia

In article features of forming and implementation of foreign policy of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the Middle East (Iraq, the Syria-Lebanese-Palestinian zone, Egypt, Gulf States and Yemen) in the conditions of transformation of forms and methods of implementation of Washington’s strategy of “system containment” of the IRI are analyzed. Special attention is paid to identification of potential of IRI as one of leaders of the Middle East region.

The main stages, the directions and implementation methods of strategy of “system containment” of the IRI as triangle complex of political, economic and military measures, performed by the USA and their allies for rendering multilateral pressure upon Tehran in order to change its foreign policy and the State power in the country, are shown.

Change of a foreign policy line and approaches of Tehran to the solution of regional problems is considered in the context of escalation of pressure upon Iran from the USA and the states of the West. It is analyzed what forms and methods of the foreign policy and foreign economic activity implementation were used by Iran in the situation of increased political and economic risks, connected with toughening of the international and unilateral sanctions.

In the conclusion, efficiency evaluations of Middle Eastern dimension of the Iranian foreign policy during the considered period are given and the tendencies of development of the situation around the IRI, that allow us to make the forecast for the medium term, are allocated.

Key words: Iran, USA, Middle East, system containment, strategy, foreign policy, sanctions.

REFERENCES

- Alvandi, R. (2014). *Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War*. New York, NY: Oxford University Press.
- Druzhilovskij, S.B. (2016). Shiitskij polumesjac na Blizhnem Vostoke. Mif i real'nost' [The Shia crescent in the Middle East. Myth and reality]. *Iran vo vtorom desjatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy*. Ed. N.M. Mamedova. Moscow: Iinstitut Vostokovedenija RAN.
- Fedorova, I.E. (2016). Amerikano-iranske otnoshenija posle prinjatija Sovmestnogo vseobimljushhego plana dejstvij po resheniju iranskoj jadernoj problemy [The USA — IRI relations after the adoption of the Joint comprehensive plan of action]. *Iran vo vtorom desjatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy*. Ed. N.M. Mamedova. Moscow: Iinstitut Vostokovedenija RAN.
- Gardner, L.C., Young, M.B. eds. (2008). *Iraq and the Lessons of Vietnam*. New York, NY: The New Press.
- F. Gregory, Gause III. (2010). *The International Relations of the Persian Gulf*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Herring, G.C. (2008). *From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations Since 1776*. New York, NY: Oxford University Press.
- Iranskaja revoljucija 1978—1979 gg. Prichiny i uroki [The Iranian revolution 1978—1979. Reasons and lessons]*. (1989). Ed. A.Z. Arabadzhan. Moscow: Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury.
- Kahl, C.H., Stokes, J., Pattani, R. (2013). *If all else fails. The challenges of containing a nuclear-armed Iran*. Washington, DC: The Center for a New American Security.
- Litwak, Robert S. (2015). *Iran nuclear chess: after the deal*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
- Maloney, S. (2001). *America and Iran: from containment to coexistence*. The Brookings Institution Policy Brief, 87, pp. 1—8.
- Patterson, J.T. (2007). *Restless Giant: The United States from Watergate to Bush v. Gore*. New York, NY: Oxford University Press.
- Polishhuk, A.I. (2016). Problemy bezopasnosti Irana v regional'nom kontekste [The problems of security of Iran in the regional context]. *Iran vo vtorom desjatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy*. Ed. by N.M. Mamedova. Moscow: Iinstitut Vostokovedenija RAN.
- Reardon, R.J. (2012). *Containing Iran. Strategies for addressing the Iranian nuclear challenge*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Sazhin, V.I., Bondar', Ju.M. (2014). *Voennaja moshh' Islamskoj Respubliki Iran [The military power of the Islamic republic of Iran]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Yurtaev, V.I. (1993). *Iran: studenty v islamskoj revoljucii* [*Iran: Students in the Islamic revolution*]. Moscow: Nauka. Izdatel'stvo «Vostochnaja literatura».

Yurtaev, V.I. (2012). *Osobennosti i realizacija vneshnej politiki Islamskoj Respubliki Iran (1979—2010 gg.)*. [*The features and the realization of foreign policy of the Islamic republic of Iran*]. Moscow: RUDN.

Yurtaev, V.I. (2016). Iran i sankcii: predely samorazvitija. [Iran and sanctions: the limits of self-development]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 60 (5), pp. 26—29.

Received: 10.11.2016

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of RUDN University 2016 Research project «Non-Western theories of international relations. Asian, Latin American and African concepts of the world order».

For citations: Krasnov, K.G., Yurtaev, V.I. (2016). The foreign policy of Iran in the Middle East and the American strategy of “system containment”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 616—627.

© Краснов К.Г., Юртаев В.И., 2016

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИРАНА В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.С. Жильцов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Исследуются российско-иранские отношения в Каспийском регионе в новой геополитической ситуации, которая сложилась после распада СССР. Помимо России и Ирана, которые в течение длительного времени регулировали вопросы судоходства и рыболовства в Каспийском море, в регионе появились «новые» прикаспийские страны — Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. В результате геополитическая ситуация в регионе резко обострилась, что было связано с тем, что российско-иранские соглашения не регулировали вопросы недропользования, связанные с разработкой и транспортировкой нефти и газа. Россия и Иран настаивали на сохранении действий прежних договоров, что противоречило интересам других прикаспийских государств и ведущих западных нефтегазовых компаний.

В статье определены позиции двух государств по широкому кругу региональных проблем: международно-правовому статусу Каспийского моря, добыче и экспорту углеводородных ресурсов, экологии. Проанализированы основные направления сотрудничества России и Ирана, выявлена роль политики западных стран на развитие российско-иранских отношений. Исследованы перспективы дальнейшего сотрудничества России и Ирана в Каспийском регионе.

Схожие позиции России и Ирана по вопросу решения международно-правового статуса Каспийского моря не позволили прикаспийским странам в одностороннем порядке начать разработку углеводородных ресурсов на Каспии и прокладку трубопроводов по дну Каспия. В результате российско-иранские отношения стали стабилизирующим фактором в ситуации в Каспийском регионе. В тоже время на отношения двух стран будут оказывать влияние различные факторы. Среди них следует выделить снятие санкций с Ирана со стороны западных стран и неопределенность с ценами на углеводородные ресурсы. Все это определенно скажется на российско-иранских отношениях, которые в значительной степени будут определять развитие Каспийского региона.

Ключевые слова: Россия, Иран, Каспийский регион, международно-правовой статус, углеводородные ресурсы.

Отношения России и Ирана в Каспийском регионе [Зонн, Жильцов 2008: 24] имеют длительную историю. Однако новый этап отношений двух стран начался после распада СССР, когда на берега Каспия стали выходить «новые» независимые прикаспийские государства (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) и возник ряд новых проблем [Мамедов 2006: 36—39]. Наиболее сложными стали: нерешенность международно-правового статуса Каспийского моря, вопросы добычи и транспортировки углеводородных ресурсов, милитаризации и экологии, социально-экономического развития прибрежных территорий и т.д. Все это потребовало от России и Ирана выработки новых подходов в отношении Каспийского региона.

Каспийское море и прилегающие к нему территории приобрели исключительно важное значение для обеспечения геополитических интересов России и Ирана

в регионе. Акватория и дно северной части Каспия обладали большими запасами природных ресурсов, прежде всего, углеводородного сырья, биологических ресурсов, в том числе осетровых рыб, а также рекреационных ресурсов морского побережья. Здесь имелись значительные предпосылки для развития транспортной инфраструктуры федерального и международного значения (морские и речные порты, железные и автомобильные дороги, трубопроводы). Это объясняет пристальное внимание России и Ирана к различным проектам прокладки трубопроводов, которые должны были обеспечить доставку будущих объемов нефти и газа на внешние рынки.

В НОВОЙ СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КООРДИНАТ

После распада СССР Россия и Иран занимали близкие позиции по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря [Санаи 2002: 46]. Они настаивали на продолжении действия российско-персидских и советско-иранских соглашений 1921 и 1940 гг., которыми определялся режим Каспия до распада Советского Союза [Мамедов 2000]. Фактически прикаспийским странам предлагались условия, при которых они до заключения нового договора не могли осуществлять никакой деятельности на Каспии без согласия России и Ирана [Жильцов 2014]. В свою очередь, «новые» прикаспийские государства предпринимали усилия, направленные на раздел Каспия на национальные сектора с целью получения односторонней выгоды. Они апеллировали к тому факту, что не являлись участниками прежних международных договоров, заключенных между Россией и Персией (Ираном) в XIX—XX вв. Этот факт во многом определил их дальнейшую позицию на переговорах по международно-правовому статусу Каспия. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан настаивали на отсутствии у них исторических обязательств и, в отличие от России и Ирана, считали себя свободными в реализации своей внешней политики в Каспийском регионе. Данное обстоятельство побуждало «новые» государства на Каспии к активным односторонним действиям [Саваськов 2003].

Несовпадение позиций прикаспийских стран по вопросу путей урегулирования международно-правового статуса Каспийского моря усилили соперничество за доступ к месторождениям углеводородных ресурсов и их последующую доставку на внешние рынки. Россия стремилась установить контроль над будущими объемами добычи нефти и газа на Каспии, добываясь их экспорта через свою территорию. Иран выступал за сохранение своего политического влияния на Каспии и настаивал на сохранении за ним как минимум равной доли акватории.

Схожие геополитические цели России и Ирана, выступавших против расширения влияния в регионе внерегиональных государств, не являлись препятствием для каждой из сторон укрепить свои позиции. Так, соперничеством за углеводородные ресурсы пытался воспользоваться Иран. В 1992 г. Тегеран предложил проект газопровода в Европу, который должен был проходить через территорию Турции. Его протяженность должна была составить 2300 км, а стоимость — около

4—5 млрд долларов. Между странами было подписано ирано-турецкое соглашение о строительстве трубопровода. Однако отсутствие финансирования не позволило реализовать проект, который мог кардинально изменить архитектуру трубопроводов в Каспийском регионе.

После подписания в 1994 г. «контракта века» Азербайджан стремился заручиться поддержкой Ирана. В ноябре иранская и азербайджанская стороны подписали документ, согласно которому Иран мог считаться одним из участников «контракта века» за счет переуступки ему части азербайджанской доли [Алиев 2003: 182]. Расчет Азербайджана был понятен: добиться изменения позиции Ирана по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря и согласия на секторальный принцип его раздела. Азербайджано-иранские договоренности могли оставить Россию в одиночестве по вопросу урегулирования статуса Каспия. Более того, признание Тегераном «контракта века» могло поставить под сомнение прежние советско-иранские договора 1921 г. и 1940 г.

В целом, в первой половине 1990-х гг. российско-иранские подходы к определению международно-правового статуса Каспийского моря были близки, хотя Иран занимал двойственную позицию. После получения 10 % доли участия в проекте по освоению азербайджанского нефтяного месторождения «Шах-Дениз» Иран фактически признал факт разделения Каспия по национальным территориальным водам. И лишь исключение иранской стороны из проекта под давлением США предотвратило дальнейшее изменение подходов Ирана в отношении международно-правового статуса Каспия [Vinogradov 1997: 53—68]. В апреле 1995 г. под давлением США Азербайджан объявил об исключении Ирана из консорциума.

РОССИЯ МЕНЯЕТ ПОДХОДЫ

В середине 1995 г. политика России эволюционировала от жесткого подхода, который базировался на отрицании одностороннего освоения каспийских месторождений, к готовности признать за странами региона право добывать и экспортировать нефть и газ на внешние рынки. В России осознали, что жесткий курс ведет к дальнейшей переориентации внешнеполитической и энергетической стратегии каспийских государств и, одновременно, к потере доступа и контроля над углеводородным потенциалом Каспийского региона. Кроме того, сохранение прежнего курса создавало угрозу потери монопольного контроля над транспортными, прежде всего трубопроводными коммуникациями. Не случайно заместитель начальника правового департамента МИД Я.А. Островский призывал исходить из сложившихся реалий. Позже об изменении российской политики заявил представитель МИД Г.Б. Карасин, который отмечал готовность России внести изменения в основополагающие советско-иранские соглашения [Шорохов 1997: 37]. Официальный представитель МИД России М.В. Демури в октябре 1995 г. заявил следующее: «Мы выступаем за сохранение основы нынешнего статуса Каспия как внутриконтинентального водоема, который не входит в состав территории ни одного прикаспийского государства и который открыт для использования всеми ими

на равной основе в соответствии с согласованными условиями»¹. Наконец, Россия учитывала обострение отношений Ирана с западными странами, что резко ограничило возможности участия иранской стороны в разработке углеводородных ресурсов Каспия и строительстве новых трубопроводных проектов. Несмотря на это Россия стремилась не потерять поддержку Ирана, который придерживался схожих с Москвой позиций по ключевым проблемам региона и, прежде всего, подходам к решению международно-правового статуса Каспийского моря. Документом, подтвердившим неизменность российской позиции, стало «Совместное российско-иранское заявление по Каспийскому морю», принятое 30 октября 1995 г. В нем говорилось о том, что решение всех вопросов, связанных с Каспийским морем, в том числе определение его правового статуса, осуществляется на основе консенсуса всех прибрежных государств.

Провозглашая приверженность советско-иранским соглашениям, Россия, тем не менее, в 1995 г. пошла на корректировку своей политики в отношении ресурсов Каспийского региона, приступив к исследованиям в северной части Каспия, которая в советское время была объявлена заповедной зоной, где «нагуливал жирок» молодняк осетровых и, соответственно, никаких геологических изысканий там не проводилось. К этому Россию подталкивали такие факторы, как политика прикаспийских стран, которые стремились ускорить разработку углеводородных месторождений на Каспии, а также борьба за выбор маршрутов транспортировки каспийских углеводородов, которая развернулась в Каспийском регионе. Многие из трубопроводных проектов обсуждались с начала 90-х гг. [Жильцов, Зонн 2011: 43]. Хотя их проработка началась спустя несколько лет, с появлением первых данных о наличии значительных запасов углеводородных ресурсов на каспийских месторождениях этот фактор повлиял на политику России в регионе, в том числе на отношения с Ираном.

Россия сталкивалась с возрастающим влиянием британо-американских нефтяных компаний, которые стремились установить транснациональный контроль над природными ресурсами Каспия. В свою очередь, Россия стремилась монополизировать маршруты экспорта нефти и газа, которые бы проходили по ее территории. Решение данной задачи побуждало Россию выдвигать новые инициативы, связанные с решением международно-правового статуса Каспия. В 1995 г. Россия выступила с инициативой установления 20-мильной зоны территориальных вод и предоставления равных прав прикаспийским странам на разработку месторождений в центральной части моря [Бутаев 2002]. При этом российская сторона была вынуждена учитывать политику западных стран в отношении Ирана, чьи возможности ослабляло возросшее давление со стороны западных государств.

Подходы американской администрации в отношении Ирана привели к тому, что преимущество получили новые прикаспийские государства, роль которых в до-

¹ Демушин М. Россия отвергает односторонние меры по захвату Каспия // Сегодня. 27 октября 1995. С. 1.

быче и транспортировке углеводородов значительно повысилась. Американская политика стала серьезным фактором, который затормозил энергетическое освоение Каспийского региона. Как отмечал директор региональных стратегических программ Никсоновского центра за мир и свободу Джеффри Кемп, «отказывая Ирану в финансировании строительства трубопроводов, мы автоматически ограничиваем пути доступа к энергетическим ресурсам Каспийского бассейна»².

Ограничения возможностей Ирана влиять на ситуацию в регионе активизировали политику остальных прикаспийских государств. В апреле 1996 г. президенты России и Казахстана сделали совместное заявление о сотрудничестве по использованию Каспийского моря. Стороны признавали права друг друга на проведение работ по освоению минеральных и биологических ресурсов Каспийского моря, включая геофизические и геологоразведочные работы, а также освоение месторождений углеводородного сырья. В контексте данного подхода в октябре 1996 г. Россия подписала с Ираном и Туркменистаном меморандум о намерении учредить трехстороннюю нефтяную компанию в целях разработки месторождений на Каспии. Российские устремления шли вразрез с интересами США, которые выступали против присутствия российских нефтегазовых компаний в формирующихся консорциумах и сохранения трубопроводной зависимости прикаспийских стран от России [Roberts 1996: 21—34].

В середине 1990-х гг. российская политика на Каспии в основном была сосредоточена на противодействии политике западных нефтегазовых компаний и зарубежных государств, выступавших за диверсификацию маршрутов экспорта нефти и газа, которые бы шли в обход российской территории. Как отмечал российский президент, «...не прекращаются попытки образовать некие центры силы на постсоветском пространстве. На что как не на это направлены, например, маневры вокруг Каспия. Да, проблем здесь немало. И решать их надо с учетом долгосрочных интересов, прежде всего стран этого региона» [Ельцин 1997].

ПРОРЫВ В ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ

Ограниченные возможности Ирана влиять на разработку месторождений и его отстранение от обсуждения новых трубопроводных маршрутов, а также жесткая позиция по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря вынуждали Россию искать новые подходы к выстраиванию отношений с прикаспийскими государствами. Подтверждением изменения российской позиции стало подписание в июле 1998 г. в Москве российско-казахстанского соглашения «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование», основанное на принципе «срединной линии». Срединной линией, применяемой для делимитации водных пространств между государствами с противолежащими и сопредельными побережьями, является линия,

² *Духанов С.* Иран не должен быть в стороне от транзита энергоносителей // *Деловой мир.* 27 декабря 1996.

каждая точка которой является равноотстоящей от соответствующих ближайших точек на побережьях этих государств. Модификация срединной линии осуществляется на основе принципа справедливости и по договоренности сторон. Модифицированная срединная линия включает в себя все участки, которые не являются равноотстоящими от побережий сторон и определяются с учетом островов, геологических структур, а также с учетом других особых обстоятельств и понесенных геологических затрат.

В соглашении говорилось, что «дно северной части Каспийского моря и его недра при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды, разграничиваются между Сторонами по срединной линии, модифицированной на основе принципа справедливости и договоренности сторон». Также в документе было отмечено, что «Стороны осуществляют суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии». По Соглашению, границы устанавливаются «на равном расстоянии от берегов двух стран по срединной линии, модернизированной на основе принципа справедливости и договоренности Сторон» (ст. 1). При этом ее прохождение «определяется при помощи точек отсчета на побережьях сторон с учетом островов, исходя из уровня Каспийского моря на 1 января 1998 г.». Разграничение касалось не территории, а перспективных месторождений. Это означало, что государственные границы на Каспии и под водой между Россией и Казахстаном не устанавливались, и формально это не могло рассматриваться в качестве раздела Каспия на сектора. Фактически Россия и Казахстан пошли на политический компромисс, поскольку модифицированная срединная линия стала результатом политических договоренностей.

Для России важным элементом соглашения стала статья 5. В ней говорилось, что вопросы, связанные со свободой судоходства и полетов, прокладки и использования подводных кабелей, трубопроводов и с иными видами использования Каспийского моря, будут урегулированы отдельными двусторонними и многосторонними соглашениями прикаспийских государств после заключения и на основании Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Российско-казахстанские договоренности о разделе дна северной части Каспия были негативно восприняты в Иране, который по-прежнему исходил из действия советско-иранских соглашений и выступал за ограничение присутствия на Каспии внерегиональных государств [Shirin 2004: 125]. Иранская позиция не поддерживала раздел шельфа Каспийского моря, считая, что это противоречит принципам и нормам международного права³.

Однако согласие России на подписание данного документа с Казахстаном с подобными формулировками было продиктовано изменениями внешнеполитического курса прикаспийских стран. Россия была вынуждена учитывать усилия

³ Александров А. Кому выгоден раздел Каспия // Независимая газета. 23 сентября 1998.

прикаспийских стран по самостоятельной разработке и транспортировке углеводородных ресурсов на внешние рынки. Как отмечал российский эксперт, директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин, «предлагаемый российской дипломатией принцип, уже примененный на российско-казахстанском участке, — договариваться о конкретном размежевании на Каспии на двусторонней основе между сопредельными и противоположащими прикаспийскими государствами с последующим подключением результатов этих договоренностей к общей Конвенции — является единственно разумным» [Михеев, Чеботарев, Ковалев 2014].

В целом за период 1998—2000 гг. Россия значительно скорректировала свою позицию по вопросу о возможном разделе Каспийского моря, отойдя от жесткой линии. В то же время руководитель рабочей группы МИД РФ по Каспийскому морю Андрей Урнов отмечал, что «у Каспийского моря есть правовой статус. Он установлен советско-иранскими договорами 1921 г. и 1940 г., и пока новый статус не принят он продолжает действовать, поскольку все бывшие союзные республики, а ныне суверенные государства, признали договоры, заключенные Союзом ССР». Таким образом, Россия придерживалась советско-иранских договоров, одновременно стремясь учитывать позиции других прикаспийских государств. Тогда же А. Урнов объяснил причины изменения российской политики: «Первоначально Россия выступала за то, чтобы новая Конвенция сохранила зафиксированный в советско-иранских договорах принцип общего пользования морем, распространив его на недропользование. Поддержку в данном вопросе мы, однако, нашли лишь у Ирана» [Урнов 2000].

Решение Россией проблемы недропользования в двустороннем формате с новыми прикаспийскими государствами привело к охлаждению российско-иранских отношений. Россия попыталась нормализовать отношения с Тегераном, который придерживался прежних позиций [Mohsenin 2001: 170]. В ходе визита в Москву президента Мохаммада Хатами в марте 2001 г. Россия и Иран сделали совместное заявление по правовому статусу Каспийского моря. В документе отмечалось, что «относительно расширения двустороннего сотрудничества во всех сферах на Каспийском море Стороны признают Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 г. и приложения к нему в качестве правовой основы, регулирующей в настоящее время деятельность на Каспии. Стороны до усовершенствования правового режима Каспийского моря официально не признают никаких границ на этом море и с учетом указанной основы развивают сотрудничество на Каспийском море в различных областях посредством разработки необходимых правовых механизмов». Далее в документе говорилось, что все решения и договоренности, касающиеся правового статуса и режима использования Каспийского моря, будут иметь силу только в том случае, если они будут приняты с общего согласия пяти прикаспийских государств. Однако данное заявление не изменило подходов двух стран по вопросу определения правового статуса Каспий-

ского моря. В МИД РФ отметили, что «обделенным Иран не должен чувствовать себя уже хотя бы потому, что его положение на Каспии, если сравнивать с положением в бытность СССР, существенно укрепляется. В 30-е гг. в одностороннем порядке и без юридического обоснования была проведена так называемая линия Астара-Гасан-Кули, которую иранская сторона не пересекала. Если сравнивать ту долю Каспия, которой довольствовался Иран, когда его северным соседом был СССР, с той долей, которую он может получить сейчас, то последняя значительно больше. И она будет закреплена за ним нормами международного права». И далее: «Если бы Каспий пришлось делить, что называется с чистого листа, проблем с этими 20 %, возможно, и не возникло бы. Каждый получил бы равную долю. Но у каждого прикаспийского государства есть многовековая история, есть сложившаяся экономическая практика»⁴.

В своей политике на Каспии и в отношениях с Ираном Россия исходила из того, что масштабность ее интересов обуславливает необходимость всестороннего присутствия в регионе и обеспечения региональной безопасности [Klare 2001: 289]. В России отмечали необходимость продолжения поиска решения международно-правового статуса Каспийского моря в пятистороннем формате. Выступая в июле 2003 г. на 10-м заседании Специальной рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств, глава внешнеполитического ведомства РФ И.С. Иванов заявил, что «задача принятия Конвенции по статусу — при всей ее важности — не лишает актуальности проблему формирования международно-правовой базы сотрудничества прибрежных государств по отдельным направлениям деятельности на Каспии» [Иванов 2003].

До заключения соглашения о статусе Каспия между всеми прикаспийскими государствами Россия стремилась урегулировать данную проблему со своими ближайшими соседями. В 2002—2003 гг. Россия заключила соглашение с Азербайджаном о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование [Roberts 2001: 67], а затем и трехстороннее соглашение с Казахстаном и Азербайджаном. Данные соглашения позволили урегулировать проблему международно-правового статуса для северной части Каспийского моря. Однако подписание конвенции в пятистороннем формате по-прежнему откладывалось. Причиной служила жесткая позиция Ирана, который формально не признал подписанные Россией, Казахстаном и Азербайджаном соглашения и не торопился идти на уступки [Сыроежкин 2011: 414].

Ситуацию с международно-правовым статусом Каспийского моря не изменили четыре саммита глав прикаспийских государств, которые прошли в 2002, 2007, 2010, 2014 гг. На них прикаспийские страны стремились сблизить свои подходы. По словам президента России В.В. Путина, одним из главных результатов стал значительный прогресс в подготовке конвенции о правовом статусе Каспия.

⁴ Калужный В.И. Медлить с определением статуса Каспия опасно // Независимая газета. 2 октября 2001.

Это дало основание полагать, что в ближайшее время страны выйдут на подписание конвенции. Также российский президент отметил, что по итогам переговоров удалось выйти на четкие формулировки по разграничению водных пространств, дна, недр, по режиму судоходства и рыболовства. Важным стало положение о том, что большая часть акватории Каспия остается в общем пользовании сторон [Наумкин 1998]. Кроме того, президенты прикаспийских стран договорились выйти на итоговую конвенцию по международно-правовому статусу Каспийского моря в течение ближайших двух лет. По-прежнему причинами разногласий стали принципы раздела шельфа, в первую очередь, из-за наличия там месторождений нефти и газа [Жильцов 2016: 156]. Однако в целом Иран занимал жесткую позицию, что вело к затягиванию переговорного процесса [Cornell 2011: 222].

РОССИЯ УСИЛИВАЕТ ВНИМАНИЕ К ИРАНУ

Несмотря на трудности с решением международно-правового статуса Каспийского моря, отношения России и Ирана базировались на схожих оценках относительно роли внерегиональных государств, а также подкреплялись сотрудничеством в сфере атомной энергетики.

Сильное влияние на российско-иранские отношения оказали такие факторы, как введение антироссийских санкций и снятие западных санкций с Ирана. Кроме того, Россию и Иран сближали события в Сирии, в которой сталкивались энергетические интересы стран Ближнего Востока и внерегиональных государств. В итоге, в события в Сирии оказался вовлечен и Каспийский регион. В октябре 2015 г. с кораблей Каспийской флотилии был произведен запуск 26 ракет российского комплекса «Калибр». Ракеты пролетели около 1500 км, в том числе над территорией Ирака и Ирана, и поразили 11 объектов в Сирии. Данные действия показали возможности России по защите своих национальных интересов, продемонстрировав боевые возможности Каспийской флотилии.

Ситуация в Сирии усилила значимость российской политики в отношении Ирана. Взаимодействие Москвы и Тегерана подкреплялось решением общих задач: как на Каспии, так и на Ближнем Востоке, где развернулась острая борьба за поставки углеводородных ресурсов [Абдуллаев 2015]. В то же время российско-иранский альянс носил в большей степени тактический характер, поскольку сохранялась конкуренция между Москвой и Тегераном в сфере экспорта углеводородных ресурсов на внешние рынки, особенно после отмены санкций Запада в отношении Ирана.

В политике в отношении Ирана Россия была вынуждена учитывать растущее присутствие на Каспии западных стран и Китая и брать в расчет растущие амбиции прикаспийских государств, которые реализовывали внешнюю политику, исходя из собственных интересов. Так, Китай, осознавая, что Россия отстает от него в «экономическом освоении» Центральной Азии, на официальном уровне продолжает признавать за ней неофициальное лидерство. При этом Пекин последовательно наращивает свою политику на центрально-азиатском направлении [Семе-

нова 2012], поскольку в условиях усиления зависимости Китая от импорта нефти и газа ключевым направлением его внешней энергетической политики остается получение надежного доступа к источникам сырья в сопредельных странах. Казахстанско-китайское сотрудничество было подтверждено в ходе визита президента Казахстана в Китай, который состоялся в сентябре 2015 г. Китайская сторона проявляет повышенный интерес к нефтегазовым ресурсам Казахстана, для которого увеличение добычи и экспорта углеводородных ресурсов является первоочередной задачей. Кроме того, сотрудничество с Китаем рассматривается в Казахстане в качестве возможности получить технологии и знания для последующего развития собственной нефтехимии и нефтепереработки⁵.

Россия должна была учитывать тот факт, что снятие в январе 2016 г. санкций с Ирана создавало предпосылки для кардинального изменения расстановки сил на Каспии. Это напрямую сказывалось на характере российско-иранских отношений, которые до 2015 г. базировались на общих подходах к решению по международно-правовому статусу Каспийского моря. После снятия санкций Тегеран стал стремиться оказать влияние на трубопроводную архитектуру Каспийского региона, поскольку построенные и проектируемые в последние двадцать лет трубопроводы не учитывали интересы Ирана. Тем более что иранская сторона многократно подтверждала стремление увеличить свою долю на европейском газовом рынке и нарастить экспорт нефти. Это подтвердил министр нефти Ирана Бижан Наидар Зангане, который отмечал, что «у нас нет трубопровода для экспорта газа в европейские страны, для этого необходимо время»⁶.

В этих условиях Россия была заинтересована в поиске новых внешнеполитических механизмов, способных усилить взаимодействие России и Ирана. Однако в этом вопросе Россия сталкивалась с политикой Ирана, который после отмены санкций ждал новых технологий, способных увеличить добычу нефти и газа. Предоставить подобные технологии могут только западные нефтегазовые компании, которые накопили значительный опыт освоения шельфовых месторождений. Этот факт оказывает влияние на сотрудничество России и Ирана, политика которого исходит из необходимости усиления своего внешнеполитического присутствия и увеличения объемов добычи и экспорта углеводородного сырья на внешние рынки. Для России реализация подобных планов создает в перспективе серьезную угрозу, поскольку иранский газ может стать конкурентом российским поставкам на рынки европейских стран. Тем более что США не отказались от планов наладить к 2020 г. в Европу поставки сланцевого газа в объеме 80 млрд куб. м. Кроме того, несмотря на заинтересованность в развитии дружеских отношений со всеми странами региона, Иран не торопился активизировать переговорный процесс по каспийской проблематике [Султанов 2012: 114].

⁵ *Тумашиова Е.* Зачем Китай предлагает РК нефтяной союз? // *Капитал (Казахстан)*. 1 октября 2015. С. 4.

⁶ *Башкатова А.* Газовый саммит Тегеран-2015 ждет Владимира Путина // *Независимая газета*. 23 ноября 2015. С.4.

Несмотря на определенные трудности, Россия стремится расширить политическое и экономическое сотрудничество с Ираном. Так, в ноябре 2015 г. президент России посетил Иран, где провел переговоры с аятоллой Али Хаменеи и президентом Рухани. Ключевым вопросом переговоров стало сотрудничество между Ираном и Россией. Стороны еще раз подтвердили курс на ограничение влияния в регионе США. Кроме этого, российская сторона объявила об открытии для Ирана кредитной линии на 5 млрд долларов⁷. Возможно, что эти и другие шаги укрепят российско-иранское сотрудничество и будут созданы механизмы, направленные на смягчение последствий от выхода иранских углеводородов на внешний рынок.

Современная политика России направлена на то, чтобы активно участвовать в решении проблем Каспийского региона, к которым относятся вопросы определения международно-правового статуса Каспия, экологии и сохранения биоресурсов, нарастающей милитаризации. В решении этих задач Россия стремится заручиться поддержкой Ирана, который усиливает свои позиции.

Ключевой задачей российской политики в Каспийском регионе остается решение проблемы международно-правового статуса Каспийского моря в пятистороннем формате. Это возможно достичь только в случае изменения позиции Ирана. Двусторонние и трехсторонние договоренности, достигнутые Россией с Азербайджаном и Казахстаном сыграли свою положительную роль, разблокировав на рубеже XX—XXI вв. переговорный процесс по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря. При этом России удалось не допустить ухудшения российско-иранских отношений, которые оказали стабилизирующее влияние на ситуацию в регионе.

Опираясь на поддержку Ирана, Россия сумела предотвратить военное присутствие на Каспийском море внерегиональных государств, а в более широком плане — вовлеченность третьих стран в решение региональных проблем. Данная позиция последовательно проводилась Россией и Ираном.

В целом можно ожидать, что в ближайшие годы российско-иранское сотрудничество окажет влияние на ситуацию в Каспийском регионе, а также на решение ключевых региональных проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдуллаев И.И.* Проблемы безопасности в Каспийском регионе в контексте изменения геополитической ситуации // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 4. С. 84—87.
- Алиев И.* Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003.
- Бутаев А.* Проблемы правового статуса Каспийского моря // Мировая энергетическая политика. 2002. № 4.

⁷ *Медведев Е.* Тегеран-2015: Россия и Иран выстраивают ближневосточную ось // Независимая газета. 24 ноября 2015. С. 1, 8.

- Ельцин Б.Н.* Выступление на закрытом заседании Совета глав государств СНГ 28 марта 1997 г. // *Вестник Каспия*. 1997. № 3. С. 1.
- Жильцов С.С.* Политика России на Каспии // *Проблемы постсоветского пространства*. 2014. № 2. С. 5—30.
- Жильцов С.С.* Политика России в Каспийском регионе. М.: Аспект Пресс, 2016.
- Жильцов С.С., Зонн И.С.* Каспийская трубопроводная геополитика. М.: Восток-Запад, 2011.
- Зонн И.С., Жильцов С.С.* Новый Каспий. География, экономика, политика. М.: Восток-Запад, 2008.
- Иванов И.С.* Выступление на 10-м заседании Специальной рабочей группы заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств // *Вестник Каспия*. 2003. № 4. С. 1—3.
- Мамедов Р.Ф.* Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра. Баку: Азернешр, 2006.
- Михеев С.А., Чеботарев А.Е., Ковалев Г.С.* Проблемы региона накануне IV Каспийского саммита // *Проблемы постсоветского пространства*. 2014. № 2. С. 31—69.
- Наушкин В.В.* Новый нефтяной порядок неминуемо приведет к геополитическим изменениям (два взгляда на процессы, происходящие на Каспии и вокруг него) // *Вестник Каспия*. 1998. № 6. С. 25—28.
- Саваськов П.В.* Правовой режим Каспийского моря // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского и А.В. Мальгина. М.: МГИМО. Логос, 2003.
- Санаи М.* Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ (социально-политические и экономические аспекты). М.: Муравей, 2002.
- Семенова Н.К.* Китайский энергетический вектор: значение ШОС и безопасность в Центральной Азии // *Восточная аналитика*. 2012. № 3. С. 144—160.
- Султанов Б.К.* Центральная Азия и Каспийский регион: риски, вызовы, угрозы. Алматы: КИСИ, 2012.
- Сыроежкин К.Л.* Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Алматы: КИСИ, 2011.
- Урнов А.Ю.* О международно-правовом статусе Каспийского моря / Международный симпозиум «Влияние сейсмической опасности на трубопроводные системы в Закавказском и Каспийском регионах», Москва, 30—31 мая 2000 г. // *Вестник Каспия*. 2000. № 3. С. 11—14.
- Шорохов В.* Нефть и политика Азербайджана. М.: ЦМИ МГИМО, 1997. № 9.
- Cornell S.E.* Azerbaijan since Independence. New York, 2011.
- Klare M.T.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. Metropolitan Books, 2001.
- Mamedov R.* International Legal Status of the Caspian Sea in its Historical Development // *Turkish Yearbook*. 2000. XXX.
- Mohsenin M.M.* The evolving security role of Iran in the Caspian Region // *The security of the Caspian Sea Region*. Ed. G. Chufirin. Oxford University Press, 2001.
- Roberts J.* Caspian Pipelines. London: The Royal Institute of International Affairs, 1996.
- Roberts J.* Energy Reserves, Pipeline Routes and the Legal Regime in the Caspian Sea // *The Security of the Caspian Sea Region*. Ed. G. Chufirin. Oxford University Press, 2001.
- Shirin A.* The Caspian: Politics, Energy and Security. London: Routledge Curzon, 2004.
- Vinogradov S.V.* Towards Regional Cooperation in the Caspian: A Legal Perspective // *Scientific, Environmental and Political Issues in the Circum-Caspian Region*. 1997. P. 53—68.

Дата поступления статьи: 17.11.2016

Для цитирования: Жильцов С.С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 4. С. 628—642.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-628-642

RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS IN THE CASPIAN REGION: RESULTS AND PROSPECTS

S.S. Zhiltcov

RUDN University, Moscow, Russia

The collapse of the USSR affected the Russian-Iranian relations, governed by bilateral agreements during several centuries. The emergence of “new” independent states in the region, such as Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan, changed the geopolitical situation and put a question of the legal status of the Caspian Sea.

Russian-Persian and Soviet-Iranian agreements had a centuries-old tradition but they did not draw up a legal status of the Caspian Sea or clarify the procedures of subsurface management. Those agreements governed only laid down rules of navigation and fishery, without touching the issues of oil and gas field exploration, production and transportation, including pipelines on the floor of the Caspian Sea. It did not fit political and economic interests of Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan and stimulate them to unilateral actions. Russia and Iran in turn insisted on saving the former rules and agreements.

The absence of Convention on legal status of the Caspian Sea introduced uncertainty in the principles of oil and gas development and export, pushing Caspian countries toward making unilateral decisions.

Russia and Iran kept close positions, insisting on following the former agreements. The other Caspian countries did not support that position and adopted a policy aimed at division of the Caspian Sea and asserting a certain control over its hydrocarbons.

Close Russian and Iranian positions on legal status of the Caspian Sea became a strong deterrent for Caspian countries to let them divide the sea into national sectors and launch pipeline plans on the floor of the Caspian Sea. As the result Russian and Iranian relations had stabilizing effect in the Caspian region. At the same time, the Russian Federation aimed at following a flexible policy, taking into account the interests of the other Caspian countries. The settlement of the legal status of the Caspian Sea with Kazakhstan and Azerbaijan let Russia improve the relations with its neighbors but was not approved by Iran.

Russian-Iranian relations were influenced by a profound effect of some western states, that imposed sanctions against Iran. Moreover, the fact that Iran was neglected when the export hydrocarbons routes were discussed and realized let new Caspian countries strengthen its positions.

At the turn of 2015—2016 years Russian-Iranian relations are on the rise, because of bilateral interest in solving regional issues and developing trade and credit agreements.

Prospects of Russian-Iranian further cooperation will be determined by some key factors. There are Iranian energy policy, results of further multilateral negotiations on legal status of the Caspian Sea and the level of hydrocarbons production in “new” Caspian countries, that can strongly influence their international policies. All these factors will affect the further Russian-Iranian relations, because these two countries remain core players in the Caspian region.

Key words: Russia, Iran, the Caspian region, legal status, hydrocarbons.

REFERENCES

Abdullaev, I.I. (2015). Problemy bezopasnosti v Kaspiiskom regione v kontekste izmeneniya geopoliticheskoi situatsii [Security issues in the Caspian region in the context of changes in the geopolitical situation]. *Problemy postsovetского prostranstva*, 4, pp. 84—87.

- Aliev, I. (2003). *Kaspiiskaya neft' Azerbaidzhana [Caspian oil of Azerbaijan]*. Moscow: Izvestiya.
- Butaev, A. (2002). Problemy pravovogo statusa Kaspiiskogo morya [Problems of the Caspian Sea legal status]. *Mirovaya energeticheskaya politika*, 4.
- Cornell, S.E. (2011). *Azerbaijan since Independence*. New York.
- El'tsin, B.N. (1997). Vystuplenie na zakrytom zasedanii Soveta glav gosudarstv SNG 28 marta 1997 g. [Speech at the closed session of the Council of CIS Heads of State at March 28, 1997]. *Vestnik Kaspiya*, 3, p.1.
- Ivanov, I.S. (2003). Vystuplenie na 10-m zasedanii Spetsial'noi rabochei gruppy zamestitelei ministrov inostrannykh del prikaspiiskikh gosudarstv [Speech at the 10th meeting of the Ad Hoc Working Group for Foreign Affairs of the Caspian states' deputy ministers]. *Vestnik Kaspiya*, 4, pp. 1—3.
- Klare, M.T. (2001). *Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict*. Metropolitan Books.
- Mamedov, R. (2000). International Legal Status of the Caspian Sea in its Historical Development. *Turkish Yearbook*, XXX.
- Mamedov, R.F. (2006). *Mezhdunarodno-pravovoi status Kaspiiskogo morya: vchera, segodnya, zavtra [The international legal status of the Caspian Sea: yesterday, today and tomorrow]*. Baku: Azerneshr.
- Mikheev, S.A., Chebotarev, A.E., Kovalev, G.S. (2014). Problemy regiona nakanune IV Kaspiiskogo sammita [The problems of the region on the eve of IV Caspian Summit]. *Problemy post-sovetskogo prostranstva*, 2, pp. 31—69.
- Mohsenin, M.M. (2001). The evolving security role of Iran in the Caspian region. *The security of the Caspian Sea region*. Ed. G. Chufrin. Oxford University Press.
- Naumkin, V.V. (1998). Novyi neftyanoi poryadok neminuemo privedet k geopoliticheskim izmeneniyam (Dva vzglyada na protsessy, proiskhodyashchie na Kaspii i vokrug nego) [The new oil order will inevitably lead to geopolitical changes (two views on the processes taking place in the Caspian Sea and around)]. *Vestnik Kaspiya*, 6, pp. 25—28.
- Roberts, J. (1996). *Caspian Pipelines*. London: The Royal Institute of International Affairs.
- Roberts, J. (2001). Energy Reserves, Pipeline Routes and the Legal Regime in the Caspian Sea. *The security of the Caspian Sea region*. Ed. G. Chufrin. Oxford University Press.
- Savas'kov, P.V. (2003). Pravovoi rezhim Kaspiiskogo moray. *Yuzhnyi flang SNG. Tsentral'naya Aziya — Kaspii — Kavkaz: vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii*. Ed. M.M. Narinskiy, A.V. Mal'gin. Moscow: MGIMO. Logos.
- Sanai, M. (2002). *Otnosheniya Irana s tsentral'noaziatskimi stranami SNG (sotsial'no-politicheskie i ekonomicheskie aspekty) [Iran's relations with the Central Asian countries of the CIS (the socio-political and economic aspects)]*. Moscow: Muravei.
- Semenova, N.K. (2012). Kitaiskii energeticheskii vektor: znachenie ShOS i bezopasnost' v Tsentral'noi Azii [Chinese energy vector: the value of the SCO and security in Central Asia]. *Vostochnaya analitika*, 3, pp. 144—160.
- Shirin, A. (2004). *The Caspian: Politics, Energy and Security*. London: Routledge Curzon.
- Shorokhov, V. (1997). *Neft' i politika Azerbaidzhana [Oil and policies of Azerbaijan]*. Moscow: TsMI MGIMO, 9.
- Sultanov, B.K. (2012). *Tsentral'naya Aziya i Kaspiiskii region: riski, vyzovy, ugrozy [Central Asia and the Caspian region: the risks, challenges and threats]*. Almaty: KISI, 2012.
- Syroezhkin, K.L. (2011). *Tsentral'naya Aziya segodnya: vyzovy i ugrozy [Central Asia today: challenges and threats]*. Almaty: KISI.
- Vinogradov, S.V. (1997). Towards Regional Cooperation in the Caspian: A Legal Perspective. *Scientific, Environmental and Political Issues in the Circum-Caspian Region*, pp. 53—68.
- Urnov, A.Yu. (2000). O mezhdunarodno-pravovom statusе Kaspiiskogo morya / Mezhdunarodnyi simpozium “Vliyanie seismicheskoi opasnosti na truboprovodnye sistemy v Zakavkazskom

i Kaspiiskom regionakh”, Moskva, 30—31 maya 2000 g. [On the international legal status of the Caspian Sea. International Symposium “The Influence of seismic hazard in pipeline systems in the Caucasian and Caspian regions”, Moscow, 30—31 May 2000]. *Vestnik Kaspiya*, 3, pp. 11—14.

Zhil'tsov, S.S. (2014). Politika Rossii na Kaspii [Russia's policy in the Caspian Sea]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 2, pp. 5—30.

Zhil'tsov, S.S. (2016). *Politika Rossii v Kaspiiskom regione* [Russia's policy in the Caspian region]. Moscow: Aspekt Press.

Zhil'tsov, S.S., Zonn, I.S. (2011). *Kaspiiskaya truboprovodnaya geopolitika* [Caspian pipeline geopolitics]. Moscow: Vostok-Zapad.

Zonn, I.S., Zhil'tsov, S.S. (2008). *Novyi Kaspii. Geografiya, ekonomika, politika* [New Caspian. Geography, economics, politics]. Moscow: Vostok-Zapad.

Received: 17.11.2016

For citations: Zhiltcov, S.S. (2016). Russian-Iranian Relations in the Caspian Region: results and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 628—642.

© Жильцов С.С., 2016

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-643-653

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ: ПРИОРИТЕТЫ В ЮВА

Н.В. Галищева

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Целью настоящего исследования является анализ главного направления восточноазиатского вектора внешнеэкономической политики Индии в 1990—2000-е гг. — связей Индии со странами ЮВА. В статье детально проанализирована главная составляющая политики индийского правительства в регионе — торговое сотрудничество. Автор рассмотрела товарную структуру индийского экспорта в ЮВА и импорта из этого региона, а также главных торговых партнеров. В статье приводятся данные по индексу Грубеля-Ллойда, характеризующего уровень внутриотраслевой торговли Индии и стран АСЕАН по пяти основным экспортным и импортным товарам.

Проанализировано также и состояние двустороннего инвестиционного взаимодействия. Отмечено, что инвестиционное сотрудничество между Индией и странами ЮВА характеризуется значительно большей активностью индийских инвесторов. В целом же оно способствует развитию экономических связей между сторонами.

Автор рассмотрела механизм предоставления индийской помощи странам ЮВА. Отмечено, что, предоставляя помощь странам ЮВА, Индия обеспечивает рынки сбыта своих товаров, а также благоприятные условия индийским компаниям для проникновения в регион ЮВА, что, в конечном счете, стимулирует рост двусторонней торговли. Автор подчеркивает, что индийская политика предоставления помощи странам ЮВА явно преследует цель не только закрепления своих экономических позиций в этом регионе, но и в определенном смысле распространения на него своего геополитического влияния.

В статье приведены статистические данные, характеризующие состояние современных внешнеэкономических связей Индии с государствами региона.

Ключевые слова: Индия, экономика Индии, внешнеэкономическая политика Индии, ЮВА, «Взгляд на Восток», «Движение на Восток».

Индийская политика «Движение на Восток» (Act — East Policy), пришедшая на смену в 2014 г. политике «Взгляд на Восток» (Look — East Policy), направлена на укрепление торгово-экономических связей с регионами Восточной и Юго-Вос-

точной Азии и расширение зоны своего влияния в азиатском регионе в целом. Выступая на 14-м саммите АСЕАН — Индия, состоявшемся 8 сентября 2016 г. в г. Вьентьян (Лаос), премьер-министр Индии Н. Моди заявил: «Страны АСЕАН являются краеугольным камнем политики «Движение на Восток». Наши связи центрируются общими интересами и несут региону мир, стабильность и процветание. Наше стратегическое партнерство включает экономические, социально-культурные аспекты, а также сотрудничество в сфере обеспечения безопасности»¹. Успешные либеральные реформы 1990—2000-х гг. позволили Индии укрепить свой экономический потенциал и теснее сблизиться с государствами — членами АСЕАН: в 1992 г. Индия получила статус партнера по секторальному диалогу, а в декабре 1995 г. стала полноправным партнером по диалогу. С 2002 г. на регулярной основе (в среднем один раз в год) проводятся саммиты АСЕАН — Индия². Потенциал сотрудничества Индии и АСЕАН весьма значителен: по результатам 2015 г. здесь проживает свыше 1,8 млрд человек и производится около 6,5 % мирового ВВП по обменному курсу³.

ТОРГОВЛЯ ИНДИИ СО СТРАНАМИ АСЕАН В 2000-е гг.

В октябре 2003 г. в ходе второго саммита АСЕАН — Индия на о. Бали (Индонезия) между Индией и Ассоциацией было подписано рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве, которое заложило основу для формирования между сторонами региональной торговой и инвестиционной зоны (The ASEAN-India Regional Trade and Investment Area), а также в обозримом будущем зоны свободной торговли, означающей свободное передвижение товаров, услуг и капитала [Hariharan, Jebaraj 2003]. Плодотворные усилия обеих сторон в этом направлении привели к установлению с 1 января 2010 г. между Индией и странами АСЕАН зоны свободной торговли, предусматривающей, помимо прочего, постепенное снижение тарифных ставок на 90 % товаров, торгуемых между сторонами. Если в 1993 г., на заре активизации сотрудничества с АСЕАН, товарооборот Индии с этим региональным блоком составлял 2,9 млрд долларов, то в 2003 г. он возрос до 12,1 млрд⁴. В 2005—2015 гг. объемы ежегодного товарооборота между Индией и странами АСЕАН увеличивались в среднем более чем на 25 % и по результатам 2014/15 фин. г.⁵ достигли 76,5 млрд долларов, что вывело Индию на седьмую позицию среди основных торговых партнеров Ассоциации.

¹ ASEAN is central to India's 'Act East Policy' — Indian Prime Minister. Asia and Pacific 08.09.2016. URL: <https://sputniknews.com/asia/20160908/1045084591/india-modi-asean.html> (accessed: 02.10.2016).

² Первый саммит АСЕАН — Индия состоялся в ноябре 2002 г. в Пномпене (Камбоджа).

³ Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Official web-site. URL: <http://www.asean.org> (accessed: 02.10.2016).

⁴ ASEAN Statistical Yearbook 2015. URL: http://www.asean.org/storage/2012/05/ASEAN-Statistic-Yearbook-2015_r.pdf (accessed: 02.10.2016).

⁵ Финансовый год в Индии начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего календарного года.

В настоящее время на Индию приходится 2,7 % всего товарооборота этой интеграционной группировки (табл. 1). Для Индии же блок АСЕАН является вторым крупнейшим (после ЕС) торговым партнером, на который в последние годы стабильно приходится около 10 % ее внешнеторгового оборота (около 2 % — в экспорте и 3,4 % — в импорте).

Таблица 1

Взаимная торговля Индии и АСЕАН в 2007/08 фин. г. — 2015/16 фин. г.

	2007/08 фин. г.		2014/15 фин. г.		2015/16 фин. г. (апрель-ноябрь)	
	млрд дол- ларов США	%	млрд дол- ларов США	%	млрд дол- ларов США	%
Экспорт	16,4	10,1	31,8	10,2	16,0	9,2
Импорт	22,67	9,0	44,7	10,0	27,4	10,5
Оборот	39,1	9,4	76,5	10,1	43,4	9,9

Источник: Economic Survey 2009/10 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. — February 2010. P. A93, A98; Economic Survey 2015/16 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. — February 2016. P. A115-A116, A123-A124

В «пятерку» крупнейших торговых партнеров Индии из числа стран АСЕАН традиционно входят Индонезия (2,5 % общего объема индийского товарооборота), Сингапур (2,2 %), Малайзия (2,2 %), Таиланд (1,2 %) и Вьетнам (1,2 %)⁶. При этом только с Сингапуром и Вьетнамом у Индии баланс торговли в последнее десятилетие стабильно сводится с положительным сальдо (табл. 2).

Таблица 2

Торговля Индии с ведущими партнерами из числа стран — участниц АСЕАН в 2014/15 фин. г. (млрд долларов США)

	Сингапур	Вьетнам	Малайзия	Индонезия	Таиланд
Экспорт	9,8	6,3	5,8	4,0	3,5
Импорт	7,1	3,0	11,1	15,0	5,9
Оборот	16,9	9,3	16,9	19,0	9,4
Сальдо	2,7	3,3	-5,3	-11,0	-2,4

Источник: Economic Survey 2015/16⁷

Примечательно, что индийский импорт из стран АСЕАН является более диверсифицированным, чем экспорт. Основными статьями индийского экспорта в страны АСЕАН являются сельскохозяйственная продукция (по результатам 2014 г. свыше 28 %), фармацевтические товары (7,3 %), минеральные удобрения (6,6 %), драгоценные и поделочные камни (4,5 %), транспортные средства (2,4 %). Среди основных статей индийского импорта — сельскохозяйственная продукция (15,8 %), органические удобрения (8,1 %), минеральное топливо (5,0 %), пластмассы и изделия из пластмасс (4,9 %), натуральный каучук (3,2 %), натуральные и поделочные камни (3,1%), инструменты и аппараты оптические, фотографиче-

⁶ Economic Survey 2015/16. Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2016. P. A115-116, A123-124.

⁷ Ibid.

ские, кинематографические, измерительные, контрольные и др. (2,4 %), реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства (1,8 %), электрические машины и оборудование (1,8 %)⁸.

Интересные данные были получены автором статьи при расчете для взаимной торговли Индии и АСЕАН индекса Грубеля-Ллойда, характеризующего уровень внутриотраслевой торговли сторон. Рассчитанный автором индекс Грубеля-Ллойда по 5 наименованиям, входящим в число 10 ведущих во взаимной торговле Индии и АСЕАН, по данным за 2014 г., свидетельствует о достаточно высоком уровне внутриотраслевой торговли этими наименованиями (табл. 3).

Таблица 3

Индекс Грубеля-Ллойда во взаимной торговле Индии и АСЕАН в 2014 г.

ТН ВЭД	Продукция	Индекс Грубеля-Ллойда
27	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки, битуминозные вещества; воски минеральные	0,821
29	Органические химикаты	0,732
71	Жемчуг природный или культивированный, драг. и поделочные камни, драг/металлы, металлы, плакированные драг/металлами, и изделия из них	0,860
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства	0,563
85	Электрические машины и оборудование	0,294

Источник: подсчитано и составлено и автором по ASEAN Statistical Yearbook 2015⁹

ИНВЕСТИЦИОННОЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИНДИИ И АСЕАН

Активно развивается и инвестиционное сотрудничество: ежегодный объем прямых индийских инвестиций в страны АСЕАН неуклонно возрастает — если в 2008 г. он составлял 476,8 млн долларов, то в 2009 г. — 811,18 млн долларов, а в 2010 г. — 2,58 млрд долларов¹⁰. Хотя в 2011 г. объем несколько сократился, уже в 2012 г. он превысил 4,3 млрд долларов, и Индия заняла по этому показателю 5-е место среди основных инвесторов в экономику стран АСЕАН (см. табл. 4).

Таблица 4

Индийские прямые инвестиции в страны АСЕАН в 2005—2014 гг. (млрд долларов)

	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.
Объем инд/инвестиций в АСЕАН	0,420	3,500	4,266	0,819
Всего в АСЕАН	42,489	100,360	115,453	136,181

Источник: ASEAN Statistical Yearbook 2015¹¹

⁸ ASEAN Statistical Yearbook 2015. URL: http://www.asean.org/storage/2012/05/ASEAN-Statistic-Yearbook-2015_r.pdf (accessed: 02.10.2016).

⁹ ASEAN Statistical Yearbook 2015. URL: http://www.asean.org/storage/2012/05/ASEAN-Statistic-Yearbook-2015_r.pdf (accessed: 02.10.2016).

¹⁰ Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Official web-site. URL: <http://www.asean.org> (accessed: 02.10.2016).

¹¹ Ibid.

По результатам 2014 г., несмотря на определенное снижение объема вложений (0,819 млрд долларов), Индия уверенно входит в первую десятку крупнейших инвесторов АСЕАН, занимая 8-е место¹².

Примечательно, что инвестиционное сотрудничество между Индией и странами ЮВА характеризуется значительно большей активностью индийских инвесторов. Накопленный же объем прямых инвестиций из стран ЮВА в индийскую экономику за 2000—2014 гг. составил 27,973 млрд долларов, или 12,6 % общего объема ПИИ [Connecting Asia... 2016]. При этом основной объем капитала поступил из Сингапура и Малайзии (табл. 5).

Таблица 5

Географическое распределение прямых инвестиций в индийскую экономику из стран АСЕАН в 2000—2014 гг.

	Объем индийских прямых инвестиций (млрд долларов)	Доля (%)
Всего из региона ЮВА	27,973	100,0
Сингапур	26,417	94,4
Малайзия	0,719	2,6
Индонезия	0,621	2,2
Таиланд	0,174	0,6
Филиппины	0,033	0,2
Мьянма	0,009	ничт.

Источник: Connecting Asia: Infrastructure for Integrating South and Southeast Asia¹³

Индия не ограничивается лишь торгово-инвестиционными связями с этими странами, наращивается взаимодействие и в других сферах. Так, в настоящее время под эгидой Фонда развития науки и технологий АСЕАН—Индия (The ASEAN-India Science and Technology Development Fund) реализуется ряд проектов в области фундаментальной науки и технологий, космоса и ИКТ, в сфере авиации и туризма. Так, если в 2008 г. страны АСЕАН посетило менее 2 млн индийских туристов, то в 2009 г. — 2,1 млн, в 2010 г. — 2,47 млн, в 2011 г. — 2,71 млн, а в 2014 г. — 3,071 млн¹⁴. Усиливаются также связи и в области сельского и лесного хозяйства. Стороны намерены сообща решать проблемы продовольственной безопасности, обмениваться знаниями и наработками, а также реализовывать совместные научные проекты по соответствующим направлениям.

Одной из важных составляющих механизма взаимодействия Индии со странами АСЕАН является работа совместных фондов. На современном этапе выделяется деятельность фонда «АСЕАН—Индия» по борьбе с изменением климата (The ASEAN — India Green Fund) и фонда сотрудничества «АСЕАН—Индия» (The ASEAN — India Cooperation Fund).

¹² ASEAN Statistical Yearbook 2015. URL: http://www.asean.org/storage/2012/05/ASEAN-Statistic-Yearbook-2015_r.pdf (accessed: 02.10.2016).

¹³ Connecting Asia: Infrastructure for Integrating South and Southeast Asia. Edited by Michael G. Plummer et al. 2016. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/180191/adbi-connecting-asia-infrastructure-integrating-south-southeast-asia.pdf> (accessed: 02.10.2016).

¹⁴ ASEAN Statistical Yearbook 2015. URL: http://www.asean.org/storage/2012/05/ASEAN-Statistic-Yearbook-2015_r.pdf (accessed: 02.10.2016).

Успешно реализуется план действий «АСЕАН—Индия» (The Plan of Action), принятый на 3-м саммите АСЕАН—Индия во Вьентьяне 30 ноября 2004 г. и рассчитанный первоначально на период 2004—2010 гг. На 9-м саммите АСЕАН—Индия 19 ноября 2011 г. на о. Бали (Индонезия) план действий, ныне включающий 82 направления сотрудничества (помимо торгово-экономического и инвестиционного, борьбу с различными экономическими преступлениями, морским пиратством, международным терроризмом и др.), был продлен на период 2010—2015 гг.¹⁵

ИНДИЯ — НОВЫЙ ДОНОР СТРАН АСЕАН

В настоящее время Индия укрепляет свои экономические связи с АСЕАН, в том числе и благодаря выделению финансовой помощи [Галищева 2011]. Ее начало было положено еще в 1950-е гг. — поначалу Бирме (с октября 2010 г. Республика Союз Мьянма), а затем и другим странам региона. Первый кредит Индонезии был предоставлен в 1965 г., и к 1969 г. островное государство уже получило от Индии 200 млн рупий [Седов 1971]. В целом в 1960—1970-е гг. Индонезия и Малайзия неоднократно получали от Индии кредиты на закупку индийского оборудования. В этот период и в последующие десятилетия Индия оказывала странам ЮВА и техническое содействие, финансируя инфраструктурные проекты. В частности, Индия участвовала в строительстве ряда предприятий в Малайзии (всего около 30 проектов), Камбодже, Индонезии, Лаосе и Вьетнаме. Кроме того, она также предоставляет образовательные и консультативные услуги и проч. В 1950—1970-е гг. в Индии прошли обучение 356 специалистов из Малайзии, 270 — из Филиппин, 100 — из Индонезии [Седов 1971].

Предоставляя помощь странам ЮВА, Индия обеспечивает рынки сбыта своих товаров, а также благоприятные условия индийским компаниям для проникновения в регион ЮВА, что, в конечном счете, стимулирует рост двусторонней торговли [Галищева 2011]. Очевидно, что страны ЮВА стратегически важны для Индии, так как помимо прочего обладают богатой ресурсной базой и значительным научно-техническим потенциалом. В этом регионе Индия проводит политику оказания активного технического содействия, финансируя инфраструктурные проекты на условиях грантов и льготных кредитов. Кроме того, она также предоставляет образовательные и консультативные услуги и пр. Одной из важных «площадок» взаимодействия стала Организация сотрудничества стран бассейнов рек Меконг и Ганг (The Mekong-Ganga Cooperation) [Bijoy 2010].

На 4-м саммите АСЕАН—Индия в Куала-Лумпуре (Малайзия) 13 декабря 2005 г. было объявлено об открытии специальных курсов для повышения квалификации дипломатов стран-участниц, а также о планах строительства в Камбодже, Лаосе, Вьетнаме и Мьянме центров развития предпринимательства (Entrepreneurship Development Centres), оказывающих содействие развитию малого и среднего бизнеса, организующих изучение английского языка и других дисциплин, в

¹⁵ Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Official web-site. URL: <http://www.asean.org> (accessed: 02.10.2016).

том числе путем дистанционного обучения и др. В ходе 8-го саммита АСЕАН—Индия во Вьетнаме в октябре 2010 г. такой центр был открыт в Ханое [Иностранная помощь 2013].

Индия стремится закрепить свое присутствие в ЮВА также оказанием помощи странам региона в развитии их транспортной инфраструктуры, социальной сферы и др. [Карпа 2005]. Так, например, Лаосу индийское правительство предоставляет помощь в реализации проектов в сфере энергетики и реставрации памятников архитектуры, в частности храма VI в. Ват Пхоу, расположенного в провинции Чампасак, объявленного в 2001 г. ЮНЕСКО мировым наследием. Вьетнаму Индия в 2000-е гг. предоставила на условиях грантов 100 млн рупий на сооружение Центра по развитию информационных технологий в Ханое и 122,07 млн рупий на поддержку развития человеческого потенциала в сфере ИТ в шести образовательных учреждениях Вьетнама. На условиях льготных кредитов Индия осуществляет сооружение ЛЭП, оросительных установок и водяных насосов в Камбодже. Индийская помощь Республике Индонезия в основном выделяется на условиях грантов в форме технического содействия [Галищева 2013], а также на ликвидацию последствий стихийных бедствий и природных катастроф. Так, например, Индия была одной из первых стран, предоставивших Индонезии помощь в объеме 1 млн долларов в связи с масштабным цунами в Индийском океане, обрушившимся на островное государство в декабре 2004 г. Индийское правительство выделило также 40 т продовольствия, предметов первой необходимости и 3 т медицинских препаратов и медтехники. Один из кораблей впоследствии был преобразован в плавучий госпиталь на побережье вблизи г. Ванда-Ачех [Price 2005]. Примечательно, что значительная часть помощи была направлена в район г. Медан, где сосредоточена основная часть проживающей в Индонезии индийской диаспоры. Спустя 4 месяца Индия предоставила еще 2 млн долларов на ликвидацию последствий землетрясения, нанесшего 28 марта 2005 г. значительный ущерб северной части о. Суматра, а еще через год (в мае 2006 г.) еще 2 млн долларов на ликвидацию последствий землетрясения на о. Ява.

Значительная часть индийской помощи Мьянме направляется на ликвидацию последствий стихийных бедствий, причем, главным образом, на условиях грантов. Примечательно, что в настоящее время интерес Индии к Мьянме обусловлен как экономическими факторами, так и политическими (борьба с сепаратистскими группировками в индийских северо-восточных штатах, конкуренция с КНР, Японией, США и др. за влияние в Мьянме и регионе ЮВА в целом). Кроме того, на территории Мьянмы в настоящее время проживают порядка 2 млн выходцев из Индии [Yhome 2009].

Индийская политика предоставления помощи странам ЮВА явно преследует цель не только закрепления своих экономических позиций в этом регионе, но и в определенном смысле распространения на него своего геополитического влияния. Эту идею поддерживает и один из ведущих американских индологов, профессор Пенсильванского университета Франсина Р. Фрэнкель, отметившая, что проведение индийским правительством политики «Взгляд на Восток», нацеленной на активное развитие двусторонних связей со странами, имеющими напряженные отношения с Китаем, свидетельствует о новом витке индийско-китайского со-

перничества в Азии [Frankel 2011]. Укрепление же китайских позиций в регионе ЮВА стало результатом реализации его политики, известной как Neighbouring Diplomacy (превращение соседей в партнеров). Как полагает китайский исследователь Ки Хуайгао, Neighbouring Diplomacy — важнейший компонент китайской внешнеэкономической политики, включающей при этом различные форматы, в том числе Чиангмайскую инициативу¹⁶, зону свободной торговли Китай—АСЕАН и др. [Qi 2009]. Китайский курс на упрочение своего статуса ведущей державы в регионе ЮВА включает, среди прочего, также и выделение помощи, совокупный объем которой в первое пятилетие XXI в. составил около 3 млрд долларов [Бергер 2006].

Нельзя не согласиться с тезисом Франсины Р. Фрэнкель, анализирующей индийско-китайское соперничество в ЮВА. Она полагает, что «частично совпадающие притязания на влияние в Южной и Юго-Восточной Азии, а также в Индийском океане, не высказывающиеся открыто ни в Китае, ни в Индии, вылились в серьезное стратегическое соперничество. Очевидно, что поскольку из этих двух азиатских гигантов Индия слабее и менее опасна (с точки зрения попадания в перспективе в экономическую и иную зависимость. — *Прим. авт.*), небольшие страны региона, обеспокоенные быстрым подъемом Китая, готовы охотно рассматривать ее как партнера» [Frankel 2011].

Как тут не вспомнить два известных высказывания. Одно из них принадлежит государственному и политическому деятелю Индии Сардару К.М. Паниккару: «Будущее Индии, без сомнения, будет решаться на море. Оно неразрывно связано с успехами в регионе Индийского океана» [Murdock 2011]. Автор же второго высказывания — Альфред Т. Махан: «Тот, кто контролирует Индийский океан, доминирует в Азии. Этот океан — ключ к семи морям. В XXI в. судьба мира будет вершиться именно в его водах» [Frankel 2011].

Таким образом, сотрудничество со странами АСЕАН в XXI в. стало одним из ключевых направлений внешнеэкономической политики Индии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бергер Я. Китай — глобальная держава XXI в.? // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 8. С. 2—12.

Галищева Н.В. Индия — новый финансовый донор // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 8. С. 16—22.

Галищева Н.В. Современная внешнеэкономическая стратегия Индии: сотрудничество «Юг—Юг» // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. 5(20). С. 96—106.

¹⁶ Чиангмайская инициатива была запущена с подачи тогдашнего министра финансов Японии К. Миядзавы в рамках формата «АСЕАН + 3» (страны АСЕАН, а также Япония, Республика Корея и КНР) в 2000 г. и предусматривает создание системы своп-соглашений по взаимной поддержке национальных валют. Чиангмайская инициатива стала своеобразным ответом стран на азиатский финансовый кризис 1997 г. Позднее, в 2008 г. было принято решение о расширении Чиангмайской инициативы и учреждении так называемого Азиатского валютного резервного фонда объемом 120 млрд долларов для борьбы с финансовыми кризисами.

Галищева Н.В. Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М.: Буки Веди, 2013.

Иностранная помощь / Под ред. Л.М. Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2013.

Седов И.А. Экономические связи Индии с развивающимися странами Азии и Африки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971.

Bijoy C.R. India: Transiting to a Global Donor. Campaign for Survival and Dignity. The Reality of Aid. Special Report on South-South Cooperation. 2010. URL: http://www.realityofaid.org/userfiles/roareports/roareport_3ce2522270.pdf (accessed: 20.10.2011).

Connecting Asia: Infrastructure for Integrating South and Southeast Asia / Ed. by M.G. Plummer et al. ADB, 2016. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/180191/adb-connecting-asia-infrastructure-integrating-south-southeast-asia.pdf> (accessed: 02.10.2016).

Frankel Francine R. The Breakout of China — India Strategic Rivalry in Asia and the Indian Ocean // *Journal of International Affairs*. Spring/Summer 2011. 64(2). URL: http://c.yomcdn.com/sites/www.indiaaus.org/resource/resmgr/docs/article_by_francine_frankel.pdf (accessed: 01.05.2012).

Hariharan S.V., Jebaraj J. Trade between SAARC and other Developing Countries. New Delhi: Serials Publications, 2003.

Kapila Uma. Indian Economy. New Delhi: Academic Foundation, 2005.

Murdock Paul I. Tiger, Tiger Burning Bright — or Not? India—US Relations in the 21st Century. US Naval War College. Strategic Research Department. Research Report 6-96. 2011. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA313473> (accessed: 19.05.2012).

Price G. Diversity in Donorship: the Changing Landscape of Official Humanitarian Aid. India's Official Aid Programme. Humanitarian Policy Group Background Paper. September 2005. URL: <http://www.odi.org.uk/resources/docs/416.pdf> (accessed: 15.02.2011).

Qi Huaigao. China's New Neighbouring Diplomacy // *Contemporary International Studies*. September/October 2009. P. 89—110.

Yhome K. India—Myanmar Relations (1998—2008). A Decade of Redefining Bilateral Ties. Delhi: Observer Research Foundation, 2009. URL: http://www.observerindia.com/cms/export/orfonline/modules/occasionalpaper/attachments/ind-myn-OP_1236338801296.pdf (accessed: 16.03.2011).

Дата поступления статьи: 09.10.2016

Для цитирования: *Галищева Н.В.* Восточноазиатский вектор внешнеэкономической политики Индии: приоритеты в ЮВА // *Вестник Российского университета дружбы народов: Серия Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 4. С. 643—653.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-643-653

THE EAST-ASIAN VECTOR OF THE INDIAN EXTERNAL POLICY: PRIORITIES IN THE SOUTH ASIA

N.V. Galistcheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

The aim of this research is the analysis of the key direction of the East-Asian vector of the Indian external economic policy in 1990—2000s — its ties with the South-East Asian countries. The article highlights the main direction of the Indian government's policy in the region — trade cooperation.

The author examines the composition of the Indian exports to the South-East Asian countries and imports from this region as well as the main trade partners. The article also presents statistical data on the Grubel-Lloyd Index which measures India and the ASEAN-countries intra-industry trade of five main import and export products.

The article also highlights the current bilateral investment interaction. It is noted that the investment cooperation between India and the South-East Asian countries is characterized by significantly higher activity of Indian investors. As a whole it helps accelerating bilateral economic relations.

The author notes the mechanism of the Indian assistance to the South-East Asian countries and points out that providing assistance India wins markets for their products as well as favorable conditions for its companies to penetrate the South-East Asian region which ultimately stimulates the growth of bilateral trade. The author stresses that the Indian policy of providing assistance aims at consolidating its economic positions in the region as well as at spreading its geopolitical influence.

The article presents statistical data characterizing the present state of the Indian external economic ties with this region.

Key words: India, Indian economy, the Indian external economic policy, South-East Asia, Look-East Policy, Act-East Policy.

REFERENCES

Berger, Ya.M. (2006). Kitai — global'naya derzhava 21 v.? [Is China a global state in the 21st century?]. *Aziya i Africa segodnya*, 8, pp. 2—12.

Bijoy, C.R. (2010). *India: Transiting to a Global Donor. Campaign for Survival and Dignity. The Reality of Aid*. Special Report on South—South Cooperation. URL: http://www.realityofaid.org/userfiles/roareports/roareport_3ce2522270.pdf (accessed: 20.10.2011).

Connecting Asia: Infrastructure for Integrating South and Southeast Asia (2016). ADB, 2016. Ed. by M.G. Plummer et al. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/180191/adb-connecting-asia-infrastructure-integrating-south-southeast-asia.pdf> (accessed: 02.10.2016).

Frankel, Francine R. (2011). The Breakout of China — India Strategic Rivalry in Asia and the Indian Ocean. *Journal of International Affairs*, 64 (2). URL: http://c.ymcdn.com/sites/www.india-us.org/resource/resmgr/docs/article_by_francine_frankel.pdf (accessed: 01.05.2012).

Galishcheva, N.V. (2011). Indiya — novyi finansovyi donor [India is a new financial donor]. *Aziya i Africa segodnya*, 8, pp. 16—22.

Galishcheva, N.V. (2011). Sovremennaya vneshneekonomicheskaya strategiya Indii: sotrudnichestvo “Yug” — “Yug” [Contemporary External Economic Strategy of India: “South — South” Cooperation]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 5(20), pp. 96—106.

Galishcheva, N.V. (2013). *Indiya v mirivom khozyaistve na rubezhe vekov: vneshneekonomicheskie svyazi i vneshneekonomicheskaya politika* [India in the world economy at the turn of the century: international economic ties and external economic policy]. Moscow: Buki Vedi.

Hariharan, S.V., Jebaraj, J. (2003). *Trade between SAARC and other Developing Countries*. New Delhi: Serials Publications.

Inostrannaya pomoshch' [The Foreign aid]. (2013). Ed. by L.M. Kapitsa. Moscow: MGIMO-Universitet.

Kapila, U. (2005). *Indian Economy*. New Delhi: Academic Foundation.

Murdoch, Paul I. (2011). *Tiger, Tiger Burning Bright — or Not? India-US Relations in the 21st Century*. US Naval War College. Strategic Research Department. Research Report 6-96. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA313473> (accessed: 19.05.2012).

Price, G. (2005). *Diversity in Donorship: the Changing Landscape of Official Humanitarian Aid. India's Official Aid Programme*. Humanitarian Policy Group Background Paper. URL: <http://www.odi.org.uk/resources/docs/416.pdf> (accessed: 15.02.2011).

Qi, Huaigao (2009). China's New Neighbouring Diplomacy. *Contemporary International Studies*, September/October, pp. 89—110.

Sedov, I.A. (1971). *Ekonomicheskie svyazi Indii s razvivayushchimisya stranami Azii i Afriki* [Indian economic relations with the developing countries of Asia and Africa]. Moscow: Izdatel'stvo Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury.

Yhome, K. *India-Myanmar Relations (1998—2008). A Decade of Redefining Bilateral Ties*. Delhi: Observer Research Foundation, 2009. URL: http://www.observerindia.com/cms/export/orfonline/modules/occasionalpaper/attachments/ind-myn-OP_1236338801296.pdf (accessed: 16.03.2011).

Received: 09.10.2016

For citations: Galistcheva, N.V. (2016). The East-Asian vector of the Indian external policy: priorities in the South Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 643—653.

© Галищева Н.В., 2016

INDIA—AFRICA: TRADE, INVESTMENTS AND HUMANITARIAN PROJECTS

A.V. Suleymanov

Management Institute of Nijni Novgorod, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Nijni Novgorod, Russia

Active growth of trade volume between India and Africa which has increased in twenty times since the beginning of the twenty-first century or in seventy times since 1991, certainly actualized a question of features of the modern Indo-African relations. In this regard the purpose of article is consideration of features of policy of India to the African countries. The author does the short historical review of the Indo-African relations, and considers key spheres of realization of modern regional strategy of India on the African continent — humanitarian projects, foreign trade and investments.

The main methods of research are the comparative-historical approach and the statistical analysis, being used for identification of positive or negative dynamics of development of the Indo-African cooperation.

Now the African region takes strategic significance for India. Rapid economic development of the African countries and increase in a standard of living of the population turn the continent into a perspective sales market of the Indian goods and services. Besides, India actively develops humanitarian projects and renders the financial help to many African countries. However, India faces set of problems and factors — geographical remoteness, the discrimination and racism, instability of political systems of many African countries and the African policy of China.

The active economic policy of China on the African continent has compelled India to develop cooperation with the countries of Africa more actively. In recent years India also as well as China tries to make active and modernize the economic and humanitarian policy in Africa. Struggle for commodity markets of the goods and services in Africa makes Africa by strategic region not only in the Indo-Chinese relations, but in foreign policy of India as a whole.

Key words: India, Africa, China, Indo-African relations, trade, investment, humanitarian projects.

India's links with Africa go back a long way in history. Nurtured by people-to-people contact, these links are anchored in shared history and enduring friendship across the Indian Ocean. These relations over the decades have grown into one of the most productive and durable partnerships.

Historically India was not only the important trading partner for Africa, but also an example of the national liberation. Gandhi's philosophy (Satyagraha or non-violent resistance to tyranny), which he successfully put into practice to achieve India's independence in 1947, inspired a startling number of African leaders in their own national liberation campaigns.

If Mahatma Gandhi laid the moral foundations for Indo-African relations, Jawaharlal Nehru gave the relationship its political structure during his long tenure as India's first prime minister (1947—1964) [Лунев 2006]. Nehru declared that Africa “though separated by the Indian Ocean from us in a sense our next door neighbor” and that

“in historical perspective, Indian interests are likely to be bound up more and more with the growth of Africa”. Nehru left an indelible imprint on India-Africa relations since India’s early post-independence years and projected an image of non-alignment as a major thrust of India’s interaction with the outside world. The corollary was to project the significance of South-South economic cooperation beyond the earlier projects in Africa.

Non-alignment, both as a policy principle and as a collective movement, has been a basic part of independent India’s foreign policy [Лунев 1993]. Together with China’s Zhou Enlai, Egypt’s Gamal Abdel Nasser, Ghana’s Nkrumah, Indonesia’s Sukarno, and Viet Nam’s Ho Chi Minh, Nehru played a leading role in convening the first Asian-African Conference in April 1955, which brought representatives of 29 African and Asian countries to the Indonesian city of Bandung and gave rise to the Non-Aligned Movement.

At that conference, Nehru made a moving speech about the African tragedy. He said, “We have passed resolutions about conditions in this or that country. But I think there is nothing more terrible than the infinite tragedy of Africans ever since the days when millions of Africans were carried away as galley slaves to America and elsewhere, half of them dying in the galleys... Even now the tragedy of Africa is greater than that of any other continent, whether it is racial or political. It is up to Asia to help Africa to the best of her ability because we are her sister continent”.

However, early hopes of a more intensive Indo-African partnership were dashed when China and India came to blows over border disputes, and the Sino-Indian War of 1962 left China in possession of sections of the contested areas. The resulting scenario was a setback for India’s standing among NAM nations. That led policy makers in New Delhi to adopt a less ambitious policy towards Africa, focusing instead on building their country’s defence sector and securing its immediate neighborhood. Even so, India continued to generously support national liberation movements in Africa financially and politically.

Political relations have since been marked by mutual understanding and support. During Indira Gandhi and Rajiv Gandhi’s prime ministership, India accorded formal diplomatic recognition to South Africa’s African National Congress in 1967 and Namibia’s South West African People’s Organization in 1985 [Dubey 2016].

After an establishment of political contacts to the majority of the countries of the African region, India began to make active trade and economic relations. In 1968 has been signed the Trade and economic cooperation agreement with Cameroon and in 1974 with Senegal.

In period 1980 to 2003 commercial relations between India and Africa continued to develop dynamically. In this period India has signed agreements with seventeen countries of Africa — Ghana (1981), Uganda (1981), Zimbabwe (1981), Mozambique (1982), Nigeria (1983), Angola (1986), Zaire (1988), Rwanda (1990), Côte d’Ivoire (1993), South Africa (1994), Seychelles (1998), Liberia (1999), Tanzania (2000), Mauritius (2000), Botswana (2001), Swaziland (2002) and Zambia (2003).

Over the first decade of the twenty-first century, India-Africa economic cooperation has deepened, especially with India’s emergence as a bigger player in the global economy and the relative weight of its economy on the global economic and geopolitical scene.

That cooperation was evident not only at the India-Africa Forum summits, at which India offered significant loans, grants and development assistance to intensify engagement with African countries, but also to increasing bilateral contacts.

DEVELOPMENT PARTNERSHIP

The First India-Africa Forum Summit, held in Delhi in April 2008, was a major milestone in India's engagement with Africa in the twenty-first century. The Delhi Declaration and the Africa-India Framework for Cooperation, adopted during the Summit, highlighted shared vision and world view of India and the African countries. Taken together, these provide a sound foundation for the intensification of multilateral cooperation in the years to come [Beri 2016]. During the India-Africa Forum Summit, India decided to extend additional lines of credit of \$5.4 billion over the next five years, including an allocation of \$300 million to be utilized by the African Union in support of the New Partnership for Africa's Development (NEPAD) objectives. That line of credit is in addition to the \$200 million line of credit extended to NEPAD in 2002, most of which stands utilized. At the same time, India and Africa decided to work together on pressing global issues of shared interest and concern, including those involving the World Trade Organization, such as the issue of cotton subsidies. India has unilaterally announced duty-free and quota-free market access to goods from 34 least developed countries (LDCs) in Africa. This covers 94 % of India's total tariff lines and provides preferential market access on tariff lines comprising 92.5 % of the global exports of all LDCs¹.

At the Second India-Africa Forum Summit in 2011, India committed \$5 billion for the next three years in lines of credit to help African partners achieve their development goals. India committed an additional \$700 million to establish new institutions and training programs, in consultation with the African Union and its institutions. India also decided to support the development of a new Ethio-Djibouti railway line in the amount of \$300 million, in keeping with NEPAD's priority of infrastructure development². However credits for development of the railways make only 2 % from all credit lines of India to Africa. The main sectors actively financed by India are power and engineering, sugar plant, roads and transports, agriculture and rural electrification (fig. 1)³.

After N. Modi's government coming to power in 2014, the politics of India towards the African countries has not changed essentially. In March 2015, Modi visited Seychelles and Mauritius, signaling India's intent to enhance ties with the African Indian Ocean Rim Countries. During the visit, he signed landmark agreements to build security ties with these island states. In Mauritius, he enunciated India's policy vision for the region thus: "We seek a future of Indian Ocean that lives up to the name of SAGAR — Security and Growth for All" [Beri Strengthening Ties... 2016].

¹ India—Africa Forum Summit. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/India-Africa_Forum_Summit (accessed: 15.11.2016).

² Second Africa-India Forum Summit 2011: Africa-India Framework for Enhanced Cooperation. URL: <http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34/Second+AfricaIndia+Forum+Summit+2011+AfricaIndia+Framework+for+Enhanced+Cooperation> (accessed: 15.11.2016).

³ Africa-India: facts and figures. United Nations Economic Commission for Africa and Confederation of Indian Industry. Addis Ababa, Ethiopia. 2015. P. 5.

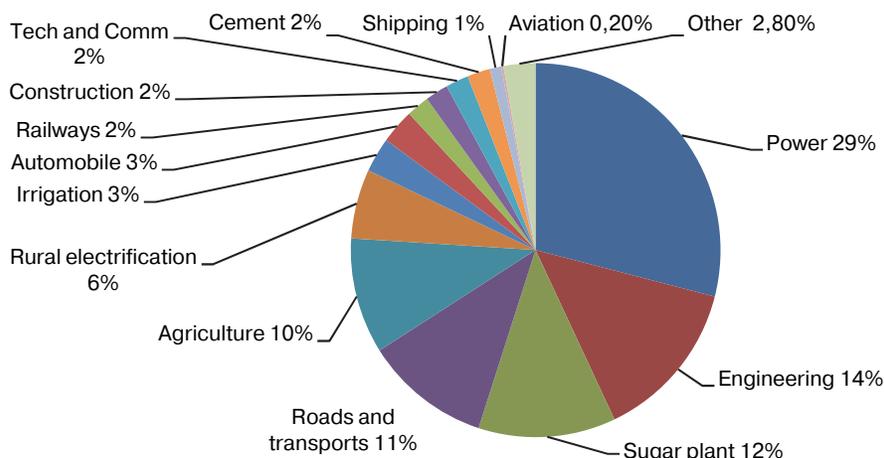

Fig. 1. India's credit lines to Africa by sectors (%)

Subsequently, Modi hosted the third India Africa Forum Summit. This Summit held from 26—29 October 2015, marked a milestone in the millennia old relationship, as it enabled consultation at the highest political level between the Indian government and the representatives of 54 African countries, including heads of state/government from 41 countries and the African Union [Singh Reenergising India-Africa... 2013]. On the closing day of the four day Summit were adopted two important documents — Delhi Declaration 2015 and India-Africa Framework for Strategic Cooperation, which reflected on the political, security and socio-economic issues⁴.

The Summit focused on connecting the priorities being pursued by Government of India with the priorities and concerns of the African countries for mutual benefit and growth. The Documents as well as the speeches by Prime Minister Modi and the African leaders, give priority to issues such as the UN Security Council Reforms, climate change, defence and security, balanced trade relations, renewable energy, blue economy, technology and innovation, health and education. Modi also announced that India's cooperation will be in line with the objectives set by the Agenda 2063 initiative of the African countries.

For the purpose of strengthening ongoing cooperation in infrastructure areas such road, railway construction and up gradation, water supply management, maritime connectivity, road and railway construction, Lines of Credit of \$10 billion over the next five years in addition to the ongoing credit programme of 7.4 billion and \$1.2 billion in grant since the first India-Africa Summit in 2008 has been announced [Beri 3rd India Africa... 2015].

TRADE AND INVESTMENT

Besides the credit help, India actively develops economic and investment cooperation with the countries of Africa. Indian companies have made large investments in Africa in the areas of industry, agriculture, services, human resource development

⁴ Delhi Declaration 2015. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/25980_declaration.pdf (accessed: 15.11.2016).

and infrastructure. The Indian conglomerate Tata has emerged as the second largest investor in sub-Saharan Africa. New initiatives to establish an India-Africa food processing cluster, an India-Africa integrated textiles cluster, an India-Africa civil aviation academy, an India-Africa centre for medium-range weather forecasting, and an India-Africa institute for agriculture and rural development are all on the anvil.

Growing investment by Indian companies in Africa is now estimated to be in the range of \$30 billion to \$35 billion. In the last decade, the Government of India has approved a total of almost \$9 billion in concessional credit for nearly 140 projects in more than 40 African countries, with special emphasis on LDCs, landlocked developing countries, and small island developing States partners in view of their special challenges and requirements. So far nearly 60 projects have been completed.

It necessary to note that, since the turn of the millennium, India has become one of the world's leading investment destinations. Foreign direct investment (FDI) amounted to a paltry \$393 million in the 1992—1993 financial year. By 2007—2008, it had climbed to \$34.7 billion and by 2015—2016 to \$63 billion (fig. 2).

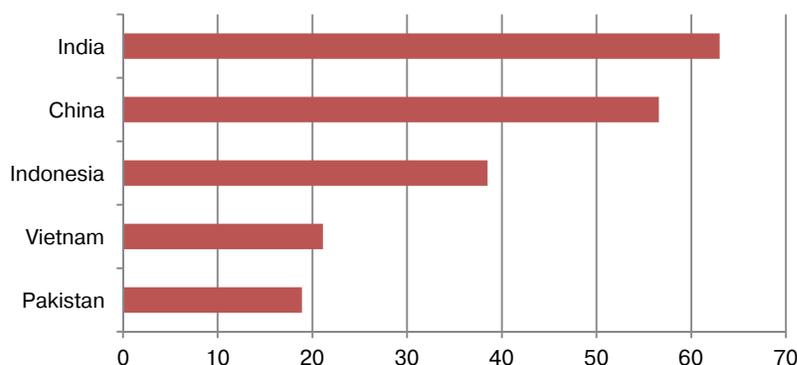

Fig. 2. Top FDI destinations in Asia-Pacific in 2015

As of 2013, Africa accounted for 16 % of India's foreign direct investment (FDI) stock for a total of \$13.6 billion. Surprisingly enough, Africa's FDI stock in India is five times higher, amounting to \$65.4 billion in the same year, which represents 26 % of the country's total inward FDI stock. One should mention, however, that a large part of this FDI is done through Mauritius. The double taxation avoidance agreement (DTAA) signed between India and Mauritius makes it very attractive for investors to funnel their investments through the island [Ndiaye India's investment... 2013]. Outward Indian FDI into Africa follows the same logic, as seen in the table below. Even though the actual investment is often taking place in a different country, it is always funneled through a head office that is registered in Mauritius (table 1).

India's trade with Africa also has been growing rapidly. There has been a spectacular increase in India-Africa trade over the past two decades. India-Africa trade has grown from a small \$967 million in 1991 to more than \$563 billion in 2015 (fig. 3). India launched its Duty Free Tariff Preference Scheme for Least Developed Countries in 2008 and expanded it in 2014 to include 98 % of all tariff lines. The benefits of this unilateral scheme extend to all sub-Saharan African countries to increase their exports to India⁵.

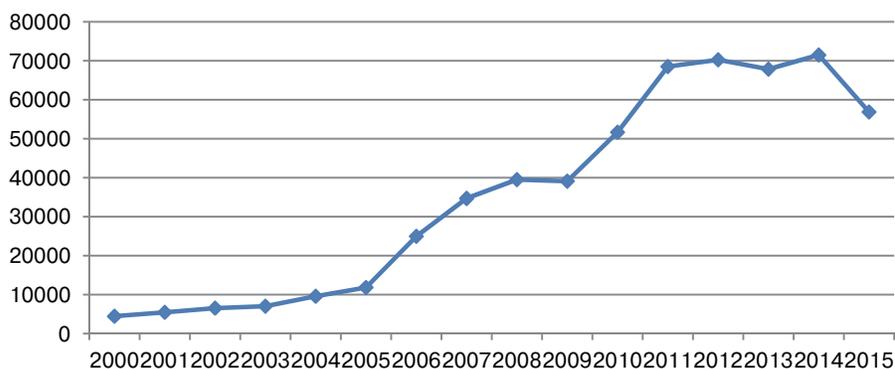
⁵ India-Africa trade volume. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/Default.asp> (accessed: 15.11.2016).

Table 1

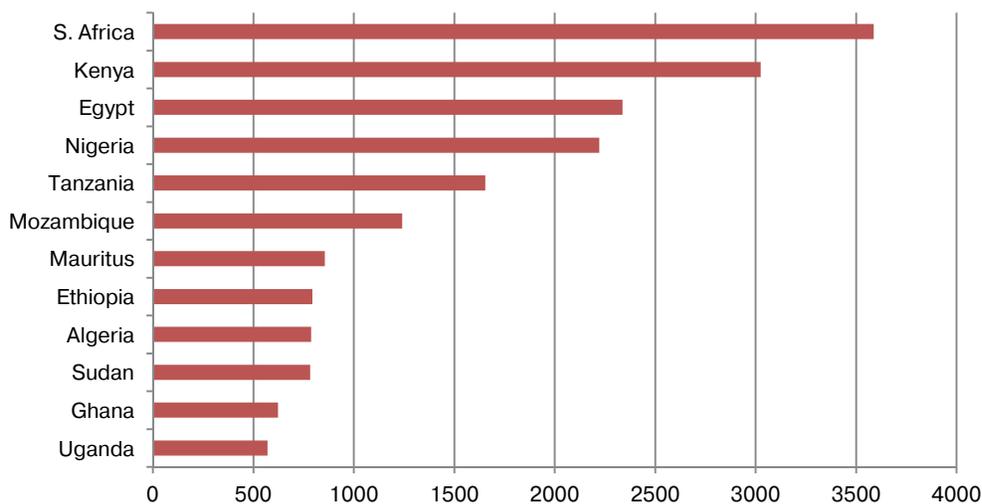
Top 5 African countries-recipient of Indian FDI in 2000—2016

Country	Percentage of outward FDI	(in \$ mln)
Mauritius	99.2	95.909,73
South Africa	0.38	372,19
Morocco	0.14	138,00
Liberia	0.015	14,56
Nigeria	0.013	13,23

Source: Fact sheet on foreign direct investment (FDI)⁶.

Fig. 3. Trade volume between India and Africa (55) in 2000—2015 (\$ mln)

Source: Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce⁷.

Fig. 4. Geographical structure of India's exports to Africa in 2015 (\$ mln)

Source: Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce⁸.

⁶ Fact sheet on foreign direct investment (FDI). URL: http://dipp.nic.in/English/Publications/FDI_Statistics/2016/FDI_FactSheet_JanuaryFebruaryMarch2016.pdf (accessed: 15.11.2016).

⁷ Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/Default.asp> (accessed: 15.11.2016).

⁸ Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/Default.asp> (accessed: 15.11.2016).

South Africa remains the leading destination for India's exports to Africa in 2014—2015. Other major export destinations include Kenya, Egypt, Nigeria, Tanzania, Mozambique and Mauritius (fig. 4). Important items of export include transport equipment, machinery and instruments, pharmaceuticals, non-basmati rice, cotton yarn fabrics, semi-finished iron and steel.

In the case of India's imports from Africa, around 51 % of them were sourced from Nigeria in 2014—2015. South Africa is the second largest source of import followed by Angola, Egypt, Ghana and Tanzania. While petroleum crude accounted for a significant 67 % of India's total imports from Africa during 2014—2015, other major items imported from Africa include gold, inorganic chemicals, metal ores and metal scrap and cashew nuts [Beri Strengthening Ties... 2016].

India's economic cooperation with Africa is undertaken through its contribution to NEPAD and through several bilateral and other projects and programmes. Initiatives such as the Techno-Economic Approach for Africa-India Movement (TEAM-9) and cooperation with the African Union and the Southern African Development Community and others are in addition to the several bilateral cooperation efforts between India and Africa that cover, inter alia, infrastructure, including railways; food processing; information and communication technology; pharmaceuticals; and small and medium-sized enterprises. Indian companies, while contributing to economic growth, are encouraged to use the mechanism of joint ventures and employ African managerial and labor talent [Malone 2009].

Since the inception of the Indian Technical and Economic Cooperation (ITEC) programme in 1964, capacity-building and human resource development in Africa have been areas of high priority for the Government of India. The ITEC programme has benefited thousands of experts and students from Africa who have come for training courses in professional institutions in India. Those courses cover diverse fields such as agriculture and agro-processing, entrepreneurship development, tool design, small-business creation, the promotion of rural industries and information technology⁶.

Since the India Africa Forum Summit in 2011, a total of 25,000 scholarships have been utilized to Africans. Under several programmes operated by the Government of India such as the ITEC, ICCR, CV Raman Scientific Fellowships, Special Agricultural Scholarships, Short-term specialized Training programmes, and distance learning through Pan Africa e-network are provided to Africans. These include more than 300 training programmes conducted at over 60 institutions in addition to the higher education scholarships at various universities⁷.

The Pan-African e-Network Project is a shining example of the India-Africa partnership. India has gifted a satellite dedicated to e-connectivity in sub-Saharan Africa to help bridge the digital divide. The Project is fully financed by the Government of India and was launched from Addis Ababa, with a satellite hub in Dakar. It links major univer-

⁶ About ITEC. URL: <http://itec.mea.gov.in/?1320?000> (accessed: 15.11.2016).

⁷ Africa-India: facts and figures. United Nations Economic Commission for Africa and Confederation of Indian Industry. Addis Ababa, Ethiopia, 2015. P. 6.

sities in different regions of Africa with major Indian universities and centers of excellence in India, and also links major hospitals in Africa with super-specialty hospitals in India. Thirty countries have already joined the Project to provide quality tele-education and tele-medicine¹¹.

PHARMACEUTICS AND HEALTH SECURITY

The major sphere of the Indo-African relations is cooperation in manufacture and distribution of Indian pharmaceutical production in the African countries. The importance of this question taking into account AIDS pandemic in the African countries, distributions to them of a malaria and many other illnesses, different a high death rate, deep social and demographic consequences, cannot be underestimated.

Nigeria became the first African country which has begun wide import of the Indian preparations, developed by companies Cipla and Ranbaxy, then Zambia and Kenya have joined it. According to the available data the Indian company Cipla delivers anti-virus preparations from AIDS to every third sick of this illness in Africa.

Now a considerable quantity of joint enterprises on release of a wide spectrum of pharmacological production is created. The first agreements on creation of the such enterprises have been signed between India, Southern Africa and Kenya in 2000 and became result of the four-day India-Africa summit organised by the Indian authorities, devoted to questions of public health services, in which representatives of 16 African states and the largest Indian medical companies have taken part [Usov 2010; 2016].

In the current AIDS and malaria crisis, India provided immediate financial assistance to three of the affected countries — Sierra Leone, Liberia and the Republic of Guinea — and offered \$500,000 to the WHO to scale up its efforts. Subsequently, India has followed this up with a contribution of \$10 million to the Secretary-General's Ebola Response Multi-Partner Trust Fund and an additional \$2 million for the purchase of protective gear to tackle Ebola [Beri 3rd India Africa... 2015].

PROBLEMS AND FACTORS

The main problem of trade and humanitarian cooperation of India with the African countries there is a weak development of relations with the countries of Northern and Western Africa. The given specificity is caused both geographical and historical features of relations of India and Africa. Other important problem is the discrimination and racism, especially in those countries where lives a considerable quantity of Indians. However, and in India there is a similar problem. There are at least 40,000 Africans in India. An issue many of them face from the local population is racism, due to their darker complexion, with such slurs as *kalu* “blackie”. In recent years, there have been questions on human rights of Africans in India due to the murders of young African nationals¹².

Negative influence on the Indo-African relations exerts also instability of political systems of many African countries, especially in Libya, Tunis, Somalia, Sudan and Angola.

¹¹ Pan African e-Network Project (PAENP). URL: [https://www.mea.gov.in/Portal/ Foreign Relation/Pan_African_e_docx_for_xp.pdf](https://www.mea.gov.in/Portal/Foreign_Relation/Pan_African_e_docx_for_xp.pdf) (accessed: 15.11.2016).

¹² Africa—India relations. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Africa-India_relations (accessed: 15.11.2016).

After the outbreak of civil war in Somalia in 1991, the Indian Embassy in Mogadishu was closed. 4,600 Indian peacekeepers, led by Brigadier M.P. Bhagat, participated in UNOSOM II during 1993—1994. At present, over 8,000 Indian peacekeepers are deployed in Africa, including a 5,000-strong contingent in the Democratic Republic of the Congo. India's first full all-female formed police unit is currently deployed in Liberia¹⁰.

Prior to the uprising in Libya the number of Indians engaged in Libya was estimated to be around 18,000. The Indian professionals were mainly engaged in hospitals and other teaching institutions whereas major part of manpower was engaged in the construction projects. During the course of revolution most of them were evacuated to India at Government of India cost in February/March 2011. Gradually more Indians returned to Libya, and in early 2014 there were about 6000 Indians¹¹.

Other important factor in the Indo-African relations is the policy of China. Rough economic growth of two Asian countries which do not have considerable stocks of liquid hydrocarbons, has led to their present race behind the African resources, first of all oil. The special attention of China and India have involved the African oil-producing countries, in particular Sudan and Angola rich with natural resources. Specificity of these states, in difference for example from Nigeria or Equatorial Guinea, in which Chinese and Indians operate not less actively, consists first of all — that in these states oil deposits are badly developed. Secondly, in these countries the large western oil companies which do not have possibilities are not presented almost, especially it concerns Sudan, to do in these countries business because of political restrictions and necessity to take into consideration public opinion.

By this time China gets about third of all oil extracted in Africa. Positions of Chinese in Sudan where they not only extract oil are especially strong, but also develop an infrastructure necessary for its extraction and transportation, invest in building of the railways, ports and terminals. One more feature of the Chinese policy in relations with Africa is granting of the economic help by China to the African states in the form of loans, credits on favorable terms, large-scale investments without political and economic conditions [Usov 2010].

Hereby, the African countries gain today all big importance for India. Rapid economic development of the African countries and increase in a standard of living of the population turn the continent into a perspective sales market of the Indian goods and services. Besides, India actively develops humanitarian projects and renders the financial help to many African countries. However, India faces set of problems and factors — geographical remoteness, the discrimination and racism, instability of political systems of many African countries and the African policy of China.

The active economic policy of China on the African continent has compelled India to develop cooperation with the countries of Africa more actively. In recent years India in a trace beyond China tries to make active and modernise the economic and humanitarian policy in Africa. Struggle for commodity markets of the goods and services in Africa, that makes Africa by strategic region not only in the Indo-Chinese relations, but in foreign policy of India as a whole.

¹⁰ India-Somalia Relations. URL: <http://www.hcinairobi.co.ke/pages.php?id=37> (accessed: 15.11.2016).

¹¹ India and Libya Relations. URL: <http://indianembassylibya.in/eoi.php?id=IndiaL> (accessed: 15.11.2016).

REFERENCES

- Beri, R. (2015). *3rd India Africa Forum Summit: Rejuvenating Relations*. URL: http://www.idsa.in/idsacomments/3rd-india-africa-forum-summit_rberi_291015 (accessed: 15.11.2016).
- Beri, R. (2016). *India-Africa Security Engagement*. Institute for Defence Studies and Analyses, New Delhi.
- Beri, R. (2016). *Strengthening Ties with Africa*. URL: http://www.idsa.in/idsacomments/strengthening-ties-with-africa_rberi_050716 (accessed: 15.11.2016).
- Dubey, A., Biswas, A. (2016). *Introduction: A Long-Standing Relationship // India and Africa partnership: a vision for a new future*. London, pp. 15—16.
- Lunev, S.I. (1993). *Diplomatiya v Yujnoy Azii* [Diplomacy in Southern Asia]. Moscow.
- Lunev, S.I. (2006). *India. Politicheskoe razvitiye i vneshniya politika* [India. Political development and foreign policy]. Moscow.
- Malone, M., Chaturvedy, R. (2009). Impact of India's Economy on its Foreign Policy since Independence // *Asia pacific foundation of Canada. Research report*, p. 14.
- Ndiaye, A. (2013). *India's investment in Africa: Feeding up an ambitious elephant* / <http://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/india's-investment-in-africa-feeding-up-an-ambitious-elephant> (accessed: 15.11.2016).
- Ray, N. (2015). Third India-Africa Forum Summit: Priorities, Proposals and Prospects. *ICWA Issue Brief*. November, pp. 7—8.
- Singh, A. (2013). *Reenergising India-Africa Maritime Relations* / http://www.idsa.in/idsacomments/reenergising-india-africa-maritime-relations_asingh_2810158 (accessed: 15.11.2016).
- Usov, V.A. (2010). *India i Afrika na rubeje tisyacheletiy. Proshloe, nastoyashee, budushee*. [India and Africa on a boundary of millennia. The past, present, future.]. Moscow.
- Usov V.A. (2016). African policy of Delhi and Indian community in Africa: current status. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(2), pp. 43—52.

Received: 16.10.2016

For citations: Suleymanov, A.V. (2016). India—Africa: trade, investments and humanitarian projects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 654—664.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-654-664

ИНДИЯ—АФРИКА: ТОРГОВЛЯ, ИНВЕСТИЦИИ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОЕКТЫ

А.В. Сулейманов

Нижегородский институт управления РАНХИГС, Нижний Новгород, Россия

Активный рост товарооборота между Индией и Африкой, который увеличился в 20 раз с начала XXI в. и в 70 раз с 1991 г., безусловно, актуализирует вопрос об особенностях современных индо-африканских отношений. В этой связи целью статьи является рассмотрение особенностей политики Индии по отношению к африканским странам. Автор делает краткий исторический обзор индо-африканских связей, а также рассматривает ключевые сферы реализации современной региональной стратегии Индии на африканском континенте — инвестиции, внешнюю торговлю и гуманитарные проекты.

Основными методами исследования являются сравнительно-исторический подход и статистический анализ, использующиеся для выявления положительной или отрицательной динамики развития индо-африканского сотрудничества.

В настоящее время африканский регион приобретает для Индии стратегическое значение. Бурное экономическое развитие африканских стран и увеличение уровня жизни населения превращают континент в перспективный рынок сбыта индийских товаров и услуг. Однако индийское государство сталкивается сегодня с рядом проблем и факторов — географической удаленностью, дискриминацией и расизмом, нестабильностью политических систем ряда африканских стран, а также активной экономической политикой Китая на континенте.

Ключевые слова: Индия, Африка, Китай, индо-африканские отношения, торговля, инвестиции, гуманитарные проекты.

Дата поступления статьи: 16.10.2016

Для цитирования: *Suleymanov A.V. India—Africa: Trade, Investments and Humanitarian Projects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 4. С. 654—664.

© Suleymanov A.V., 2016

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-665-676

ПОТЕНЦИАЛ ИРАНА В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Джаббари Насир Хасан

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Исламская Республика Иран занимает важную геополитическую, геостратегическую и геоэкономическую территорию на Ближнем и Среднем Востоке. С учетом активизации в регионе террористических групп, распространения этой угрозы по всему миру из данного региона Иран посредством антитеррористической деятельности, используя свой потенциал и опыт борьбы с терроризмом, может серьезно упрочить свои позиции в мировой политике.

В настоящей статье анализируются факторы, формирующие антитеррористический потенциал Ирана и его влияние на место этой страны в современной мировой политике. Автор рассматривает правовые основы деятельности Ирана по борьбе с терроризмом, разбирает основные направления и форматы сотрудничества Ирана в борьбе с международным терроризмом на современном этапе.

Автор выражает мнение, что активная и успешная борьба Исламской Республики Иран с международным терроризмом способствует снижению издержек других государств в этом деле, подрыву потенциала террористических групп и ограничению их распространения. Этот фактор приведет и к упрочению позиции Ирана в системе международных отношений, к качественно новой роли и переосмыслению места Исламской республики в мировой политике.

Ключевые слова: терроризм, идеология экстремизма, борьба с терроризмом, Иран в мировой политике, Иран в современных международных отношениях, геополитика.

Географическое местоположение Ирана в регионе Ближнего Востока — крайне чувствительном геополитическом пространстве по соседству с нестабильными государствами по периметру его границ, с одной стороны, и активизация на этих территориях фундаменталистских и экстремистских группировок с глобальными амбициями, основывающих свою идеологию на джихадистско-такфиристском понимании ислама — с другой, ставят Иран в центр международной антитеррористической деятельности [Rhodes 2014: 27].

На статус Ирана в мировой политике влияют разные факторы геополитического, геостратегического и геоэкономического характера. Одним из таких факторов является транзитный потенциал страны. Через ее территорию проходят пути,

значительно уменьшающие расстояния от Европы до Южной и Восточной Азии, до Африки и Центральной Азии. В свете повышения угрозы терроризма на глобальном уровне повышаются и роль Ирана в мировой политике, его значение для борьбы с международным терроризмом.

Автор настоящей статьи исследует, как потенциал и политика Ирана в борьбе с терроризмом влияют на место этой страны в системе международных отношений и в мировой политике.

Роль Ирана в борьбе с терроризмом в регионе является важным фактором для региональной и глобальной безопасности. Она уменьшает расходы других государств на борьбу с терроризмом, так как активная вовлеченность Ирана в борьбу с терроризмом в регионе подрывает потенциал джихадистов и ограничивает их экспансионистскую политику. Такая политика Ирана также может оказать благотворное влияние на конструктивное сотрудничество между Ираном и другими странами, будет способствовать упрочению позиций страны в мировой политике.

Однако такие шаги Ирана в мировой политике и его стремление повысить свою роль в регионе на современном этапе часто встречают сопротивление других государств, особенно США и его союзников в регионе. Соответственно, определенный потенциал Ирана оказывается задействованным на нейтрализацию тех преград, которые ему ставят вышеназванные игроки. Это относится к вопросу о санкциях против Ирана, к постоянным обвинениям в пособничестве терроризму, к стремлениям дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране [Hass 2006: 38—57].

МЕСТО ИРАНА В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Исламская Республика Иран является региональной державой с глобальными возможностями. Страна располагает геополитическим, энергетическим и культурно-идеологическим потенциалом, что позволяет ей быть влиятельным игроком в системе современных международных отношений и мировой политики [Изади 2011: 47]. Расположение Ирана в регионе, через который проходят соединительные пути Европы с Южной, Юго-Восточной Азией и Африкой, имеющем большой транзитный потенциал, делает Иран важнейшим политико-экономическим игроком региона [Пурмехрани 2010: 40]. Место Ирана также определяется региональным контекстом: страна соседствует с такими великими державами, как Россия и странами Персидского залива — жизненно важным регионом для интересов США. Расположение в таком регионе, где соприкасаются интересы великих держав, естественно, повышает значение Ирана и дает возможность для повышения своего статуса, упрочения своих позиций [Ибрахими 2005: 132—133].

В исследовании, которое было проведено иранскими специалистами, изучающими геополитическое положение разных стран, Иран по степени важности геополитического расположения получил 10-е место в мире и 2-е в Азии. В регионе Ближнего и Среднего Востока ему было присвоено 1-е место. Ключевыми критериями для исследователей в определении геополитической важности Ирана

выступают территория, фактор доступа к морям, водные ресурсы, продовольственная безопасность, транспортная инфраструктура, полезные ископаемые, число морских портов и аэропортов, запасы нефти и газа и т.д. [Хафезния 2007: 88—95]. Вышеназванные факторы геополитического и геоэкономического положения Ирана определяют его потенциал и возможности в мировой политике.

С другой стороны, соседство Ирана с очагами нестабильности (такими государствами, как Ирак, Сирия, Йемен, Афганистан) и близость к зоне активной деятельности транснациональных террористических групп вынуждают Иран находиться в авангарде международной антитеррористической деятельности.

С точки зрения экономики крупные мировые торговые пути проходят через территорию или непосредственно находятся у границ Ирана. Географически страна имеет обширные морские и сухопутные границы, располагая широким выходом к геостратегически важным Персидскому и Оманскому заливам, что делает ее ключевым игроком в обеспечении безопасности поставок энергоресурсов из региона, влиятельным актором в глобальной экономике и мировой политике [Абдуллах Хани 2005: 23].

С точки зрения культуры Иран является важным центром восточной цивилизации. Эта страна, как до ислама, так и после его распространения, считалась влиятельным игроком в международных отношениях. Персидский язык распространялся и в период до прихода ислама, а с принятием данной религии Иран (Персия) стал важным культурно-политическим центром мусульманского мира и его цивилизации [Иманипур 2007: 11—12]. После победы Исламской революции в 1979 г. идеологическое влияние Ирана ощущалось от Западной Африки до Ближнего Востока и Центральной Азии [Esposito 1990].

С учетом вышеназванных критериев (геополитика, геоэкономика, культурно-идеологический аспект), Иран может играть конструктивную роль в международных отношениях и мировой политике. Однако этот потенциал станет серьезным усилителем иранской позиции в современной политике, если Исламская республика будет встречать меньше сопротивления и барьеров со стороны ведущих мировых держав.

ПОЛИТИКА И КОНСТРУКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИРАНА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Несмотря на влияние идеалов Исламской революции на внешнюю политику и ее идеологизированность, приводящие к разногласиям с некоторыми ведущими державами, особенно с США и некоторыми государствами Персидского залива, Иран в проведении внешней политики и построении конструктивного взаимодействия руководствуется стратегией «Иран-2025». Этот прагматичный документ, принятый в 2005 г., стал главным стратегическим планом развития Ирана по всем направлениям. По вопросам стратегического развития внешней политики в стратегии акцент делается на «развитие конструктивного и позитивного влияния» Ирана на систему международных отношений и мировую политику. Планируется развитие и улучшение стратегических отношений с арабскими государствами и меж-

дународным сообществом в целом. Документ, рассчитанный на 20-летний период, в основном направлен на развитие международных связей Ирана, на повышение его конструктивного и активного потенциала в мировой политике [Дехгани Файрузабади 2008: 136].

Однако, несмотря на концептуализацию вышеназванным документом целей международного развития Ирана на ближайшие годы, некоторые иранские исследователи уверены, что для успешного достижения поставленных в нем целей касательно места Ирана в мировой политике, стране необходимо следующее:

- 1) создание положительного, привлекательного имиджа Ирана,
- 2) проявление гибкости в решении международных вопросов,
- 3) установление доверительных и предсказуемых взаимоотношений,
- 4) отказ от масштабных политических акций во внешней политике,
- 5) стремление к повышению структурообразующей роли в регионе,
- 6) создание профессионального дипломатического аппарата [Ваези 2008: 70].

С учетом вышесказанного относительно потенциала Ирана в мировой политике, подчеркнем, что этот потенциал определяет и роль Ирана в борьбе с терроризмом в регионе, который считается главным очагом этого опасного феномена.

ПОЛИТИКА И ВОЗМОЖНОСТИ ИРАНА В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Без преувеличения самым актуальным вызовом для безопасности является терроризм и борьба с ним. Терроризм бросает вызов не только международной безопасности, но и основам политической системы мира, стремясь к альтернативному мироустройству [Lebedeva 2006]. Основным очагом террористов сегодня является Ближневосточный регион, геополитическое и геостратегическое расположение которого привлекает внимание ведущих держав и является местом сосредоточения их интересов. Этот регион может нарушить баланс сил, как в пользу великих держав, так и в ущерб их интересам [Рахимпур 2002]. Расположение Ирана в Ближневосточном регионе, откуда по всему миру сегодня распространяется терроризм, является еще одним фактором повышения роли Ирана в мировой политике. В этом контексте упрочению потенциала Ирана способствуют следующие факторы.

1. Фактор ислама в политической системе Ирана.

Исламские нормы шиитского течения определяют сущность политической системы Ирана. Как этот фактор дает Ирану преимущество в борьбе с терроризмом и как повышает его потенциал в этом направлении в мировой политике?

В исламском праве не существует понятия «терроризм», однако исламские учения категорически выступают против любого вида насилия, если оно не вызвано необходимостью самозащиты, обороны отчизны и веры от иноверцев в случае агрессии с их стороны, наказания за преступления.

Современные террористы основывают свою идеологию на особой и политизированной интерпретации исламских норм. Салафиты-такфиристы считают времена Пророка самым «чистым» во всех отношениях в исламской истории [Рен-

шон 1999: 400]. Согласно им, мусульмане отделились от пути ислама и для создания настоящего исламского государства необходимо, чтобы все мусульмане придерживались тех принципов и норм, которым следовала мусульманская община времен Пророка. Такие фундаменталистские группировки, как «Аль-Каида» и ИГИЛ (запрещены в России) уже превратили свой религиозный и теоретический подход в агрессивную международную идеологию, отвергающую как мусульман, так и немусульман [Назаров 2015: 11]. Важнейший лозунг сторонников салафитской идеологии проявляется в понятии «шариат или шахадат» [Реншон 1999: 400]. Названная идеология считает наступательный джихад даже важнее, чем намаз, пост и хадж. Ее приверженцы уверены, что мусульманин, практически или теоретически не занимающийся джихадом, не понимает настоящего ислама и молодые мусульмане не должны ждать разрешения для джихада; джихад против вероотступников является обязательным [Атран 2006: 139].

Салафитско-такфиристское понимание ислама противоречит шиитской политической мысли и идеологии Исламской республики, т.е., главным принципам политической системы Ирана и принципам деятельности этой страны на международной арене. Такой расклад может усилить позиции Ирана, повысить его авторитет в мировой политике, а также способен сформировать его «мягкую силу», ставя его в авангард борьбы с международным терроризмом еще и как защитника традиционных ценностей религии ислам.

2. Основные правовые рамки, определяющие политику Ирана в борьбе с терроризмом на международной арене.

Иран в борьбе терроризмом имеет солидный опыт. Правовые элементы и практические действия, которые определяют антитеррористическую политику Ирана на национальном и международном уровнях состоят из комплекса правовых актов и международных соглашений, определяющих принципы, формы борьбы с терроризмом. Они определяют международную антитеррористическую политику Ирана.

К некоторым международным антитеррористическим соглашениям и конвенциям Иран не присоединяется по разным причинам. В основном это происходит из-за позиции США и их союзников, которые до сих пор считают Иран пособником террористов на Ближнем Востоке¹. Однако в рамках внутреннего законодательства в Иране принимаются аналогичные законы, которые направлены на борьбу с терроризмом. Из международных и национальных шагов Ирана в этом направлении следует упомянуть следующие.

1. Присоединение в 2008 г. к конвенции Организации исламского сотрудничества (ОИС) по борьбе с международным терроризмом 1999 г.

Названная конвенция занимает особое место в определении политики мусульманских стран в отношении феномена терроризм и по сегодняшний день остается самым комплексным документом ОИС в этой области². После ее ратификации

¹ Country Reports on Terrorism 2015. US Department of State. URL: <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2015/index.htm> (дата доступа: 15.09.2016).

² Конвенция состоит из введения, 4 частей и 42 статей.

парламентами необходимого для этого числа государств-членов в 2002 г. эта конвенция приобрела юридически обязывающую силу³.

Конвенция отвергает все формы насилия, призывает к защите прав человека⁴ и обязывает государств-участников признать 12 конвенций по борьбе с международным терроризмом, принятых в рамках ООН⁵.

Присоединение Ирана к этому важному международному документу, с одной стороны, повышает его статус как определяющего документа, с другой стороны, усиливает позиции самого Ирана как активного участника антитеррористической деятельности, основанной на международно-признанной политико-правовой платформе.

2. Закон о борьбе с финансированием терроризма.

Одной из форм борьбы с терроризмом является борьба с источниками его финансового обеспечения. В 2006 г. Иран принял закон о борьбе с отмыванием денег, в котором подчеркивается, что отмывание денег является важной частью финансирования терроризма. Закон вводит жесткий контроль и ограничение денежных средств, чтобы не допускать использования террористами этого источника дохода [Шабестани 2014: 181]. Он призывает к сотрудничеству с международными институтами, занимающимися противодействием финансированию терроризма. В этом направлении Иран активно сотрудничает с группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма.

После принятия вышеназванного закона еще одним важным шагом в контексте выполнения его положений стало принятие нового закона о борьбе с финансированием терроризма в 2015 г. По сути эти два документа являются отражением двух документов ООН: Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. и Резолюции 1373 СБ ООН о борьбе с международным терроризмом от 28 сентября 2001 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И ФОРМАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Сетевой транснациональный характер деятельности террористов, возрастающее использование террористами киберпространства требует от международного сообщества координированных действий и сплоченности. Иран, несмотря на то, что до сих пор США и его региональными союзниками обвиняется в спонсировании террористов, всегда активно боролся с террористическими группировками.

³ “Speech of H.E. Professor Ekmeleddin Ihsanoglu, The Secretary-General of the OIC”. At the international conference on combating terrorism. Riyadh. The Kingdom of Saudi Arabia. 5—8 February 2005. URL: <http://www.oic-oci.org/speeches/?lan=en> (дата доступа: 02.08.2016).

⁴ Конвенция ОИК по борьбе с международным терроризмом. Двадцать шестая сессия Исламской конференции министров иностранных дел. Июль 1999 года. URL: <http://constitutions.ru/?p=527> (дата доступа: 07.07.2016).

⁵ Конвенции и соглашения ООН. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml (дата доступа: 22.08.2016).

Иран очень часто с международных трибун призывает к решительной борьбе с терроризмом. Например, с инициативой о подписании международного документа, в котором говорилось бы о необходимости борьбы с терроризмом, в 2015 г. выступил президент Ирана Хасан Рухани во время своего выступления на 70-й сессии Генассамблеи ООН⁶.

Появление такого опасного террористического квазигосударства, как ИГИЛ в непосредственной близости иранских границ, стало серьезным вызовом его безопасности. Этот вызов не подвергает опасности сущность сложившегося в Иране политического строя, но он может создать риски для политического влияния Ирана и усложнить его ситуацию в плане безопасности [Кулагина, Ахмедов 2015: 8—15]. Этот факт ставит Иран в авангард международного сообщества по борьбе с терроризмом в регионе. Иран сотрудничает с Ираком и оказывает значительную помощь сирийским правительственным войскам в борьбе с террористами. До начала бомбардировок ВКС России позиций ИГИЛ, как считают иранцы, именно помощь Ирана спасала армию Башара Асада от катастрофических поражений⁷. Некоторые российские эксперты тоже убеждены, что без Ирана не удастся решить сирийский кризис⁸.

Международное сотрудничество Ирана в борьбе с терроризмом сегодня формируется небольшим списком государств. Активнее всего Иран сотрудничает с Сирией, Ираком и Россией. В сентябре 2015 г. эти страны создали информационный центр в Багдаде для координации действий против террористов и сбора информации об обстановке в регионе. А разрешение на использование ВКС России аэродрома Хамадан для нанесения ударов по позициям террористов в Сирии в августе 2016 г. говорит о серьезности Ирана в борьбе с терроризмом, о его решимости нанести окончательное поражение террористам. Благодаря сотрудничеству с Россией и военными Ирака и Сирии потенциал ИГИЛ в Сирии серьезно подорван. Однако окончательному поражению этой группировки мешает отсутствие понимания между вовлеченными в сирийское урегулирование игроками.

В борьбе с международным терроризмом Иран пытается использовать и форматы международных организаций. Одним из таких институтов является Организация исламского сотрудничества. Однако внутренние разногласия, политические амбиции стран — участниц организации мешают ее сплоченности и выработке общей согласованной позиции по важным международным вопросам [Сулейманов 2010: 29—35]. Инициативы Ирана не всегда находят поддержку. К примеру,

⁶ Full text of Rouhani's 2015 address to the UN General Assembly. URL: <http://www.timesofisrael.com/full-text-of-rouhanis-2015-address-to-the-un-general-assembly> (дата доступа: 13.09.2016).

⁷ Иран продолжит помогать Сирии и Ираку в борьбе с терроризмом. URL: <https://rg.ru/2016/05/30/iran-prodolzhit-pomogat-sirii-i-iraku-v-borbe-s-terrorizmom.html> (дата доступа: 15.09.2016).

⁸ Дегтярева Н. Сергей Дружиловский: Без Ирана сирийская проблема решена не будет. «Международная жизнь». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/10565> (дата доступа: 12.09.2016).

во время 13-го саммита ОИС в Турции в апреле 2016 г. иранский президент представил мусульманскому миру план единства и серьезной борьбы против терроризма⁹. Однако он не был воспринят всерьез, а Иран даже подвергся критике за вмешательство в дела соседних стран — фактически за борьбу с террористами в Сирии и Ираке¹⁰.

Антитеррористические аспекты наблюдаются и во взаимодействии Ирана с ОДКБ и ШОС. Нынешний статус Ирана на уровне наблюдателя в ШОС не препятствует развитию сотрудничества с ней в борьбе с терроризмом. На фоне активизации ИГИЛ в Афганистане Иран начал сотрудничать с главным органом ШОС, который занимается борьбой с терроризмом — РАТС¹¹.

Сотрудничает Иран и с ОДКБ. Если раньше это сотрудничество ограничивалось совместными антинаркотическими операциями под эгидой ОДКБ, то с усилением транснациональной террористической угрозы страны взаимодействуют в борьбе против распространения опасной экстремистской идеологии, с каналами вербовки террористов и маршрутами передвижения боевиков. В 2015 г. Иран совместно с ОДКБ и Китаем договорились о выработке совместных согласованных подходов в этом направлении¹².

На фоне тех зверств и ужасных терактов, которые совершают террористы от имени ислама, в мусульманском мире, страны, прямо или косвенно их поддерживающие, вызывают отторжение. Самые жесткие осуждающие слова в адрес экстремистских группировок постоянно звучат из Тегерана, который обычно не делит террористов на умеренных и радикалов. Такфиристская идеология, которую Иран считает главной угрозой для единства мусульман, является вызовом не только для шиитского толка, но и для других ветвей суннизма и этот факт в последнее время объединяет против террористов шиитских и суннитских богословов. В этом деле у Ирана значительная заслуга, что может обеспечить ему определенную «мягкую силу», которая в комбинации с его военными антитеррористическими успехами в Сирии и Ираке заметно повысит авторитет и упрочит его позиции в мировой политике.

Находясь в сложном геополитическом регионе, окруженный нестабильными государствами, в которых свирепствуют террористические группировки, и откуда это опасное явление распространяется по всему миру, Иран оказывается

⁹ Иран представил мусульманскому миру план единства и серьезной борьбы против терроризма. URL: <http://www3.irna.ir/ru/News/3064953> (дата доступа: 27.08.2016).

¹⁰ Final Communique of the 13th Islamic Summit Conference (Unity and Solidarity for Justice and Peace) Istanbul, Republic of Turkey, 14—15 April 2016. URL: http://www.oic-oci.org/oicv3/upload/conferences/is/13/en/13_is_final_com_en.pdf (дата доступа: 01.09.2016).

¹¹ Мнение: членство Ирана в ШОС — лишь вопрос времени. URL: https://ria.ru/radio_brief/20160226/1380918568.html (дата доступа: 17.09.2016).

¹² О совещании заместителей секретарей советов безопасности государств — членов ОДКБ по вопросам международной и региональной безопасности. Официальный сайт ОДКБ. URL: http://odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=5614&SECTION_ID=91&sphrase_id=18737 (дата доступа: 15.09.2016).

в авангарде современной антитеррористической деятельности. Однако инициативы страны на международной арене не всегда находят поддержку. Это связано со сложностями в ее отношениях с Западом и некоторыми региональными державами, геополитическими конкурентами Ирана.

Несмотря на все вышесказанное, сегодня в регионе Иран превратился в одного из ключевых игроков в борьбе с терроризмом. Это стало возможным благодаря различным факторам, формирующим антитеррористический потенциал Ирана в мировой политике, и которые могут повлиять на место страны в системе современных международных отношений.

Во-первых, потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом формируется фактором географического расположения страны в регионе, где активны террористические группировки. Такое соседство требует больших ресурсов для обеспечения национальной безопасности и защиты государственных интересов в регионе. В этом контексте ключевым элементом также выступают экономические возможности и ресурсы Ирана, опыт его вооруженных сил. Важно и четкое стратегическое видение развития страны, что в Иране определено стратегией «Иран-2025».

Во-вторых, борьба Ирана с терроризмом имеет четкое правовое оформление. Она оформлена законами по борьбе с отмыванием денег и источниками финансирования терроризма, основанными на аналогичных документах ООН, и международными соглашениями, важнейшим из которых является Конвенция ОИС по борьбе с терроризмом.

И, в-третьих, в борьбе с терроризмом использования одних только силовых методов недостаточно. Возрастает фактор «мягкой силы». Являясь исламским государством, Иран может предложить противоядие такфиристской идеологии террористов в регионе, так как эти фундаменталистские элементы, опираясь на принципы ислама, своими актами дискредитировали себя; их идеология большинством мусульман признается деструктивной и антиисламской.

Касательно эффективности и успехов антитеррористической деятельности Ирана, следует отметить, что вовлеченность этого государства в борьбу с терроризмом на Ближнем Востоке, подрывая потенциал террористических групп и ограничивая их распространение за пределами региона, безусловно, снижает расходы других стран на борьбу с терроризмом. От позиции Ирана, находящегося в центре регионального очага нестабильности, оставаясь при этом стабильным государством, во многом зависит успех борьбы с терроризмом в регионе, предотвращение распространения этого опасного явления за его пределы.

Практическое воплощение антитеррористического потенциала Ирана может повлиять на установление конструктивного сотрудничества с другими государствами, на место и переосмысление роли Исламской Республики Иран в мировой политике. Однако не стоит забывать, что повышение статуса Исламской республики в мировой политике также может привести к ускорению геополитического соперничества не только в регионе, но и на глобальном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдуллах Хани А.* Международная безопасность: возможности и угрозы. Тегеран: Абраре моасер, 2005.
- Ваези М.* Стратегия конструктивного взаимодействия и принципы внешней политики Иран. Тегеран: Центр стратегических исследований, 2008.
- Дехгани Фирузабади С.* Концептуальная основа внешней политики Ирана. Тегеран: Азад университет, 2008.
- Ибрахими С.* Позиция Ирана на региональной и международной арене // Хукумате ислами. 2005. № 4. С. 132—133.
- Изади Дж.* Стратегия эффективного и конструктивного участия Ирана в международной системе // Рахнаме сиясатгозари. 2011. № 3. С. 47.
- Иманипур М.* Иран и регион. Теоретические и прагматические аспекты региональной политики // Роль и место Ирана в регионе: Коллективная монография / Отв. ред.: Н.М. Мамедова, М. Иманипур. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
- Каххудоу А., Саед Н.* Терроризм и борьба с ним. Тегеран: Маджмае солхе ислами, 2015.
- Кулагина Л., Ахмедов В.* Противостояние Ирана и ИГИЛ в Сирии и Ираке // Восточная аналитика. 2015. № 1. С. 8—15.
- Назаров В.* Глобальный экстремизм: угроза миру, региональной и международной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 3(4). С. 5—11.
- Пурмехрани М.* Геополитические проблемы Ирана на границах. Тегеран: Нуавар, 2010.
- Рахимпур А.* Геостратегические развитие событий в двадцать первом веке и региональная позиция Ирана // Итилаате сияси ва иктисади. 2002. № 183. С. 57—58.
- Ренион С.Е.* Политическая психология войны в Персидском заливе. Тегеран: МИД, 1999.
- Сулейманов А.* Саудовская Аравия, Иран, Турция и Пакистан: взаимоотношения в рамках ОИК // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2010. № 4. С. 29—35.
- Хафезния М., Заргани С.* Позиция Ирана в глобальной и региональной геополитике // Рахборде дифаи. 2007. № 18. С. 88—95.
- Шабестани А.* Борьба с терроризмом. Тегеран: Университет Имам Хуссейн, 2014.
- Esposito J.L.* The Iranian Revolution: Its Global Impact. Miami: Florida: International University Press, 1990.
- Lebedeva M.M.* The Terrorist Threat to the World Political System // Connections. The Quarterly Journal. 2006. 32 (03). P. 115—124.
- Hass R N.* The New Middle East // Foreign Affairs. 2006. 4(19). P. 38—57.
- Rhodes D.* Salafist — TakfiriJihadism: the Ideology of the Caucasus Emirate. Working paper // International Institute for Counter-Terrorism. 2014.
- Scott A.* The moral logic and growth of suicide terrorism // The Washington Quarterly. 2006. 29 (2). P. 127—147.

Дата поступления статьи: 25.09.2016

Для цитирования: Джаббари Насир Х. Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 665—676.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-665-676

IRAN'S POTENTIAL IN FIGHTING INTERNATIONAL TERRORISM

Hasan Jabbari Nasir

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Islamic Republic of Iran as a regional country with international capacities can be influential globally. The country's geopolitical, energetic, cultural and ideological dimensions construct a notable potential for it in the international system. Today, considering the outbreak of religious salafist-takfiri fundamentalism in the Middle East with subsequent outspread of extremism and terrorism across the globe stretching from Asia, Africa, and Europe to America, Iran with its mentioned potentials can enhance its position in world politics through curbing terrorism and firmly fighting against it.

In the present article the author analyzes the factors that construct Iran's anti-terrorist capacity and its influence on the place of this country in modern world politics. He introduces the legal basis of activities of Iran in fight against terrorism, strategic vision of this country in this area. The main directions and formats of contemporary Iran's counterterrorism cooperation is analyzed.

The author expresses an opinion that Iran's active and effective fight against international terrorism can reduce the expenses of counterterrorism measures in global scale and impair the potential of terrorist groups. This factor will also lead to the strengthening of Iran's position in the system of international relations, to transformation of its role and rethink of Islamic Republic's place in contemporary world politics.

Key words: terrorism, extremist ideology, counter-terrorism, Iran in world politics, Iran in contemporary international relations, geopolitics.

REFERENCES

- Abdullakh, Khani A. (2005). *Mezhdunarodnaya bezopasnost': vozmozhnosti i ugrozy*. Tegeran: Abrare moaser.
- Dekhgani, Firuzabadi S. (2008). *Kontseptual'naya osnova vneshnei politiki Irana*. Tegeran: Azad universitet.
- Esposito, J.L. (1990). *The Iranian Revolution: Its Global Impact*. Miami: Florida: International University Press.
- Hass, R.N. (2006). The New Middle East. *Foreign Affairs*, 4 (19), pp. 38—57.
- Khafezniya, M., Zargani, S. (2007). Pozitsiya Irana v global'noi i regional'noi geopolitike. *Rakhborde difai*, 18, pp. 88—95.
- Ibrakhimi, S. (2005). Pozitsiya Irana na regional'noi i mezhdunarodnoi arene. *Khukumate islami*, 4, pp. 132—133.
- Imanipur, M. (2007). Iran i region. Teoreticheskie i pragmaticheskie aspekty regional'noi politiki. [Iran and the region. Theoretical and pragmatical aspects of regional politics]. *Rol' i mesto Irana v regione*. Ed. N.M. Mamedova, M. Imanipur. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.
- Izadi, Dzh. (2011). Strategiya effektivnogo i konstruktivnogo uchastiya Irana v mezhdunarodnoi sisteme. *Rakhname siyosatgozari*, 3.
- Kadkhudoi, A., Saed, N. (2015). *Terrorizm i bor'ba s nim*. Tegeran: Madzhmae solkhe islami.
- Kulagina, L., Akhmedov, V. (2015). Protivostoyanie Irana i IGIL v Sirii i Irake [Iran and IGILs' standoff in Syria and Iraq]. *Vostochnaya analitika*, 1, pp. 8—15.

Lebedeva, M.M. (2006). The Terrorist Threat to the World Political System. *Connections. The Quarterly Journal*, 32 (03), pp. 115—124.

Nazarov, V. (2015). Global'nyi ekstremizm: ugroza miru, regional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti [Global extremism: a threat to regional and international security]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*, 3(4), pp. 5—11.

Purmekhrani, M. (2010). Geopoliticheskie problemy Irana na granitsakh. Tegeran: Nuavar.

Rakhimpur, A. (2002). Geostrategicheskie razvitie sobytii v dvadtsat' pervom veke i regional'naya pozitsiya Irana. *Itilaate siyasi va iktisadi*, 183, pp. 57—58.

Renshon, S.E. (1999). Politicheskaya psikhologiya voyny v Persidskom zalive. Tegeran: MID.

Rhodes, D. (2014). Salafist-Takfiri Jihadism: the Ideology of the Caucasus Emirate. Working paper. *International Institute for Counter-Terrorism*.

Scott, A. (2006). The Moral Logic and Growth of Suicide Terrorism. *The Washington Quarterly*, 29 (2), pp. 127—147.

Shabestani, A. (2014). *Bor'ba s terrorizmom*. Tegeran: Universitet Imam Khussein.

Suleimanov, A. (2010). Saudovskaya Araviya, Iran, Turtsiya i Pakistan: vzaimootnosheniya v ramkakh OIK [Saudi Arabia, Iran, Turkey and Pakistan: cooperation within OIC]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, pp. 29—35.

Vaezi, M. (2008). Strategiya konstruktivnogo vzaimodeistviya i printsipy vneshnei politiki Iran. Tegeran: Tsentr strategicheskikh issledovaniy.

Received: 25.09.2016

For citations: Jabbari Nasir H. (2016). Iran's potential in fighting international terrorism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 665—676.

© Джаббари Насир Хасан, 2016

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-677-687

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.А. Филин

Институт Африки РАН, Москва, Россия

Л.М. Раванди-Фадаи

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

А.Н. Бурова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Период после распада Советского Союза Россия и Иран пережили несколько достаточно резких поворотов в двусторонних отношениях. Периоды активного диалога сменялись продолжительными паузами, подписание многомиллиардных контрактов сменялось обвинением обеих сторон в невыполнении взятых на себя обязательств и обещаний. Геополитические интересы при этом преобладали над экономическими. В статье подробно разбирается роль иранского вопроса в российско-американских отношениях, как в рамках комиссии «Черномырдин—Гор», так и по иранской ядерной программе и поставкам системы С-300. Затрагивается вопрос правового определения статуса Каспийского моря.

Вместе с тем есть ряд объективных факторов, сближающих страны. Среди них необходимость борьбы с этническим сепаратизмом, а также шоковые экономические реформы, начатые практически одновременно в России и Иране в начале 1990-х гг. и приведшие к росту социальной напряженности. Обе страны заинтересованы в поддержании мира и стабильности на территории бывших советских республик Средней Азии, Кавказа и в Афганистане. В июле 2005 г. Иран получил статус наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

С возвращением на пост президента России в 2012 г. Владимира Путина наблюдается улучшение российско-иранских отношений. Намечился ряд положительных тенденций и в торгово-экономических связях, реализации совместных экономических проектов.

Ключевые слова: Иран, Россия, сотрудничество, договор, современная политика, разногласия.

Российско-иранские отношения на протяжении последних десятилетий прошли серьезное испытание чередой стремительных взлетов и столь же неожиданных падений. Первым и весьма серьезным тестом двусторонних связей на проч-

ность стала Исламская революция 1978—1979 гг., которая привела к значительному охлаждению взаимоотношений между Москвой и Тегераном. Причем эта ситуация определялась не только действиями иранских властей, провозгласивших лозунг о создании «ни восточной, ни западной, но исламской республики» (на шарги на гарби джомхори ислами) и начале «экспорта исламской революции», но и внешней политикой СССР, который в 1979 г. ввел войска в Афганистан и оказывал серьезную финансово-техническую поддержку Ираку во время его войны с Ираном в 1980—1988 гг.

Только незадолго до окончания ирано-иракской войны отношения между ИРИ и Советским Союзом начали улучшаться. Первые контакты по торгово-экономической линии состоялись еще в 1986—1988 гг. Затем Рухолла Хомейни направил М.С. Горбачеву знаменитое послание, в котором лидер иранского государства выражал надежду на дальнейшее сотрудничество двух стран. Кульминационным же моментом советско-иранского сотрудничества в 1980-х гг. стал визит спикера парламента ИРИ Али Хашеми-Рафсанджани в Москву в 1989 г., в ходе которого сторонами было подписано Долгосрочное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве (на 10 млрд долларов) [Karami 2010—2011: 164]. В этот, по сути, пакет соглашений входили программы долгосрочного торгово-экономического, научно-технического, культурного и спортивного сотрудничества, соглашения о поставках иранского природного газа в СССР и встречных поставках советского комплектного оборудования, машин, а также оказания услуг в строительстве промышленных и других народно-хозяйственных объектов в Иране, товарообороте и строительстве железной дороги Теджен — Серахс — Мешхед, сотрудничестве в области радио и телевидения, медицины, борьбы с саранчой и мн. др. [Арунова 2004: 178].

После распада СССР двусторонние отношения между Россией и Ираном начали приобретать значительно большую интенсивность, что выразилось в увеличении контактов между государственными деятелями двух стран и усилении взаимного экономического присутствия на территории двух государств. Однако, нужно отметить, что в этом раскладе геополитические интересы превалировали над экономическими. Лишившись большого количества территорий в результате распада Советского Союза, а, следовательно, и геополитического влияния, Россия нуждалась в союзниках, которые смогли бы нейтрализовать влияние ее противников по периметру новых границ. Таким союзником в какой-то степени стал Иран, который, даже находясь в международной изоляции, имел влияние на соседние страны. Конечно, в 1990-х гг. между государствами наблюдалось и определенное геополитическое соперничество, особенно остро проявлявшееся в Средней Азии, но оно не мешало взаимному сотрудничеству двух стран, особенно в связи с актуальностью внешних угроз. Иран, воспринимавший Советский Союз как страну, ранее потенциально угрожающую целостности его территории, перестал видеть эту опасность со стороны России, уже не проповедующей советскую атеистическую идеологию, обладающей более прагматичным, нежели чем СССР, подходом к выстраиванию внешнеполитического курса, не имеющей общей сухопутной границы с Ираном и весьма занятой собственными внутренними проблемами.

Однако, несмотря на произошедшее после распада СССР потепление в отношениях двух стран, за последние 22 года они развивались неравномерно. Происходило то сближение по некоторым вопросам, то расхождение (которое наблюдалось даже чаще). Показательный пример — протокол «Гора—Черномырдина», подписанный в 1995 г., по которому Россия обязалась к 2000 г. прекратить военно-техническое сотрудничество с Тегераном, или отказ России под нажимом США в 1998 г. поставлять в Иран исследовательский ядерный реактор [Трофимов 2003]. Иранский пример — отклонение Наблюдательным советом 21 июля 1999 г. соглашения о сотрудничестве иранских и российских правоохранительных органов, которое уже было ратифицировано межжлисом страны¹. В целом, на позиции сторон оказывали влияние как внешние (международные или региональные), так и внутренние факторы.

Важно отметить, что в 1990-х гг. страны столкнулись со многими одинаковыми проблемами. Среди них этнический сепаратизм, иногда заключавшийся в вооруженном сопротивлении центральной власти и направленных против нее террористических актах, а также шоковые экономические реформы, начатые практически одновременно в России и Иране в начале 1990-х гг. и приведшие к росту социальной напряженности. Это обстоятельство делало возможным взаимодействие двух стран в плане сдерживания указанных угроз. Например, ИРИ не только не поддерживал чеченских сепаратистов во время первой и второй антитеррористических кампаний на Северном Кавказе, но и старался смягчить позицию стран региона Ближнего и Среднего Востока по отношению к России. Важной вехой развития взаимоотношений в политической сфере стала позитивная роль Ирана в урегулировании межтаджикского конфликта [Арунова 2004: 178].

Одним из ключевых моментов развития российско-иранских отношений является официальный визит президента Ирана Сайеда Мохаммада Хатами в Москву в марте 2001 г. Во время встреч на высшем уровне был подписан *Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества* (вступил в силу 5 апреля 2002 г.), а также другие важные документы, расширяющие связи между двумя странами в политической, экономической, научно-технической, культурной и иных областях. В дальнейшем президент Ирана Мохаммад Хатами и президент России В.В. Путин провели еще три встречи: в рамках «Саммита тысячелетия» (Нью-Йорк, сентябрь 2000 г.), на Каспийском саммите в Туркменистане (23—24 апреля 2002 г.) и во время саммита Организации исламской конференции в Малайзии (16 октября 2003 г.) [Kozhanov 2012b: 2—5; Арунова 2004: 179].

Кризис, возникший вокруг ядерной программы Тегерана в 2002—2005 гг., сильно повлиял на российско-иранские отношения, что было связано с усилением критики России со стороны западных стран за продолжающееся сотрудничество с ИРИ. Более того, после победы на президентских выборах 2005 г. в Иране Махмуда Ахмадинежада диалог между Москвой и Тегераном претерпел изменения

¹ Казеев К. Наблюдательный совет отклонил законопроект // ИТАР-ТАСС. Р-08 СК956. 22.07.1999.

скорее в худшую, чем в лучшую сторону. За годы существования Российской Федерации ИРИ всегда была предметом торга между США и Россией. В этой связи можно привести пример упомянутого выше протокола «Гора—Черномырдина». Политика и риторика нового иранского президента вызывали все более возрастающую негативную реакцию на Западе, что порождало все новые попытки давления на Россию в плане ужесточения позиции по иранскому вопросу. В конце 2006 г. один из видных иранских политиков Сеид Шарияти так комментировал данную проблему: «У России на Ближнем Востоке нет возможности противостоять США, поэтому она должна иметь хорошие отношения с Ираном, чтобы объединиться против американцев. Сейчас Россия не может долго разыгрывать иранскую карту. Некоторые люди в Иране считают, что если Запад будет торговаться с Россией по поводу ИРИ, то Россия может изменить свое отношение к нашей стране. Мне кажется, так и будет, потому что отношения с США более важны для России, чем отношения с Ираном» [Филин 2001: 244].

Нужно отметить, что Россия достаточно долго блокировала попытки Соединенных Штатов и их союзников применить жесткие санкции в отношении Ирана. В то же время нельзя сказать, что Иран делал какие-то значимые встречные шаги по отношению к России в плане демонстрации своей готовности вести диалог с международным сообществом по ядерной проблеме. Так, в то время как Россия заверяла своих западных визави в отсутствии незаявленных элементов в исследовательской программе ИРИ, Тегеран скрытно вел работы над строительством объекта Фордоу. Неоднократно иранцами срывались уже практически достигнутые договоренности по международному обмену накопленного обогащенного урана в ИРИ. Возможно, эти обстоятельства в конечном итоге и сказались на том, что в 2010 г. Россия поддержала санкционную резолюцию Совета Безопасности ООН № 1929, а также отказалась поставлять Тегерану зенитно-ракетные комплексы С-300. Поскольку С-300, как вооружение оборонного назначения, формально не попадает под действие санкций, в международных СМИ не утихает дискуссия относительно причин отказа Москвы выполнить свои обязательства по ее доставке в Иран. Одна из версий гласит, что российское руководство приняло такое решение по личной просьбе премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, который пообещал в обмен на срыв договоренностей по комплексам С-300 прекратить поставки израильского вооружения в Грузию. В качестве альтернативного мнения среди исследователей бытует и точка зрения о том, что Россия и США заключили негласный договор, в соответствии с которым Вашингтон в обмен на отказ Москвы продавать Тегерану комплексы С-300 обещал не препятствовать вступлению РФ в ВТО.

Вместе с тем позиция России по вопросу санкционного давления на Иран может быть обусловлена и той выгодой, которую приносит существующая частичная экономическая и политическая изоляция ИРИ от внешнего мира. Как отмечают некоторые аналитики, при всем том негативном влиянии, которое оказывают на торгово-экономические отношения двух стран международные и односторонние санкции, с 2010 г. ИРИ была вынуждена покинуть практически все западные

компаний, которые могли представлять конкуренцию российскому бизнесу, чем последний отчасти попытался воспользоваться: среди российских компаний, активизировавших свою работу в ИРИ после 2010 г. называются холдинг «Силловые машины», компания «Камаз», группа «ГАЗ» и др. [Kozhanov 2012b: 230]. Немаловажна для Москвы и политическая сторона вопроса. Эскалация санкционного давления на Иран служит верным признаком того, что Вашингтон и Тегеран еще не скоро сядут за стол переговоров и наладят отношения. Это, в свою очередь, означает гарантированное наличие на Среднем Востоке по крайней мере одной силы, чей антиамериканский настрой при необходимости Москва может использовать в своих интересах [Kozhanov 2012a: 2—5].

Несмотря на весьма сложную ситуацию с российской позицией по санкциям в отношении Ирана, Москва и Тегеран к 2012 г. сохранили общность позиций по целому ряду региональных вопросов. В первую очередь, они оба заинтересованы в поддержании мира и стабильности на территории бывших советских республик Средней Азии, Кавказа и в Афганистане. Во время российско-грузинского вооруженного столкновения в августе 2008 г. Иран не стал открыто обвинять ни одну сторону, что дало России значимый козырь в объяснении своей позиции международному сообществу.

На этом фоне камнем преткновения в российско-иранских отношениях остается проблема определения правового статуса Каспийского моря. Так, если до начала 2000-х гг. Россия и Иран имели примерно одинаковую позицию по указанному вопросу, основывавшуюся на сохранении всех морских ресурсов в общей собственности прикаспийских государств, то затем Москва пересмотрела свой подход в пользу раздела Каспия по национальным секторам. В этом виде она уже не устраивала Иран. До сегодняшнего момента правовой статус Каспийского моря так и не был урегулирован, что накладывает определенный отпечаток на развитие российско-иранских отношений: необходимо помнить, что каспийская проблема не сводится исключительно к территориальным спорам, но включает в себя целый комплекс экономических и геополитических факторов². Среди них — добыча полезных ископаемых и биоресурсов, прокладка газо- и нефтепроводов, противостояние проникновению (в том числе военному) в регион сил третьих стран.

В июле 2005 г. Иран получил статус наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Решающим фактором здесь стала всесторонняя поддержка иранской заявки со стороны России. Однако главной целью официального Тегерана все же остается полноправное членство в ШОС. Получить указанный статус иранцы уже попытались на саммите организации в Екатеринбурге в июне 2009 г., когда Россия была председателем ШОС. Впрочем, успеха достичь им не удалось. Предположительно, свою роль в отказе, полученном властями ИРИ от руководства ШОС, сыграла нестабильная ситуация внутри самого Ирана, свя-

² Тавакколь М. Отношения между Ираном и Россией в зеркале истории // Интернет-блог Мохаммада Тавакколя. URL: <http://sabz911.persianblog.ir/post/934> (дата обращения: 12.06.2016).

занная с массовыми выступлениями иранской оппозиции, недовольной результатами президентских выборов, в результате которых Махмуд Ахмадинежад был переизбран на второй срок. Поездка переизбранного президента на сам саммит ШОС в Екатеринбурге, которая правительственными СМИ Ирана представлялась как его поддержка со стороны членов организации (и, в первую очередь, России), вызвала шквал критики в адрес Москвы со стороны иранской оппозиции. Последняя стала распространять слухи о том, что именно Россия оказывала помощь иранским спецслужбам при подавлении оппозиционных акций протеста летом — осенью 2009 г. Это обстоятельство сыграло большую роль в создании негативного имиджа России среди определенной части среднего класса и интеллигенции Ирана, что не могло не повлиять на ухудшение отношений между двумя странами.

На негативный образ России в иранском обществе, сформировавшийся в течение нескольких столетий, указывают в настоящее время многие исследователи. Например, иранский исследователь Хамид Ширзад прямо говорит об исторической подоплеке негативного восприятия России иранцами: «Я думаю, что у иранского населения есть в целом негативное отношение к России. Это сложилось исторически по двум обстоятельствам — первое, это ошибки политики Сталина в иранском Азербайджане, второе — политика Советского Союза за пределами Ирана, которая также воспринималась иранцами негативно» [Трофимов 2003: 273]. В целом, несмотря на изменение отношений между двумя странами после распада Советского Союза, историческая память населения Ирана претерпела меньшие изменения, чем политика иранского правительства. И это иногда накладывает отпечаток на решения иранских властей, связанных с двусторонними отношениями.

Сегодняшний диалог между Россией и Ираном вновь находится в стадии некоторого подъема, о чем говорят усилившиеся в последнее время политические контакты между Москвой и Тегераном. По сравнению с 2010 и 2011 гг., когда наблюдался самый значительный спад двусторонних отношений с начала 2000-х гг., 2012 г. был отмечен многочисленными взаимными визитами иранских и российских чиновников. Впервые за 4 года в Иране побывал глава МИД России С.В. Лавров. Взаимные визиты организовали министры культуры двух стран. В феврале 2012 г. Россию посетил министр внутренних дел Ирана. Также произошло много взаимных поездок на уровне заместителей министра иностранных дел.

Скорее всего, это связано с возвращением на пост президента В.В. Путина, у которого всегда был более взвешенный взгляд на Иран, чем у его предшественника Д.А. Медведева, а также с ухудшением российско-американских отношений в последнее время. Однако экономические взаимоотношения между двумя странами переживают не самые простые времена. Так, по итогам 2011 г. товарооборот российско-иранской торговли составил 3,75 млрд долларов [Мамедова 2013]. Такая ситуация сложилась из-за наложенных на Иран санкций со стороны США и их союзников. В первую очередь возникают сложности с финансовым обеспечением проводимых торговых операций: отключение ИРИ от системы СВИФТ в 2012 г. стало серьезным препятствием в работе российских банков

на иранском направлении. Более того, в 2012 г. безрезультатно закончились переговоры крупных российских компаний с иранскими властями по целому ряду проектов. Так, после двухлетних переговоров от разработки нефтяного месторождения «Азар» отказалась «Газпром нефть». Скорее всего, это происходит из-за того, что государственные и частные структуры России, а также отдельные представители бизнеса, имея финансовые интересы на Западе, боятся их потерять из-за контактов с Ираном.

Вместе с тем в торгово-экономических связях России и Ирана в 2012 г. наметился и ряд положительных тенденций. Так, при общем спаде в торговом обороте (особенно экспорта стали из России в Иран) за первые 6 месяцев 2012 г. ИРИ поставила товаров в Россию на 203,5 млн долларов, что на 9,3 % больше, чем за аналогичный период 2011 г.³ Наблюдается рост поставок иранского цемента. Согласно данным Таможенной администрации ИРИ, в период с 21 марта 2012 г. по 21 августа 2012 г. в Россию было поставлено свыше 267 тыс. тонн различного вида цемента на сумму свыше 20 млн долларов США (в период с 21 марта 2011 г. по 20 марта 2012 г. поставки иранского цемента в Россию достигли значительно меньшей суммы — около 6 млн долларов). Новые возможности открываются перед российским бизнесом на фоне отсутствия западной конкуренции. Существенно увеличились поставки химической продукции из России, а именно различного рода катализаторов для химической и нефтехимической продукции. Поставки данной категории товаров были осуществлены в 2012 г. впервые и достигли по итогам первого полугодия 4,35 млн долларов. Установлению первичных контактов между российскими производителями катализаторов и иранскими потребителями в определенной степени способствовала проведенная при участии торгпредства России в Иране выставка «Передовые российские технологии», прошедшая в Тегеране в феврале 2012 г.⁴ Еще не известно, насколько дифференциация и приспособление рынка могут компенсировать спад торговых оборотов из-за антииранских санкций, но уже очевидно, что существует серьезный потенциал для развития российско-иранских контактов в новых экономических сферах. В частности, активизируются контакты на уровне малого и среднего бизнеса. Так, российские предприятия Астраханской и Ставропольской областей, Краснодарского края, а также республики Татарстан, не имеющие тесных контактов с западным бизнесом, воспринимают Иран как перспективный и весьма емкий рынок сбыта своих товаров. Впрочем, ввиду отсутствия официальных данных по этому направлению сотрудничества о его реальных масштабах судить пока сложно [Kozhanov 2012a: 215—246].

14 июля 2015 г. в Вене, после более 10 лет переговоров, было подписано соглашение по ядерной программе Ирана между Тегераном и «шестеркой».

³ Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.ved.gov.ru/articles/1197> (дата обращения: 12.06.2016).

⁴ Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.ved.gov.ru/articles/1197> (дата обращения: 12.06.2016).

Данное соглашение стало результатом компромисса между Исламской Республикой Иран (ИРИ) и странами Запада, которые представляли США, Великобритания, Франция и Германия. Обе стороны переговоров пошли на существенные уступки.

При пристальном изучении подписанного соглашения можно утверждать, что оно несет России больше выгоды, чем вреда. Несмотря на то что отмена санкций против Ирана несет экономические риски, связанные с увеличением поступления большей доли иранской нефти и газа на международный рынок, что может увести вниз нефтяные котировки, существуют большие перспективы, которые, пожалуй, покроют эти риски.

В результате соглашения Иран получает возможность дальше частично развивать программу обогащения урана (естественно, при обеспечении контроля со стороны МАГАТЭ), что дает возможность реализации масштабных планов сотрудничества Москвы и Тегерана по мирному атому.

Кроме этого, многие крупные компании, такие как «Газпром нефть», «Лукойл», «Татнефть», смогут вернуться на иранский рынок.

Намечаются проекты по сотрудничеству в области космических исследований и самолетостроению, созданию совместных программ по запуску спутника, исследованию космоса и разработке космических навигационных систем. РЖД заявили о намерении заняться электрификацией железных дорог Ирана. В Минэкономразвитии планируют начать переговоры о расширении перечня товаров взаимной торговли. Причем за товары Тегеран сможет рассчитываться в рублях. Тегеран при покупке рублей собирается потратить часть валюты, размороженной на европейских счетах. Также Москва и Тегеран могут начать грузовые перевозки через 15 портов Каспия. А в Минпромторге заявили, что уже ведут переговоры о создании совместного предприятия по выпуску автомобилей и дорожно-строительной техники.

Конечно, всех волнует снижение цен на нефть, что уже отразилось на курсе российского рубля. Также необходимо отметить, что Ирану придется восстановить нефтяную индустрию, пришедшую в упадок во время действия санкций, и для этого Исламской республике нужны значительные объемы капитала. Обновление основных средств и получение дополнительных технологий Запада и США, чтобы качественно увеличить добычу нефти, будет затруднительно. Поэтому колоссальных скачков роста продажи иранской нефти не ожидается.

Инфраструктура по добыче и транспортировке газа находится в Иране еще в более плачевном состоянии, чем нефтяное оборудование.

Россия, имея огромный опыт по добыче газа, строительству газопроводов и транспортировке газа, смогла бы участвовать в реализации крупных газовых проектов на территории ИРИ.

Необходимо отметить, что заключительное соглашение, подписанное в ходе венских переговоров, во многом сформировано на основе предложений России. К успеху переговоров привела «концепция поэтапности и взаимности» предложенная именно российскими дипломатами, смыслом которой была стратегия, когда каждый шаг Ирана сопровождался встречными шагами со стороны «шестерки» и ООН по ослаблению санкционного давления.

30 сентября 2015 г. Россия начала военную операцию в Сирии. Иран является ее союзником. На данный момент отношения между Москвой и Тегераном находятся на высшей точке сотрудничества за последние 25 лет. Вероятно, эта ситуация имеет долгосрочную перспективу, но история двусторонних отношений последних лет показывает, что ситуация может поменяться. Об этом в определенной степени свидетельствуют слова президента Ирана Хасана Роухани от 6 марта 2016 г., который заявил, что сложившаяся позитивная динамика в двусторонних отношениях не означает того, что Иран будет соглашаться с любыми решениями России⁵.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арунова М.Р. Исламская революция и российско-иранские отношения // Ближний Восток и современность. 2004. 21.

Мамедова Н.М. Россия и Иран в конце первого десятилетия XXI века: противоречия и взаимные интересы. Институт Ближнего Востока. 12.03.2012. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/21-03-12.htm> (дата обращения: 13.06.2016).

Трофимов А. Анализ взглядов руководства Ирана на военно-техническое сотрудничество и перспективы России в регионе. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. 10.04.2003. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/10-04-03.htm> (дата обращения: 13.06.2016).

Филин Н.А. Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979—2008): факторы устойчивости государственной власти. М., 2012.

Karami J. Iran-Russia Relations: Expectations and Realities // *An Iranian Quarterly*. 2010—2011. 9 (3—4).

Kozhanov N. Russia's Reactions with Iran: Dialog without Commitments. Washington: Washington Institute for Near East Policy, 2012a.

Kozhanov N. Russian-Iranian Economic Relations: Opportunities and Challenges // *The Maghreb Review*. 2012b. 37(3—4).

Дата поступления статьи: 08.07.2016

Благодарность: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

Для цитирования: *Филин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н.* Российско-иранские отношения на современном этапе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 4. С. 677—687.

⁵ Роухани: связи с РФ не означают, что Иран одобряет все ее шаги в Сирии // Сетевое издание «РИА новости». 06.03.2016. URL: http://ria.ru/syria_chronicle/20160306/1386071106.html (дата обращения: 13.06.2016).

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-677-687

AN OVERVIEW OF CONTEMPORARY RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS

N.A. Filin

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

L.M. Ravandi-Fadai

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

A.N. Burova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

In post-Soviet period Russia and Iran have experienced quite a few sharp turns in bilateral relations. Periods of active dialogue alternated with long pauses, signing of multibillion-dollar contracts was replaced by the prosecution of both parties in default of its obligations and commitments. Geopolitical interests in this case take precedence over economic ones. The article describes the role of the Iranian issue in Russian-US relations, both within the Gore-Chernomyrdin Commission and concerning Iranian nuclear program. The question of the legal status of the Caspian Sea also affects bilateral relations.

However, there are a number of objective factors that bring together country. Among them is a need to combat ethnic separatism as well as shock economic reforms started almost simultaneously in Russia and Iran in the early 1990s and led to an increase in social tension. Both countries are interested in maintaining peace and stability in the former Soviet republics of Central Asia, Caucasus and Afghanistan. In July 2005, Iran received observer status at the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

With the return to the post of Russian president Vladimir Putin in 2012, there has been improvement in Russian-Iranian relations. There has been a number of positive trends in trade and economic relations, implementation of joint economic projects.

Key words: Iran, Russia, cooperation agreement, contemporary politics, disputes, international relations.

REFERENCES

Arunova, M.R. (2004). *Islamskaya revolyutsiya i rossiisko-iranske otnosheniya* [The Islamic Revolution and the Russian-Iranian relations]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*, 21.

Filin, N.A. (2012). *Sotsial'no-istoricheskoe razvitie Islamskoi Respubliki Iran (1979—2008): faktory ustoichivosti gosudarstvennoi vlasti* [Socio-historical development of the Islamic Republic of Iran (1979—2008): the factors of stability of state power]. Moscow.

Karami, J. (2010—2011). Iran-Russia Relations: Expectations and Realities. *An Iranian Quarterly*, 9(3—4).

Kozhanov, N. (2012a). *Russia's Reations with Iran: Dialog without Commitments*. Washington: Washington Institute for Near East Policy.

Kozhanov, N. (2012b). Russian-Iranian Economic Relations: Opportunities and Challenges. *The Maghreb Review*, 37(3—4).

Mamedova, N.M. (2012). *Rossiya i Iran v kontse pervogo desyatiletiya KhKhI veka: protivorechiya i vzaimnye interesy* [Russia and Iran at the end of the first decade of the twenty-first century:

the contradictions and mutual interests]. Institut Blizhnego Vostoka. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/21-03-12.htm> (accessed: 13.06.2016).

Trofimov, A. (2003). Analiz vzglyadov rukovodstva Irana na voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo i perspektivy Rossii v regione [An analysis of the views of the Iranian leadership on military-technical cooperation and prospects of Russia in the region]. Institut izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/10-04-03.htm> (data obrashcheniya: 13.06.2016).

Received: 08.07.2016

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of the project of RHF “Russia’s policy in the Middle East: Opportunities and limits of cooperation with the countries of the region” (№ 14-18-03615).

For citations: Filin, N.A., Ravandi-Fadai, L.M., Burova, A.N. (2016). An overview of contemporary Russian-Iranian relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 677—687.

© Филин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н., 2016

ИНДИЙСКАЯ ПОМОЩЬ БАНГЛАДЕШ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ДЕЛИ В ЮЖНОЙ АЗИИ

А.А. Немова

МГИМО МИД России, Москва, Россия

В статье на примере индийско-бангладешских отношений рассматривается одно из важнейших направлений современной внешней политики — оказание помощи развивающимся государствам. Автор анализирует условия, формы, механизмы и закономерности предоставления Индией помощи Бангладеш в период с 1971 г. по настоящее время. В качестве одного из факторов, способствующих росту объемов индийской помощи Бангладеш, рассматривается рост влияния Китая в регионе Южной Азии.

Китай и Индия представлены как новые конкурирующие доноры, оба азиатских гиганта недавно взяли обязательства по оказанию значительной помощи Бангладеш, что указывает на то, что именно Бангладеш начинает играть более важную роль в региональной геополитике. В этой связи в статье прогнозируется дальнейший рост объемов индийской помощи в Бангладеш в будущем, и автором делается вывод о том, что Индия использует свои программы помощи в качестве инструмента для продвижения своих экономических, политических и стратегических интересов. Иностранная помощь, в том числе официальная помощь в целях развития (ОПР), становится средством экономической дипломатии Индии, хотя и некоторые исследователи указывают на тот факт, что политике страны в этой области до сих пор не хватает координации, чтобы сделать этот инструмент более эффективным с точки зрения политической выгоды.

Ключевые слова: иностранная помощь, страна-донор, страна-реципиент, развивающиеся страны, Южная Азия, Бангладеш, Индия, Китай, бедность.

Индия, третья экономика мира¹ с темпами роста ВВП более 7 % в год и с населением более 1,3 млрд человек², играет все более активную роль на международной арене. Оказание помощи развивающимся странам не является принципиально новым направлением ее внешней политики. Однако с недавнего времени Индия все активнее использует этот инструмент для достижения своих стратегических интересов.

Иностранная помощь — это добровольная передача ресурсов на льготных условиях или в виде дара / пожертвования субъектами одной страны субъектам другой [Капица 2011: 71]. С 1972 г. используется термин «официальная помощь развитию» (ОПР), введенный в оборот Комитетом содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). «Согласно формальному определению, официальная помощь развитию — это финансовые ресурсы, предоставляемые странам и территориям, включенным в список получателей помощи

¹ World Bank Data: Gross domestic product 2015, PPP. URL: http://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf (accessed: 13.09.2016).

² World Bank Data: India. URL: <http://data.worldbank.org/country/india> (accessed: 13.09.2016).

КСР, а также многосторонним институтам развития с целью содействия экономическому развитию и улучшению благосостояния развивающихся стран» [Иностранная помощь 2013: 10].

Во внешней политике иностранная помощь является одним из инструментов налаживания отношений, проявления поддержки, методом борьбы с политическими и экономическими конкурентами и т.д. Также оказание иностранной помощи — это реализация «мягкой силы»³ и способ продемонстрировать свое экономическое превосходство [Дегтерев 2013].

Впервые о намерении превратить Индию из страны-реципиента иностранной помощи в страну-донора заявило правительство Бхаратия Джаната Парти в 2003 г.⁴ Предполагалось, что это усилит влияние Индии как в Южной Азии, так и в мире в целом. По некоторым данным, с 2004 г. по 2010 г. ежегодный рост объемов иностранной помощи, предоставляемой Индией, составлял 6,9 %⁵, что сопоставимо с темпами роста ее ВВП. Среди получателей индийской помощи особое место занимает 160-миллионная Бангладеш с уровнем бедности 31,5 %⁶. Она имеет для Индии важное стратегическое значение, что объясняется целым рядом геополитических и экономических факторов.

Прежде всего, Индии выгодна стабильная Бангладеш. Превращение последней в так называемое несостоявшееся государство (failed state) стало бы серьезной угрозой безопасности Индии и Южной Азии в целом.

Индийско-бангладешская граница является пятой по протяженности в мире (4096 км)⁷. Через нее постоянно идет нелегальная миграция и контрабанда наркотиков и оружия. В случае обострения социально-экономических проблем в Бангладеш — бедность, как известно, является питательной средой для разного рода незаконной деятельности — масштабы миграции и контрабанды в Индию непременно возрастут.

Между тем с Бангладеш непосредственно граничат пять из семи проблемных северо-восточных штатов Индии («семь сестер»⁸), в которых сильны сепаратистские движения и которые связаны с основной территорией Индии лишь узким коридором Силигури⁹. В связи с этим Индия заинтересована как в использова-

³ Jayawickrama, Sherine. Foreign Aid as «Soft Power» (in India, Brazil and China). URL: <http://hausercenter.org/iha/2010/10/20/foreign-aid-as-soft-power-in-india-braziland-china> (accessed: 13.09.2016).

⁴ Piccio L. In latest Indian budget, aid spending dwarfs aid receipts. URL: <https://www.devex.com/news/in-latest-indian-budget-aid-spending-dwarfs-aid-receipts-82915> (accessed: 13.09.2016).

⁵ Ahmad T. Regulation of Foreign Aid: India. URL: https://loc.gov/law/help/foreign-aid/india.php#skip_menu (accessed: 13.09.2016).

⁶ World Bank Data: Bangladesh. URL: <http://www.worldbank.org/en/country/bangladesh> (accessed: 13.09.2016).

⁷ Bhattacharjee R. India-Bangladesh Friendship: Strengthened, but a Long Way to Go. URL: <http://southasiamonitor.org/images/India-Bangladeshfriendship.pdf> (accessed: 13.09.2016).

⁸ Аруначал-Прадеш, Ассам, Манипур, Мегхалая, Мизорам, Нагаленд и Трипура.

⁹ Ширина «коридора» составляет от 21 до 40 км. На севере он граничит с Непалом, на юге — с Бангладеш. На территории коридора находится город Силигури — главный транспортный узел, соединяющий основную часть Индии с ее северо-восточными штатами, Непалом и Бутаном.

нии бангладешской территории для транзита товаров и энергии в эти штаты, так и в том, чтобы сепаратисты не получали оружие из Бангладеш и не могли укрыться в этой стране. Таким образом, залогом безопасности и развития северо-восточных индийских штатов является стабильная в социально-экономическом и политическом плане Бангладеш.

Опасна для Индии и всей Южной Азии радикальная исламизация Бангладеш и ее превращение в оплот терроризма. Данная угроза является весьма актуальной в свете террористического нападения 1 июля 2016 г. на кафе «Холи» в Дакке, а также угроз запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» о создании в Бангладеш базы для терактов в Индии и Мьянме.

Кроме того, Индия не может допустить превращения Бангладеш в сферу влияния других стран — Японии, США, Республики Корея и главное — Китая, который по прогнозам станет крупнейшим инвестором Бангладеш в 2016 г. и который претендует на большую часть территории одного из северо-восточных индийских штатов — Аруначал Прадеш. При этом Китай является крупнейшим поставщиком вооружения для бангладешской армии. В ответ на усиление позиций Китая в Бангладеш и соседней Мьянме Индия вынуждена предпринимать активные меры по развитию политических и торгово-экономических отношений с Бангладеш с целью создания рычагов влияния на последнюю.

С экономической точки зрения, Бангладеш является связующим транспортным коридором между Индией и Юго-Восточной Азией, а также между СААРК и АСЕАН. Для Индии Бангладеш представляет собой еще и большой рынок сбыта и перспективное поле для коммерческой деятельности индийских компаний.

В результате совокупности геополитических и экономических факторов оказание Индией экономической помощи Бангладеш является одним из основных направлений ее взаимодействия со своим малым соседом. При этом необходимо отметить, что успешно развивающаяся Индия занимает первое место в мире по количеству бедных (более 200 млн человек или 22 % населения, проживающего за национальной чертой бедности — 0,5 долларов в день — по данным 2011 г. [Лунев 2015: 199]), а Бангладеш с ее менее развитой экономикой обгоняет Индию по многим социальным показателям, включая продолжительность жизни, уровень иммунизации детей, детскую смертность, недоедание среди детей и т.п. [Dreze, Sen 2013: 8].

Начиная с 1971 г., Индия предоставляла Бангладеш на межгосударственной основе все типы помощи: экономическую (содействие социально-экономическому развитию стран-реципиентов в форме льготных займов, экспортных кредитов, субсидий, денежных выплат и различных товаров), техническую (нацеленную на формирование технико-экономических знаний и навыков в определенных сферах деятельности страны-реципиента), гуманитарную (с целью облегчения страданий и спасения человеческих жизней в периоды катастроф и бедствий) и даже военную. Однако помощь оказывалась не на постоянной основе, и ее объемы существенно колебались [Шикин, Дегтерева 2014].

Впервые Бангладеш приняла индийскую помощь в денежной и товарной форме после войны с Пакистаном 1971 г., в результате которой Восточный Пакистан и получил независимость. В тот период оказание помощи иностранным государ-

ствам было для Индии экстраординарным, поскольку она сама стояла перед лицом множества острых социально-экономических проблем. Тем не менее, Индия была первой страной, направившей помощь Бангладеш после разрушительной войны за независимость. В первые месяцы после ее окончания Индия выделила Бангладеш 232 млн долларов (преимущественно в форме товаров потребления) и поставила 900 тыс. тонн зерновых [Chowdhury 2004: 52]. Позже помощь предоставили СССР, США, Всемирный банк и Группа помощи Бангладеш, объединившая 26 финансовых институтов и государств.

Помимо этого, Индия выделила Бангладеш 5 млн долларов США для пополнения валютных резервов молодого государства, оказала помощь в форме товаров стоимостью около 300 млн рупий (около 39,5 млн долларов по курсу 1972 г.¹⁰) [Bammi 2010: 85], выделила 100 млн рупий (около 13,7 млн долларов) на восстановление транспортной системы, предоставила грант на приобретение двух кораблей и нескольких самолетов (на сумму около 13,7 млн долларов), поставила в Бангладеш 276 тыс. тонн угля и т.д. [Nair 2008: 119—120]. К 1974 г. Индия превратилась во второго после США основного донора Бангладеш [Nair 2008: 121].

Таблица 1

Официальная помощь развитию Бангладеш со стороны Индии в 1971—1976 гг.

Финансовый год	Помощь в форме грантов (млн рупий)	Помощь в форме кредитов (млн рупий)	Общий объем	
			млн рупий	млн долларов США
1971/72	250,00	190,00	440,00	57,94
1972/73	1651,70	348,30	2000,00	273,97
1973/74	124,70	400,00	524,70	67,18
1974/75	34,10	—	34,10	4,06
1975/76	92,20	—	92,20	10,23

Источник: [Nair 2008]

Причин предоставления помощи Бангладеш было несколько. Во-первых, Индия на международной арене несла определенную ответственность за молодое государство, на стороне которого она выступила в войне с Пакистаном. Во-вторых, ситуацию в Бангладеш необходимо было нормализовать, чтобы остановить поток беженцев из Бангладеш и репатриировать тех, кто прибыл на территорию Индии за время конфликта в Восточном Пакистане. Уже в первые месяцы после начала вооруженного конфликта индийское правительство потратило около 100 млн рупий на еду, одежду и строительство временного жилья для беженцев из Восточного Пакистана [Price 2005: 9]. Всего из Восточного Пакистана в северо-восточные штаты Индии за 1971 г. перебралось более 9 млн человек [Oberoi 2006: 104]. Большинство из них пополнили ряды бедноты Западной Бенгалии, в первую очередь Калькутты. В результате там создавалась крайне взрывоопасная ситуация. В-третьих, Индии была необходима стабильная с политической и социально-экономической точек зрения Бангладеш у своих границ. В-четвертых, оказание помощи Бангладеш должно было превратить ее в верного союзника.

¹⁰ Здесь и далее конвертация в соответствии с историческими курсами валют произведена с использованием интернет-ресурса <http://fxtop.com>.

После убийства в 1975 г. основателя Бангладеш Шейха Муджибура Рахмана, популярность которого резко упала (в том числе из-за распространения в народе опасений в росте вмешательства Индии в дела страны) [Lewis 2011: 81], индийско-бангладешские отношения ухудшились. Правительство Зиаура Рахмана переориентировалось на США, КНР и исламский мир (более подробно см. [Лунев 2016: 286—291]). На передний план в индийско-бангладешских отношениях вышли пограничные споры, вопросы раздела водных ресурсов и нелегальной миграции из Бангладеш. Соответственно, сократилось индийско-бангладешское экономическое сотрудничество. Охлаждение было обоюдным. Индию раздражал военный режим З. Рахмана, и она хотела, «чтобы Бангладеш на международной арене выглядела изгоем» [Rashid 2015: 102]. В свою очередь, в 1988 г. правительство Бангладеш даже отвергло индийскую помощь в ликвидации последствий наводнения, так как считало своего соседа виновным в нем и полагало, что с точки зрения безопасности страны опасно допускать на свою территорию индийские поисковые вертолеты [Price 2005: 9]. Как бы то ни было, Индия не прекращала оказывать помощь Бангладеш в этот период.

В 1990-е гг., несмотря на обострение нелегальной иммиграции из Бангладеш в Индию, произошло некоторое улучшение индийско-бангладешских отношений, что было связано с процессом внутривластной демократизации в Бангладеш. Наибольшую помощь индийское правительство оказало Бангладеш после циклона 1991 г., в результате которого погибло 135 тыс. человек. В пострадавшие районы была направлена гуманитарная помощь (одежда, вода, продукты питания, водяные фильтры и т.п.) общей стоимостью 230 млн така (около 6,3 млн долларов).

В 1990-е гг. и в первом десятилетии 2000-х гг. объемы индийской помощи Бангладеш колебались примерно на одном уровне (рис. 1).

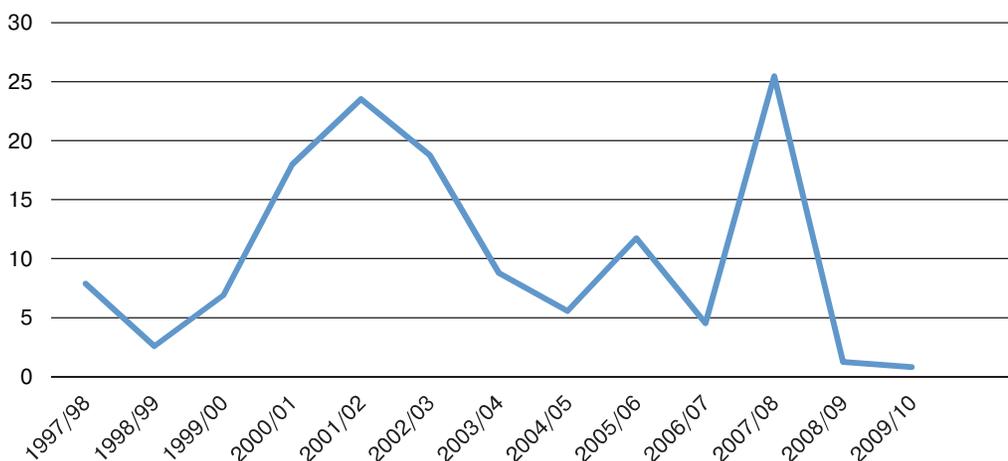

Рис. 1. Индийская помощь Бангладеш в 1997—2010 гг. (млн долларов США)

Источник: Agrawal S. Emerging Donors in International Development Assistance: The India Case. Ottawa: International Development Research Center, 2007; Annual Report 2007/08. Ministry of External Affairs, New Delhi; Annual Report 2008/09. Ministry of External Affairs, New Delhi; Annual Report 2009/10. Ministry of External Affairs, New Delhi; Price G. Diversity in Donorship: the Changing Landscape of Official Humanitarian Aid: India's Official Aid Programme. London: Overseas Development Institute, 2005

Размеры экономической помощи, оказываемой Индией другим государствам, возросли после мирового экономического кризиса 2008 г., когда развитые страны Запада снизили свою активность на этом направлении. Одновременно такие восходящие державы, как Индия и Китай, напротив, усилили свою экономическую экспансию в целях обеспечения благоприятных условий для зарубежной деятельности своих компаний и создания задела для расширения торгово-экономических и политических связей в будущем. И хотя Индия остается крупным реципиентом помощи (17-е место в мире по итогам 2012 г.¹¹), объемы получаемой ею помощи почти в 2 раза меньше помощи, которую она оказывает другим развивающимся странам (655 млн долларов против 1,3 млрд долларов в 2014/15 фин. г.)¹².

Превращение Индии в крупного донора совпало со сменой правительства в Бангладеш — к власти в январе 2009 г. пришел альянс во главе с партией Народная лига, традиционно выступающей за развитие бангладешско-индийских отношений. Однако рост индийской помощи Бангладеш наблюдался и в период поддерживавшегося военными временного правительства (2007—2008 гг.). Уже тогда наметилось потепление в отношениях между странами, и Индия оказала значительную помощь Бангладеш во время ликвидации последствий разрушительного циклона «Сидр» в ноябре 2007 г. В Бангладеш была направлена гуманитарная помощь на сумму около 37 млн долларов. В нее входили поставки медикаментов, палаток, одеял, продуктовых наборов и т.д. Всего пострадавшие районы Бангладеш получили 1 тыс. тонн сухого молока, 40 тыс. тонн риса и т.д.¹³ При помощи Индии были организованы временные жилища для 2,8 млн человек на юге страны. В апреле 2011 г. Индия вновь оказала гуманитарную помощь Бангладеш в виде 300 тыс. тонн риса [Галищева 2011: 124].

Помимо помощи в ликвидации последствий стихийных бедствий и природных катастроф, которая традиционно используется в международной политике как способ демонстрации доброй воли, Индия стала оказывать Бангладеш техническую помощь. Бангладеш участвует в индийской программе Индийского технико-экономического сотрудничества (The Indian Technical and Economic Cooperation — ИТЕС) и целом ряде других программ по подготовке технических кадров. Только в 2006—2010 гг. в Индии прошли обучение 414 бангладешцев. В 2010/11 фин. г. Индия выделила 175 мест для обучения граждан Бангладеш на курсах ИТЕС [Галищева 2011: 124]. В 2012/13 фин. г. техническая помощь Бангладеш со стороны Индии составила 2,8 млрд рупий (около 51 млн долларов или 8,66 % всей помощи,

¹¹ Piccio L. In latest Indian budget, aid spending dwarfs aid receipts. URL: <https://www.devex.com/news/in-latest-indian-budget-aid-spending-dwarfs-aid-receipts-82915> (accessed 13.09.2016).

¹² Piccio L. In latest Indian budget, aid spending dwarfs aid receipts. URL: <https://www.devex.com/news/in-latest-indian-budget-aid-spending-dwarfs-aid-receipts-82915> (accessed 13.09.2016).

¹³ India — Bangladesh Relations. Ministry of External Affairs of India. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Bangladesh_July_2014_.pdf (accessed 13.09.2016).

оказываемой Индией)¹⁴, в 2013/14 фин. г. — 5,8 млрд рупий (около 92,6 млн долларов или 10,72 % помощи, оказываемой Индией)¹⁵, в 2014/15 фин. г. — 3,5 млрд рупий (около 56 млн долларов)¹⁶, в 2015/16 фин. г. — 2,5 млрд рупий (около 37 млн долларов)¹⁷.

В январе 2010 г. состоялся четырехдневный визит премьер-министра Бангладеш Шейх Хасины в Дели, в ходе которого индийская сторона обещала многомиллиардные инвестиции в бангладешскую инфраструктуру, снятие ограничений на 50 наименований бангладешского экспорта и т.д. в обмен на то, что Дакка решит проблему с индийскими повстанческими группировками, использующими территорию Бангладеш для трансграничных нападений.

По итогам визита в Дакку министра финансов Пранаба Мукерджи в августе того же года было подписано соглашение с индийским «Эксимбанком» о выделении Бангладеш кредитной линии в 1 млрд долларов преимущественно на строительство инфраструктурных объектов и закупку в Индии железнодорожных вагонов, локомотивов и других транспортных средств. Основной целью выделения Бангладеш данной кредитной линии было содействие созданию транспортной инфраструктуры для обеспечения связи с северо-восточными индийскими штатами. 200 млн долларов, т.е. 20 % от этой суммы, индийское правительство предоставило в виде гранта, что приближает данную кредитную линию к ОПР, отличительной чертой которой является наличие грант-элемента в размере не менее 25 %.

Необходимо отметить, что кредитные линии являются основной формой помощи, которую Индия оказывает другим развивающимся странам. Выделением кредитных линий Бангладеш, Непалу и Бутану занимается Министерство иностранных дел Индии. Департамент экономических дел Министерства финансов Индии выделяет кредитные линии остальным странам. В стране имеется четкое понимание того, что такая форма оказания помощи направлена на достижение конкретного результата — продвижение индийского экспорта и улучшение политических отношений с реципиентом [Price 2005: 11].

В апреле 2013 г. Индия и Бангладеш подписали Меморандум о взаимопонимании по осуществлению небольших проектов развития. Индия выразила готовность предоставлять гранты на осуществление в Бангладеш небольших проектов в сфере образования, здравоохранения, защиты окружающей среды и т.д. стоимостью не более 250 млн така (около 3,1 млн долларов) каждый.

¹⁴ Annual Report 2012/13. Ministry of External Affairs, New Delhi. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/21385_Annual_Report_2012-2013_English.pdf (accessed 13.09.2016).

¹⁵ Annual Report 2013/14. Ministry of External Affairs, New Delhi. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/23873_EXTERNAL_AFFAIR_Eng_AR_2013-14.pdf (accessed 13.09.2016).

¹⁶ Annual Report 2014/15. Ministry of External Affairs, New Delhi. URL: https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/25009_External_Affairs_2014-2015_English_.pdf (accessed 13.09.2016).

¹⁷ Annual Report 2015/16. Ministry of External Affairs, New Delhi. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/26525_26525_External_Affairs_English_AR_2015-16_Final_compressed.pdf (accessed 13.09.2016).

В июне 2015 г. во время визита в Дакку премьер-министра Индии Нарендры Моди был подписан меморандум о взаимопонимании по выделению Бангладеш еще одной кредитной линии на льготных условиях объемом 2 млрд долларов, при том что до конца не была реализована предыдущая кредитная линия для Бангладеш (к июню 2015 г. Бангладеш получила от Индии 862 млн долларов). Ранее Индия не предоставляла такого крупного кредита ни одной стране.

Как сообщается, кредит носит связанный характер (как минимум 75 % товаров и услуг, на приобретение которых будет потрачен кредит, должны быть индийского происхождения) и будет использован в целях финансирования проектов в сфере энергетики и информационных технологий, здравоохранения и образования, развития транспортной инфраструктуры, включая строительство железных дорог и т.д. Однако главной целью кредитной линии опять же является содействие развитию транспортной инфраструктуры Бангладеш, что по замыслу индийской стороны должно обеспечить устойчивые связи с ее северо-востоком.

Выделение 2 млрд долларов заметно усилило переговорные позиции Н. Моди в ходе визита в Бангладеш. В результате Н. Моди удалось завершить споры с Бангладеш о границе (стороны обменялись грамотами о ратификации соответствующего соглашения), а также подписать 22 других соглашения по развитию торгово-экономических связей с Даккой и продолжить диалог по безопасности и борьбе с терроризмом.

Безусловно, среди причин беспрецедентной щедрости Индии — конкуренция с Китаем за влияние на Бангладеш и за бангладешский рынок. Предоставление 2-миллиардной кредитной линии также должно было послать сигнал и другим соседям Индии, включая Непал, Мальдивы и Мьянму, о том, что сотрудничать с Индией выгодно, а возможно, и более выгодно, чем с КНР.

Сопоставление объемов реально предоставляемой Индией помощи Бангладеш и другим странам показывает, что Бангладеш не является крупнейшим получателем индийской помощи (табл. 2). Первое место среди ее реципиентов на протяжении многих лет занимает Бутан, что обусловлено экономическими причинами. Индия вкладывает огромные средства в развитие гидроэнергетики Бутана, по сути, инвестируя в собственную экономику, поскольку сама потребляет почти всю электроэнергию, произведенную бутанскими электростанциями. Примечательно, что сама Индия воспринимает и классифицирует вложения в экономику Бутана, по форме являющиеся помощью, как экономическое сотрудничество [Price 2005: 6]. В случае с Бангладеш, небогатой с точки зрения наличия природных ресурсов, у Индии нет столь же серьезных экономических стимулов. По-видимому, именно этим обусловлено то, что в 2014/15 фин. г. Дакка получила от Дели лишь 56 млн долларов. Для сопоставления — общий объем иностранной помощи Бангладеш, включая кредиты и гранты от международных финансовых институтов, в том же году составил около 2,78 млрд долларов. Тем не менее, геополитические интересы заставляют Индию обещать предоставление помощи и кредитов Бангладеш.

Таблица 2

Основные получатели индийской помощи (млн долларов США)

Страны-реципиенты	2008/09 фин. г.	2009/10 фин. г.	2014/15 фин. г.
Бутан	249,01	280,66	813
Афганистан	86,42	61,87	97
Шри-Ланка	6,19	17,25	80
Непал	23,33	32,33	72
Бангладеш	1,24	0,81	56
Африканские страны	19,62	26,95	56
Мьянма	7,23	11,86	53
Мальдивы	104,22	0,75	29

Источник: Annual Report 2008/09. Ministry of External Affairs, New Delhi; Annual Report 2009/10. Ministry of External Affairs, New Delhi; Piccio L. In latest Indian budget, aid spending dwarfs aid receipts¹⁸

Несмотря на ежегодные колебания в объемах предоставляемой Индией помощи Бангладеш¹⁹, прослеживается тенденция к ее росту. В будущем весьма вероятно выделение новых кредитных линий Бангладеш со стороны Индии, так как объемы своих финансовых вливаний в бангладешскую экономику наращивает Китай. Во время визита в Бангладеш председателя КНР Си Цзиньпина 14—15 октября 2016 г. было подписано 27 соглашений, в соответствии с которыми, по сообщениям прессы, Пекин вложит в развитие бангладешской экономики более 24 млрд долларов как в форме инвестиций, так и в форме льготных кредитов. В Дакке утверждают, что это никак не отразится на бангладешско-индийских отношениях. Однако многомиллиардные китайские вливания в Бангладеш, безусловно, означают усиление Китая в традиционной сфере влияния Индии. Представляется, что в этой ситуации Дели попытается активизировать экономическое сотрудничество с Бангладеш и увеличить объемы помощи своему соседу.

Донорские амбиции Индии соответствуют ее геополитическим интересам, хотя, как считают специалисты, в рамках Министерства иностранных дел страны все еще недостаточно координации между департаментами, отвечающими за предоставление помощи и формулирующими политический курс [The Oxford Handbook... 2015: 184]. Как бы то ни было, можно прогнозировать дальнейший рост объемов индийской помощи соседям по региону, а также Мьянме и африканским странам. Пребывание у власти в Индии правительства Бхаратия Джаната Парти (БДП), по всей видимости, будет этому только способствовать, так как именно

¹⁸ Annual Report 2008/09. Ministry of External Affairs, New Delhi; Annual Report 2009/10. Ministry of External Affairs, New Delhi; Piccio L. In latest Indian budget, aid spending dwarfs aid receipts. URL: <https://www.devex.com/news/in-latest-indian-budget-aid-spending-dwarfs-aid-receipts-82915> (accessed 13.09.2016).

¹⁹ Объяснить это можно тем, что Индии с учетом ее собственных проблем пока трудно играть роль донора, однако продемонстрировать слабость и допустить усиление Китая в Бангладеш она не может. С другой стороны, в политике обещания важны почти так же, как и реальная помощь.

БДП в 2003 г. впервые заявила о необходимости превратить Индию из получателя помощи в донора. Что же касается Бангладеш, то Индия, безусловно, заинтересована в усилении своих позиций в этой стране и будет продолжать использовать для достижения этой цели инструмент оказания помощи. Нельзя исключать, тем не менее, возможности прихода к власти в Бангладеш политических сил, настроенных по отношению к своему большому соседу негативно (среди них Националистическая партия Бангладеш и «Джамаат-и-Ислами»), что может привести к сворачиванию двустороннего сотрудничества и сокращению объемов индийской помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Галищева Н.В. Индийская помощь странам Южной и Юго-Восточной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4. С. 119—128.

Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. М.: Ленанд, 2013.

Иностранная помощь / Под ред. *Л.М. Капицы*. М.: МГИМО-Университет, 2013.

Капица Л.М. Международный институт иностранной помощи // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4. С. 70—98.

Лунев С.И. Социальные протесты в Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 198—207.

Лунев С.И. Бангладеш // История стран Азии и Африки после Второй мировой войны: В 2 т. Т. 1 / Под ред. *С.И. Лунева*. М.: Юрайт, 2016. С. 282—301.

Шикин В.В., Дегтерева Е.А. Участие Индии в содействии международному развитию // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 1. С. 32—40.

Agrawal S. Emerging Donors in International Development Assistance: The India Case. Ottawa: International Development Research Center, 2007.

Vammi Y.M. India-Bangladesh Relations: The Way Ahead. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2010.

Chowdhury M.R. Economic Exploitation of Bangladesh. Lincoln: Universe, 2004.

Dreze J., Sen A. An Uncertain Glory. India and its Contradictions. New Delhi: Penguin Books, 2013.

Lewis D. Bangladesh. Politics, Economy and Civil Society. New Delhi: Cambridge University Press, 2011.

Nair P.S. Indo-Bangladesh Relations. New Delhi: APH Publishing, 2008.

Oberoi P. Exile and Belonging. Refugees and State Policy in South Asia. New Delhi: Oxford University Press, 2006.

Price G. Diversity in Donorship: the Changing Landscape of Official Humanitarian Aid: India's Official Aid Programme. London: Overseas Development Institute, 2005.

Rashid H. Bangladesh Foreign Policy. Realities, Priorities and Challenges. Dhaka: Academic Press and Publishers Library, 2015.

The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy / Ed. by *D.M. Malone, C.R. Mohan, S. Raghavan*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Дата поступления статьи: 14.10.2016

Для цитирования: Немова А. Индийская помощь Бангладеш в контексте стратегических интересов Дели в Южной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 688—699.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-688-699

INDIA'S STRATEGIC INTERESTS IN SOUTH ASIA AND ITS AID TO BANGLADESH

A. Nemova

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Moscow, Russia

Providing foreign aid to developing countries is one of the most important aspects of contemporary foreign politics. The article studies relations between India and Bangladesh from the perspective of foreign aid flows and discovers conditions, forms, mechanisms, and trends of India's aid to Bangladesh from 1971 until today. The research uses the approach of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) towards foreign aid and understands it as financial assistance, technical assistance, as well as aid in goods in the form of grants and soft loans with the aim to provide economic development and well-being. The author analyzes factors of the geopolitical significance of Bangladesh for India and studies India's aid to Bangladesh in the context of the history of bilateral relations between the two countries. As a result, a certain correlation is discovered between aid flows and the state of bilateral relations. China's growing interest is seen as one of additional factors, which cause India to increase volumes of its aid to the neighboring countries, including Bangladesh. China and India are understood as emerging donors who are competing to increase their influence in the world. The two Asian giants have recently taken considerable aid commitments to Bangladesh which indicates that Bangladesh starts to play a more important role in the regional geopolitics. In this context, the article predicts a further growth in the volumes of Indian aid to Bangladesh in the future and concludes that India uses its foreign aid programs as a tool to promote its own economic, political, and strategic interests. Foreign aid, including official development assistance (ODA), is becoming a means of India's economic diplomacy although some researchers point to the fact that the country's policymakers still lack coordination to make aid efficient in terms of political gains.

Key words: foreign aid, donor-country, recipient-country, developing countries, South Asia, Bangladesh, India, China, poverty.

REFERENCES

- Agrawal, S. (2007). *Emerging Donors in International Development Assistance: The India Case*. Ottawa: International Development Research Center.
- Bammi, Y.M. (2010). *India-Bangladesh Relations: The Way Ahead*. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd.
- Chowdhury, M.R. (2004). *Economic Exploitation of Bangladesh*. Lincoln: Universitet.
- Degterev, D.A. (2013). *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: evolyutsiya mezhdunarodno-pravovykh rezhimov i effektivnost' vneshnei pomoshchi* [International Development Assistance: evolution of international legal regimes and aid effectiveness]. Moscow: Lenand.
- Dreze, J., Sen, A. (2013). *An Uncertain Glory. India and its Contradictions*. New Delhi: Penguin Books.
- Galishcheva, N.V. (2011). Indiiskaya pomoshch' stranam Yuzhnoi i Yugo-Vostochnoi Azii [Indian Aid to the Countries of South and South-East Asia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 4, pp. 119—128.
- Inostrannaya pomoshch' [Foreign Aid]*. (2013). Ed. by L.M. Kapitsa. Moscow: MGIMO-Universitet.

Kapitsa, L.M. (2011). Mezhdunarodnyi institut inostrannoi pomoshchi [International Institute of Foreign Aid]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 4, pp. 70—98.

Lewis, D. (2011). *Bangladesh. Politics, Economy and Civil Society*. New Delhi: Cambridge University Press.

Lunyov, S.I. (2015). Sotsial'nye protesty v Indii [Social Protests in India]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 4, pp. 198—207.

Lunyov, S.I. Bangladesh. *Istoriya stran Azii i Afriki posle Vtoroy mirovoy voyny [History of Asian and African Countries After World War II]*, 1, pp. 282—301.

Nair, P.S. (2008). *Indo-Bangladesh Relations*. New Delhi: APH Publishing.

Oberoi, P. (2006). *Exile and Belonging. Refugees and State Policy in South Asia*. New Delhi: Oxford University Press.

Price, G. (2005). *Diversity in Donorship: the Changing Landscape of Official Humanitarian Aid: India's Official Aid Programme*. London: Overseas Development Institute.

Rashid, H. (2015). *Bangladesh Foreign Policy. Realities, Priorities and Challenges*. Dhaka: Academic Press and Publishers Library.

Shikin V.V., Degtareva E.A. (2014) Uchastie Indii v sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu [India's participation in international development assistance]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 14. № 1, pp. 32—40.

The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy. (2015). Malone, D.M., Mohan, C.R., Raghavan, S., eds. Oxford: Oxford University Press.

Received: 14.10.2016

For citations: Nemova, A.A. (2016). India's strategic interests in South Asia and its aid to Bangladesh. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 688—699.

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-700-716

POTENTIAL ROLE OF THE NEW DEVELOPMENT BANK AND ASIAN INFRASTRUCTURE INVESTMENT BANK IN THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM

M.V. Larionova, A.V. Shelepov

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

This article focuses on the two recently established multilateral development banks (MDBs) dominated by emerging economies: Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and New Development Bank (NDB). The authors explore the main economic and political incentives that lie behind the creation of these institutions, examine challenges and opportunities they are likely to face, and provide a forecast of their loan portfolios growth in the coming years. The forecast includes two scenarios: basic and optimistic, and is based on the analysis of NDB and AIIB differences from traditional banks, and potential benefits and challenges they can bring. The methodology used for assessment allows projecting the financial capacity of the two banks based on their announced shareholder capital and likely financial performance determined by membership, governance arrangements and other factors, and takes into account recent developments in both banks.

Based on the forecast, the authors conclude that in ten years the new banks will be able to provide infrastructure financing at the level of traditional institutions working in the area. In order to develop in accordance with the optimistic scenario, the new banks should adhere to their basic alternative principles, but also rely on the experience of traditional banks in areas where they have proved their effectiveness. These include exchange of experience on selection of projects, social and environmental safeguards, and monitoring results. Apart from addressing the global infrastructure gap, the new banks could also stimulate traditional ones to reform their governance and change operational modalities and thus become more responsive to developing countries' interests.

Key words: multilateral development banks, New Development Bank (NDB), Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), BRICS, global financial architecture, investment, infrastructure.

Multilateral development banks (MDBs) are institutions that provide financial support and professional advice for economic and social development activities in developing countries¹. MDBs play a crucial role in supporting international development and eliminating poverty [Faure 2015].

¹ World Bank. Affiliates. URL: <http://go.worldbank.org/CGC782MDY0> (accessed: 05.11.2016).

The existing MDB system was launched shortly before the end of World War II, in 1944, when representatives of 44 Allied nations gathered at the Bretton Woods Conference. The International Bank for Reconstruction and Development (IBRD) was established as one of the pillars of the new system, with the main task to finance the post-war reconstruction of European nations². Upon completion of this mission, the IBRD focused on assisting developing countries. The process of creating other multilateral development institutions can be divided into three periods [Wang 2016].

The first period coincided with the decolonization wave of mid-1950s to mid-1970s. The World Bank Group (WBG) was created with the IBRD in its core. It included the International Finance Corporation (IFC) established in 1956 to mobilize private investment for development³, and the International Development Association (IDA) set up in 1960 to provide grants or interest-free loans to the poorest countries⁴.

Apart from the WBG, several regional development banks were created in these two decades, including the Inter-American Development Bank (IDB) in 1959⁵, the African Development Bank (AfDB) in 1963⁶, the Asian Development Bank (ADB) in 1966⁷, and some other major banks, each responsible for promoting economic and social development in respective regions, similar to the IBRD in terms of their governance mechanisms and operational policies, and dominated by developed Western countries.

The second period is associated with the Soviet Union disintegration and fall of communist regimes in Central and Eastern Europe. The European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) established in 1991 to promote market economy in these countries⁸ became the last of the major “traditional” MDBs.

Thus, all previous waves of establishing new MDBs were related to major shifts in the global economic or political landscape. More than 20 years later, the growing demand for infrastructure financing, insufficient potential of “traditional” MDBs to respond to this demand and their terms of funding conditionality, as well as developing countries’

² International Bank for Reconstruction and Development Articles of Agreement (2012). URL: http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215526322295/IBRDArticlesOfAgreement_English.pdf (accessed: 05.11.2016).

³ IFC Strategy & Business Outlook FY17-19: Responding to Economic Volatility. International Finance Corporation (2016). URL: <http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/8d21e87d-8406-4686-94a9-495577291a2c/FY17-19+IFC+SBO+Redaction+Final.pdf?MOD=AJPERES> (accessed: 05.11.2016).

⁴ Articles of Agreement. International Development Association (1960). URL: <http://ida.worldbank.org/sites/default/files/IDA-articles-of-agreement.pdf> (accessed: 05.11.2016).

⁵ Agreement Establishing the Inter-American Development Bank (1996). URL: <http://idbdocs.iadb.org/wsdocs/getdocument.aspx?docnum=781584> (accessed: 05.11.2016).

⁶ Agreement Establishing the African Development Bank (2011). URL: <http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Legal-Documents/Agreement%20Establishing%20the%20ADB%20final%202011.pdf> (accessed: 05.11.2016).

⁷ Agreement Establishing the Asian Development Bank (ADB Charter) (1994). URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/32120/charter.pdf> (accessed: 05.11.2016).

⁸ Agreement Establishing the European Bank for Reconstruction and Development (1991) URL: <http://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/pdf-basic-documents-of-ebrd-2013-agreement.pdf> (accessed: 05.11.2016).

aspiration for a greater influence in the global economic governance reflecting their shares in the world economy led to the creation of the New Development Bank (NDB) and Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). Focused on infrastructure and sustainable development and controlled by emerging market economies, these banks are sometimes referred to as institutions of the new type that can “help rebalance multilateral development finance away from western dominance” [Reisen 2015].

This article explores the new MDBs, discusses the main economic and political incentives that lie behind their creation, examines challenges and opportunities they are likely to face, and provides a forecast of their loan portfolios growth in the coming years.

ORIGINS OF THE NEW DEVELOPMENT BANKS

At the Fortaleza BRICS summit in July 2014, the presidents of five countries signed the Agreement on the New Development Bank⁹. A few months later, on 24 October 2014, more than 20 Asian nations signed a Memorandum of Understanding on the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank¹⁰. The establishment of these institutions with an apparent leadership of emerging economies was perceived as a challenge to the “Bretton Woods global financial order led by the World Bank, IMF and regional multilateral development banks” [Humphrey 2015b]. However, the new institutions birth is the result of economic processes and the response by the NDB and AIIB founders to the demand for infrastructure finance rather than the desire to oppose the existing system.

The main cause for the establishment of new MDBs is persistent lack of investment in infrastructure, especially in developing countries. In the next 15 years, global demand for new infrastructure could reach more than USD 90 trillion [Global Commission on the Economy and Climate 2016]. Other estimates show that annual demand for additional investments in sustainable infrastructure will amount to USD 3 trillion [Standard & Poor’s Ratings Services 2014]. Importantly, a considerable share of the demand for infrastructure investment concentrates in the Asia-Pacific region [Global Commission on the Economy and Climate 2014], reaching up to USD 2.3 trillion, or three quarters of the global figure [Bhattacharya, Romani 2013].

At the same time, according to UNCTAD estimates, world investment in infrastructure in recent years amounted to approximately USD 1 trillion per year, demonstrating a significant financing gap [Griffith-Jones 2014]. The total portfolio of projects financed by major “traditional” MDBs in all areas, not just in infrastructure, in emerging market economies and developing countries is about USD 700 billion. Each year, they make available about USD 100 billion in new investment [European Political Strategy Center 2015], with only USD 40 billion aimed at addressing infrastructure gap [Humphrey 2015a]. Moreover, the share of infrastructure investments by major MDBs fell sharply in 1990—2000s and only slightly increased thereafter (see fig. 1).

⁹ Agreement on the New Development Bank. BRICS (2014). URL: <http://www.ndb.int/download/Agreement%20on%20the%20New%20Development%20Bank.pdf> (accessed: 05.11.2016).

¹⁰ History of AIIB. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <http://euweb.aiib.org/html/aboutus/introduction/history/?show=0> (accessed: 05.11.2016).

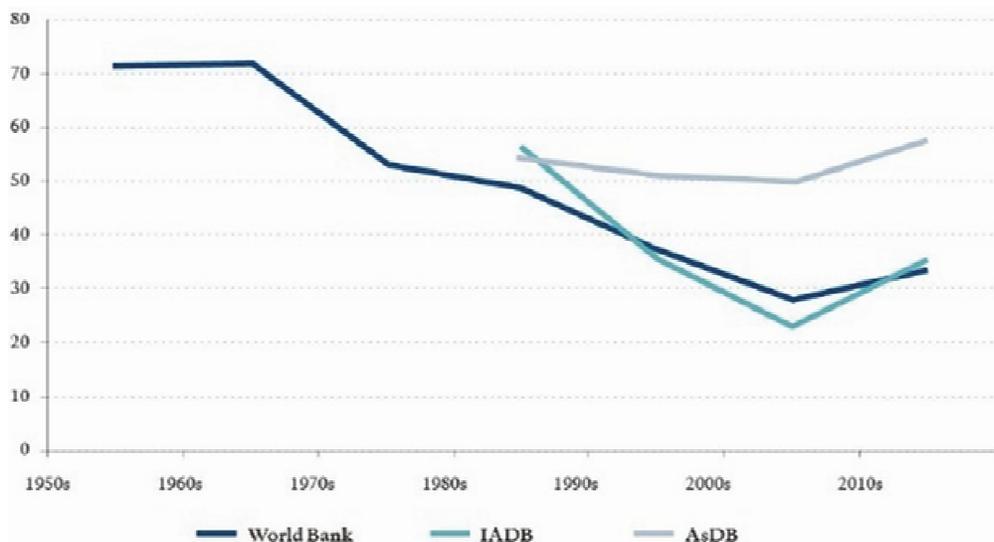

Fig. 1. Share of infrastructure investments by major MDBs, 1950—2013 [Humphrey, 2015b]

The second cause for the new MDBs establishment is a wide imbalance between emerging economies' positions as locomotives of global growth and their representation in traditional international financial institutions, including MDBs. For instance, China's share in the IBRD votes is 4.65 %¹¹, while its share in the global economy exceeds 16 % [IMF 2016]. In addition, reforms aimed at addressing such imbalances are implemented very slowly. The IMF voice and governance reforms agreed in 2010 are a good example.

Finally, founding the new banks emerging countries pursue their national interests by resorting to the NDB and AIIB funds and their capacity to mobilize finance. For example, the Chinese Belt and Road Initiative may benefit from the establishment of the AIIB, as it focuses on connectivity and economic cooperation among China and other Eurasian countries [Lin 2015]. Notably, the bank's inaugural four projects approved by its Board of Directors in June 2016 will be implemented in the countries located along the Belt and Road Initiative route. Accumulation of large reserves in the NDB and AIIB founding members, especially in China, provided an additional impetus for the new institutions establishment. Previously, these reserves accumulated in sovereign wealth funds were mainly invested in bonds and other financial instruments nominated in developed countries' currencies and providing relatively low yields [Griffith-Jones 2011].

These four causes defined almost simultaneous decisions of developing countries and emerging economies to establish the NDB and AIIB, reflecting their aspirations for a greater role in global governance and responding to demand for infrastructure development.

¹¹ IBRD subscriptions and voting power of member countries. URL: <http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215524804501/IBRD-CountryVotingTable.pdf> (accessed: 05.11.2016).

DIFFERENCES FROM “TRADITIONAL” MDBS: ADVANTAGES OR CHALLENGES?

New MDBs are different from traditional ones in terms of their basic characteristics, which reflect the role emerging economies play in the new institutions. For instance, the NDB and AIIB headquarters are located in Shanghai and Beijing respectively, whereas traditional banks are headquartered in developed countries. The main purpose of the NDB is to “mobilize resources for infrastructure and sustainable development projects in BRICS and other emerging economies”¹², The AIIB aims to “foster sustainable economic development, create wealth and improve infrastructure connectivity in Asia”¹³. Though their functions and purposes are similar to those of traditional MDBs, the new banks make a clearer focus on infrastructure.

Governance and voting power

The new banks have less stringent requirements for acceding members. The only limitation in the NDB is the need of the Board of Governors positive decision on accession. AIIB membership is open to all states which are members of the IBRD or ADB, i.e. almost all countries in the world. In contrast, for instance, IBRD membership is conditional to preliminary accession to the IMF. Nevertheless, with the caveat that the NDB and ABII formation still continues, the number of their member is smaller than in traditional MDBs: the NDB includes five states and AIIB-57 (after ratification of the Articles of Agreement), while the IBRD membership has expanded to 189 countries.

Distribution of votes among members also differs in traditional and new MDBs. The simplest mechanism is used in the NDB, where votes are equally distributed. The AIIB uses a combination of basic votes, share votes and Founding Member votes — the mechanism that is similar to the one practiced by major traditional MDBs. However, equally distributed basic votes among members in the AIIB make up 12 % of the total, whereas, for instance, in the IBRD this figure is only 5.55 %¹⁴. Thus, both new and traditional institutions, except the NDB, adopt mechanisms providing for votes for all member countries, regardless of their participation in the share capital. Such arrangements limit the concentration of votes among advanced economies. Still, the share of votes guaranteed for less developed members in the AIIB is larger than in most traditional MDBs.

Another important indicator is the distribution and the minimum share of votes required for making decisions within MDBs. In most cases, decisions in the NDB are made on a simple majority of votes. Such rules preclude the dominance of any of the member countries. In addition, the use of a special majority in solving the most important issues ensures the founders’ leading role in many traditional MDBs. In the AIIB currently the countries with high total subscriptions and voting power have more influence,

¹² Agreement on the New Development Bank. BRICS (2014). URL: <http://www.ndb.int/download/Agreement%20on%20the%20New%20Development%20Bank.pdf> (accessed: 05.11.2016).

¹³ Asian Infrastructure Investment Bank Articles of Agreement (2015). URL: <http://euweb.aiib.org/uploadfile/2016/0202/20160202043950310.pdf> (accessed: 05.11.2016).

¹⁴ IBRD Articles of Agreement: Article V. URL: <http://go.worldbank.org/K4AY7Z56R0> (accessed: 05.11.2016).

as the decisions on most important issues are adopted by a super majority, i.e. three quarters of votes representing not less than three-fourths of the total voting power of the members. Thus China alone with its 26,1 % total votes can block such a supermajority. However, in future Chinese influence is expected to reduce as a result of the membership expansion [Humphrey 2015b]. On the contrary, in the WBG the US with 16.65 % of votes actually has a veto power¹⁵, and in the ADB decision-making is largely dependent on the position of Japan and the US, which jointly account for more than 25 % of votes¹⁶.

Overall, votes in the new MDBs are more equally distributed compared to traditional ones [Faure et al. 2015]. Still, the impact of individual members on decision-making in both types of institutions is largely connected with their financial capacities and, consequently, shares in institutions' capital [Ujvari 2016].

Working principles of governance structures in the new MDBs are markedly different from the traditional ones. In particular, the NDB and AIIB presidents can be representatives of only founding members or regional members, respectively, while the WB Board of Governors can consider candidates who are nationals of the Bank's membership. Boards of Governors and Boards of Directors of both banks are also dominated by their founders [Ujvari 2016].

Another important feature of the NDB and AIIB compared to traditional banks is their compliance with the principle of cost minimization. In particular, members of the Boards of Directors of the two banks do not permanently work in Shanghai and Beijing respectively. This contributes to reducing staff costs and limiting the impact of directors on banks' activities. It also allows accelerating project evaluation and issuing loans, which is of paramount importance for the new banks. On the contrary, in traditional MDBs boards of directors often become the key decision-making centers for everyday activities. The new MDBs increasingly use electronic means of communication, and their meetings are organized "if needed"¹⁷. Limited number of employees is an additional factor of the NDB and AIIB effectiveness. Both institutions are expected to employ up to several hundred people, whereas the ADB has about 3,000 employees, and the World Bank — more than 10,000 [Asia Foundation 2016].

Capital and credit arrangements

Decisions on the original structure of MDBs capital play a significant role in their further development.

In both new banks, the initial authorized capital equals USD 100 billion. The initial subscribed capital in the NDB is set at USD 50 billion¹⁸, while in the AIIB 98.2% of au-

¹⁵ IBRD subscriptions and voting power of member countries. URL: <http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215524804501/IBRDCountryVotingTable.pdf> (accessed: 05.11.2016).

¹⁶ Asian Development Bank 2014 Annual Report. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/158032/adb-annual-report-2014.pdf> (accessed: 05.11.2016).

¹⁷ Asian Infrastructure Investment Bank Articles of Agreement (2015). URL: <http://euweb.aiib.org/uploadfile/2016/0202/20160202043950310.pdf> (accessed: 05.11.2016).

¹⁸ Agreement on the New Development Bank. BRICS (2014). URL: <http://www.ndb.int/download/Agreement%20on%20the%20New%20Development%20Bank.pdf> (accessed: 05.11.2016).

thorized capital is subscribed by members¹⁹. The ratio of paid-in to callable capital is 1 to 4 for both MDBs. To compare, the IBRD subscribed capital exceeds USD 250 billion. 6% of these, or about USD 15.2 billion, are paid-in [Kapur, Raychaudhuri 2013]. In the Inter-American Development Bank, as of end 2015, the subscribed capital reached USD 156.9 billion, paid-in capital — USD 5.7 billion²⁰.

Thus, compared to major traditional MDBs, the NDB and AIIB have higher shares of paid-in capital in subscribed capital. At the same time, payment of subscriptions in the new banks has started only recently. In particular, in the NDB payments will be made every year in seven equal installments. As of 2016, all members have contributed a total of USD 750 mln²¹. In the AIIB, a similar approach is used, and payments are made in five equal installments. However, after the completion of payments in accordance with the established schedule, the AIIB paid-in capital will exceed the current IBRD amount, and the NDB's parameter will be higher than in regional MDBs (ADB, IDB and AfDB).

Alongside with the paid-in capital, MDBs generally use borrowed funds to finance their operations. The proportion between different sources of financing is illustrated by E/L (equity-to-loans) ratio [Humphrey 2015b]. As of 2014, the average E/L ratio for five major traditional MDBs (IADB, ADB, IDB, AfDB and EBRD) stood at 37.5 %, i.e. only about a third of the banks' operations were financed using their own funds. The IBRD was the most active among these banks in borrowing funds with the E/L ratio of 25.3 %. The EBRD ratio was the highest at 54.8 % [Moody's 2015].

These banks actively borrow on global capital markets. According to the IBRD, in the second half of 2015 it attracted USD 19.4 billion on capital markets. These borrowings were denominated in 17 currencies, indicating high investors' interest in the Bank's bonds²².

In addition to paid-in subscriptions, MDBs' equity includes reserves, which are often quite large. For instance, as of end-2015, IBRD accumulated reserves exceeded the contributions of its shareholders²³. From 1945 to 2013 the IBRD provided the volume of loans about 45 times higher than its paid-in capital, which demonstrates its activeness in attracting external financing [Ujvari 2016].

Overall, increase in NDB and AIIB resources to levels comparable with traditional MDBs is limited by three factors. First, payment of capital subscription will take several years in accordance with the agreed procedures. Second, the new banks have not yet

¹⁹ Asian Infrastructure Investment Bank Articles of Agreement (2015). URL: <http://euweb.aiib.org/uploadfile/2016/0202/20160202043950310.pdf> (accessed: 05.11.2016).

²⁰ Inter-American Development Bank 2015 Annual Report. URL: <https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7554/IDB-Annual-Report-2015-The-Year-in-Review.pdf?sequence=5> (accessed: 05.11.2016).

²¹ BRICS pay in 1st tranche of \$750 mn to BRICS Bank capital. New Development Bank. 14.01.2016. URL: [http://www.ndb.int/brics-pay-in-1st-tranche-of-\\$750-mn-to-brics-bank-capital.php](http://www.ndb.int/brics-pay-in-1st-tranche-of-$750-mn-to-brics-bank-capital.php) (accessed: 05.11.2016).

²² Management's Discussion & Analysis and Condensed Quarterly Financial Statements. International Bank for Reconstruction and Development (2015). URL: http://treasury.worldbank.org/cmd/pdf/IBRD_MDA_and_Financial_Statements_December_2015.pdf.pdf (accessed: 05.11.2016).

²³ Ibid.

accumulated sufficient reserves. Third, the NDB and AIIB still have to build their reputation to operate effectively in international capital markets. Despite these limitations, both banks aim to resort to capital markets. In July 2016, the NDB issued green bonds worth about USD 450 mln²⁴. The AIIB has not yet announced any decisions concerning external funding, however, the bank's President Jin Liqun highlighted investors' interest in the AIIB and noted that the bank will be able to attract up to USD 20—30 billion on the Chinese market²⁵.

Credit ratings will affect the prospects of attracting additional resources by the new MDBs. While traditional MDBs are assigned the highest ratings from the world's leading rating agencies [Faure et al. 2015], the new banks have not yet succeeded in this area. However, it is clear that both of them work in this direction. The NDB is currently choosing between the possibilities of obtaining the AAA or AA credit rating²⁶. The main difficulty for the new banks arises from the connection of their potential credit ratings with the state of the member economies, their sovereign ratings and investors' confidence. Thus, reduction of Russian and Brazilian sovereign ratings in 2015 is a negative factor for the NDB. At the same time, Chinese agencies China Lianhe Credit Rating and Chengxin International Credit Rating have assigned their highest ratings to the NDB.

The AIIB currently has no international credit rating. However, participation of developed countries with high sovereign ratings (such as AAA of Australia and Germany)²⁷ will potentially help to improve investors' confidence.

In the area of financing standards and instruments, the new banks are drawing on the experience of traditional MDBs. At the same time, there are differences in sectoral focus and geographic priorities between the two groups. Thus, sectoral priorities of the new banks meet the immediate needs of potential borrowers, while the range of projects implemented by traditional MDBs is wider.

As for geographic priorities, both new banks intend to finance projects in their member countries in the near future. It is assumed, however, that in the longer term they will expand their geographical coverage, especially the NDB, given a strong need to improve its members' average credit rating. As a result, both banks have revealed plans to attract new members in 2017²⁸.

²⁴ BRICS bank issues RMB green bonds. The State Council of China. 20.07.2016. URL: http://english.gov.cn/news/top_news/2016/07/20/content_281475397923386.htm (accessed: 05.11.2016).

²⁵ AIIB says could rely on Chinese investors if ratings unfair. Reuters (2015). URL: <http://www.reuters.com/article/us-aiib-china-idUSKCN0RH27E20150917> (accessed: 05.11.2016).

²⁶ New Development Bank to Receive International Investment Rating by Q3, 2016 — Russia's Finance Ministry. URL: <http://www.ndb.int/new-development-bank-to-receive-international-investment-rating-by-q3-2016-russias-finance-ministry.php> (accessed: 05.11.2016).

²⁷ Credit Rating. Trading Economics. URL: <http://www.tradingeconomics.com/country-list/rating> (accessed: 05.11.2016).

²⁸ AIIB says more than 30 countries await membership. Asia Times. 25.03.2016. URL: <http://atimes.com/2016/03/aiib-says-more-than-30-countries-await-membership> (accessed: 05.11.2016).

The new development banks will likely face a high demand for financing from potential borrowers. Although they do not plan to provide interest-free loans similar to concessional windows of the leading traditional MDBs, they have an important advantage with regard to the terms of their lending. The new banks do not impose additional, non-financial, requirements on the borrowing countries, related to changes in their domestic economic policies, implementation of reforms, etc., often set by traditional development banks. This difference in their credit policies of the NDB and AIIB is one of the most important features that characterize the new MDBs as institutions seeking to ensure a more equitable international financial system based on the principle of respect for the interests of all member countries.

Basic loan conditions, i.e. direct costs of loans for borrowers, offered by the new MDBs, according to information available at the moment, are comparable or even more attractive than in traditional banks (however, an important caveat is that the new banks do not provide preferential long-term interest-free loans). For instance, the AIIB charges a fixed spread to LIBOR ranging from 0.75 % to 1.4 % depending on the average maturity of loans²⁹.

Another important feature is the new banks' intention to denominate their proposed borrowing instruments in national currencies of developing countries, whereas large traditional MDBs provide loans denominated in the most popular and stable currencies, including the US dollar, euro, Japanese yen and British pound. In addition, according to the NDB Articles of Agreement, in future an opportunity will be provided for countries to repay loans in their local currencies, even if they are not the same as the loan currencies³⁰.

Overall, the described differences from traditional MDBs in terms of governance, capital and financing arrangements can help the new development banks become “a valuable platform for... advancing reforms in the international financial and development architecture that favor developing and emerging countries in general” [Griffith-Jones 2014]. The next section aims to assess the NDB and AIIB potential loan portfolios, as well as their role in the international financing reform.

POTENTIAL ROLE OF THE NEW DEVELOPMENT BANKS: ADDRESSING INFRASTRUCTURE GAP AND STIMULATING REFORMS IN MULTILATERAL FINANCING

Given that the core mission of both NDB and AIIB is to provide sustainable infrastructure investment in member countries that will narrow the existing financing gap, it is important to assess their potential loan portfolios and compare them with infrastructure investments of traditional MDBs.

²⁹ Sovereign-Backed Loan and Guarantee Pricing. Asian Infrastructure Investment Bank (2016). URL: <http://www.aiib.org/uploadfile/2016/0226/20160226062223493.pdf> (accessed: 05.11.2016).

³⁰ Agreement on the New Development Bank. BRICS (2014). URL: <http://www.ndb.int/download/Agreement%20on%20the%20New%20Development%20Bank.pdf> (accessed: 05.11.2016).

Based on the analysis of NDB and AIIB differences from traditional banks, and potential benefits and challenges they can bring, two scenarios are examined: basic and optimistic. The methodology used for assessment is based on the work of Chris Humphrey projecting the financial capacity of the two banks based on their announced shareholder capital and likely financial performance determined by membership, governance arrangements and other factors [Humphrey 2015b]. However, recent developments in both banks are taken into account. The following common assumptions are used for the forecast under both scenarios.

As the demand for infrastructure investment is growing, the authors expect that the new banks will channel all resources available to finance their operations. At the same time, repayment of loans by borrowers is expected to be made on time. Taking into consideration the 3 to 7-year grace periods offered by the AIIB and NDB in the framework of projects approved to date, the new MDBs are assumed to accumulate a net income after four years of their operation.

Total shareholder equity of both banks is set to include members' contributions made in accordance with the agreed timelines and accumulated reserves. The assumed equity-to-loans ratios (E/L) for each bank under different scenarios allow make forecasts for the new MDBs loan portfolios. The E/L projections draw on the traditional MDBs experience as described in the section above.

Under the basic scenario, the NDB is assumed to attract new members from the group of middle-income countries in need of infrastructure investment, such as Indonesia, Turkey or Nigeria. These new members will provide an increase in the bank's paid-in capital. Despite reports on negotiations with 10 or even 15 potential members, dominance of BRICS countries in the NDB governance and capital will likely prevent some of them from accession. As a result, it is assumed that several new members that will join the NDB in 2017 and 2018³¹ will provide an increase in its subscribed capital equal to USD 25 billion. Given the proportion between paid-in and callable capital, the former will thus increase by USD 5 billion. Additional subscriptions are expected to be paid in five equal installments of USD 1 billion starting from 2018.

Under the same scenario, the outlook for the AIIB paid-in capital increase is more favorable given its ambitious plans for attracting new members and potential additional subscriptions of existing members with large reserves, such as China. Consequently, additional AIIB paid-in capital is expected to reach USD 50 billion. The payment of new subscriptions by new and existing members is also assumed to be provided in five equal installments starting from 2018.

Given the NDB potential difficulties in attracting low-cost financing on capital markets while maintaining interest rates for borrowing countries comparable to or even lower than those offered by traditional MDBs, it is assumed to accumulate less reserves than the AIIB. Thus, the return to equity ratio illustrating the bank's net income is set equal to 3.5 % for the AIIB and 3 % for the NDB. As previously discussed, both banks are expected to accumulate net income starting from end 2019.

³¹ Anton Siluanov: BRICS Bank to determine the conditions for new members accession in 2017. Joint Site of Ministries of Foreign Affairs of BRICS Member States. 20.04.2016. URL: <http://infobrics.org/ru/blog/news/2016/04/20/13597> (accessed: 05.11.2016).

Finally, the new banks' prospects of attracting financing on capital markets are considered. Given the average E/L ratio of 37.5 % for major traditional MDBs, the same figure is used for making the AIIB loan portfolio forecast. Despite its active work on obtaining international credit ratings, the NDB will likely face less favorable terms of external financing. Thus, its E/L ratio is assumed to equal 54.8 % (the lowest figure of five major traditional MDBs).

Based on these assumptions, the AIIB loan portfolio is projected to grow steadily to reach approximately USD 97 billion in 2025 (see fig. 2).

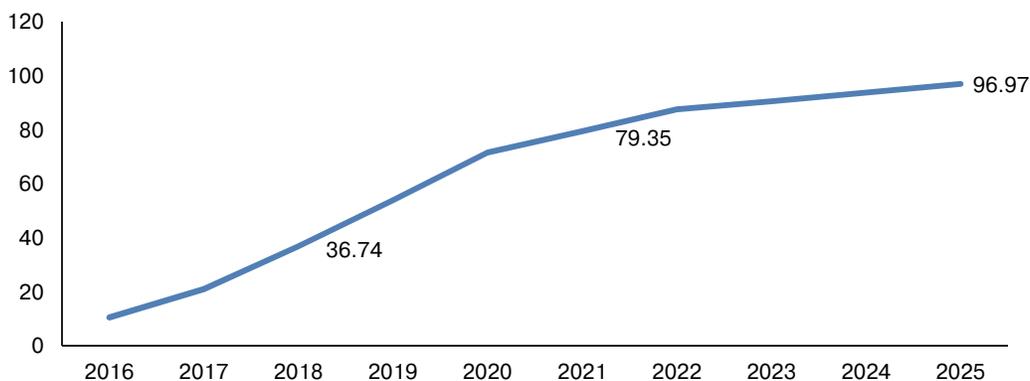

Fig. 2. Basic forecast of the AIIB loan portfolio growth, USD billion (authors' estimations)

Under the same assumptions, the NDB loan portfolio is forecast to exceed USD 31 billion by 2025 in the basic scenario (see fig. 3).

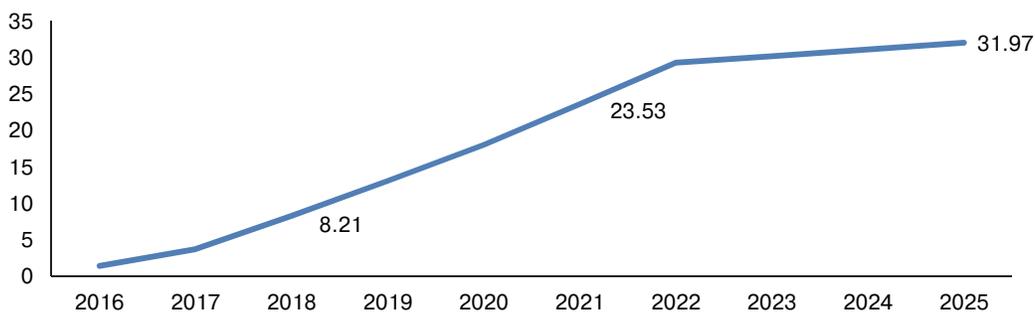

Fig. 3. Basic forecast of the NDB loan portfolio growth, USD billion (authors' estimations)

Proceeding from the same basic assumptions, the optimistic forecast takes a more positive outlook for the new banks' capacities to attract external funding. For the NDB, it is expected that more new members with substantial reserves will accede and therefore additional subscriptions will amount to USD 50 billion, or all the authorized capital not subscribed yet. In addition, if both NDB and AIIB succeed in getting high credit ratings from the world's leading rating agencies, the E/L ratio for the NDB may be set

equal to 37.5 %, while the figure for the AIIB could reach 25.3 % (the lowest ratio among five major traditional MDBs, meaning large borrowings on international capital markets).

Under these optimistic assumptions, the AIIB loan portfolio is expected to reach about USD 143 billion (see fig. 4).

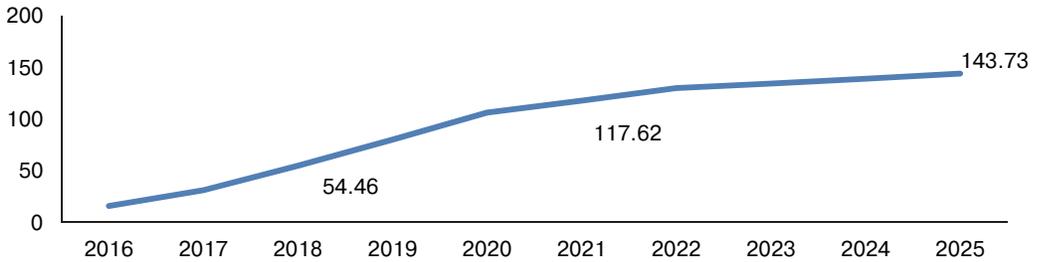

Fig. 4. Optimistic forecast of the AIIB loan portfolio growth, USD billion (authors' estimations)

The NDB portfolio in this case could grow in a larger proportion and almost double compared to the basic scenario. Still, it is likely to remain smaller than in the AIIB (see fig. 5).

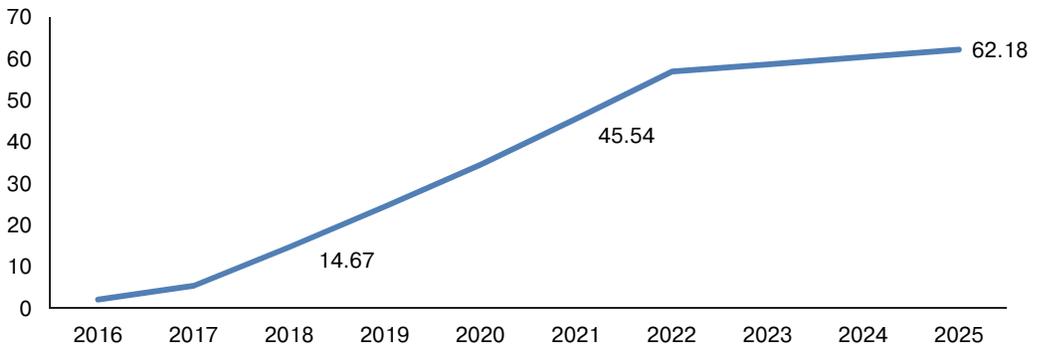

Fig. 5. Optimistic forecast of the NDB loan portfolio growth, USD billion (authors' estimations)

Despite the projected rapid growth, currently the loan portfolios of new and traditional development banks are very different in scope. For example, in FY 2015 the IBRD-approved operations totaled USD 23.5 billion³². On 15 April 2016, the NDB approved its first loans for projects in 4 BRICS countries worth USD 811 million, and then decided to finance the construction of two hydropower plants in Karelia worth USD 100 million. The AIIB is estimated to finance projects with a total worth of USD 1.2 billion in 2016³³. However, given that the new MDBs have only recently

³² World Bank Fiscal Year Data (2016). URL: <http://www.worldbank.org/en/about/annual-report/fiscalyeardata> (accessed: 05.11.2016).

³³ AIIB and World Bank sign first Co-Financing Framework Agreement. AIIB. 13.04.2016. URL: http://euweb.aiib.org/html/2016/NEWS_0414/99.html (accessed: 05.11.2016).

launched their operations, these results can be considered as success. Less than a year passed between the NDB and AIIB official launch and the start of their operations. This is an unprecedentedly short period in comparison with traditional development banks, where it takes about two years on average [Ujvari 2016].

In ten years, even under a less optimistic forecast, the NDB loan portfolio can exceed USD 31 billion, and AIIB — USD 96 billion. In case of favorable conditions for the new banks and strong confidence among investors, these figures can reach USD 62 billion and USD 143 billion, respectively. To compare, as of end-2015, the ADB loan portfolio reached USD 73 billion³⁴, and the IBRD — about USD 155 billion³⁵.

Given the NDB and AIIB aspiration for closer partnerships with commercial banks focused on infrastructure and other MDBs, signing of several documents specifying potential areas of this cooperation, including co-financing of projects, and details of projects already approved by the AIIB, it is expected that in future private and public investors will provide co-financing in equal proportions with the new development banks.

Another important implication of the NDB and AIIB establishment is that they can act as catalysts for the international financial system reform. Being a potentially strong alternative to the traditional MDBs, even without direct competition the new banks can stimulate them to reform governance and change operational modalities. In contrast to traditional MDBs, the AIIB and NDB promote greater equality among members in terms of their representation in capital, votes and governing structures. Thus, to preserve their legitimacy traditional MDBs will have to consider interests of the developing members. In addition, both new banks aim to be “lean, clean and green”³⁶. Their non-resident governing bodies meeting upon necessity and small staff provide a comparative advantage over traditional MDBs with substantial administrative costs. Therefore, compared with slower and less flexible IBRD and other old banks, the new MDBs could offer faster and seamless approval and implementation of projects, and greater overall efficiency of their operations. These competitive advantages are likely to cause changes in traditional MDBs and thus improve the general effectiveness of the multilateral development institutions system and development financing.

Additionally, the NDB and AIIB focus on infrastructure and the rapid expansion of their operations in line with the presented forecasts could revive the traditional MDBs’ interest in infrastructure financing, thus complementing efforts of other multilateral institutions, such as the G20 which made infrastructure connectivity and promoting cooperation among different actors in the area one of its main priorities since Russia’s presidency in 2013, culminating in the launch of the G20 Infrastructure Connectivity Alliance during the Chinese presidency in 2016.

³⁴ Asian Development Bank Quarterly Portfolio Update as of 31 December 2015. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/181407/in60-16.pdf> (accessed: 05.11.2016).

³⁵ Information Statement. International Bank for Reconstruction and Development (2016). URL: <http://treasury.worldbank.org/cmd/pdf/InformationStatement.pdf> (accessed: 05.11.2016).

³⁶ China-Led Development Bank AIIB Will be Lean, Clean and Green, Says its President. The Wall Street Journal. 2016. URL: <http://www.wsj.com/articles/china-led-development-bank-will-be-lean-clean-and-green-says-head-1453479933> (accessed: 05.11.2016).

The NDB and AIIB have become the first major MDBs established since 1991, when the EBRD was created. The emergence of these new institutions provides an opportunity for successfully addressing two challenges: persistent global deficit of investments in creating new and maintaining existing infrastructure, and strengthening the representation and voice of developing countries and emerging economies in the global financial system, particularly in the area of financing for development.

Researchers often draw analogies between the new development banks and traditional MDBs, in particular the World Bank. Such comparisons are based on the commonality of objectives and geographical priorities of two groups of MDBs. This article demonstrates that despite some differences between the new and traditional development banks in their governance, capital and financing models, these two groups will cooperate and complement each other rather than compete. The new banks are still at the early stages of their development and are focused exclusively on financing infrastructure projects, while the leading traditional MDBs are typically active in several areas, and their investments in infrastructure on average constitute 30 % to 50 % of operations [Faure et al. 2015]. In addition, the new banks support the principles of sustainable and responsible financing, and seek to develop cooperation and exchange experience with other banks, especially in the AIIB case. Thus, the differences between the new and traditional MDBs are currently unlikely to give rise to any conflicts or increase direct competition.

Even in ten years the contribution of the NDB and AIIB will be insufficient to substantially narrow the gap in infrastructure financing. In this regard, the potential of the new banks can obviously be used most effectively if they cooperate with traditional MDBs. The documents of the two new banks provide for such cooperation. AIIB Articles of Agreement mention collaboration with other institutions as one of the main objectives of the bank³⁷, and most projects already approved are co-financed by traditional MDBs.

The new banks can act as catalysts for the international financial system reform and make traditional MDBs more responsive to the needs of developing countries. In order to develop in accordance with the optimistic scenario presented in this article, the new MDBs should adhere to their basic alternative principles, but also rely on the experience of traditional banks in areas where they have proved their effectiveness. These include exchange of experience on selection of projects, social and environmental safeguards, and monitoring results.

REFERENCES

Asia Foundation (2016). *New Asian Infrastructure and Investment Bank Breaks Ground: What You Need to Know*. URL: <http://asiafoundation.org/2016/01/27/new-asian-infrastructure-and-investment-bank-breaks-ground-what-you-need-to-know> (accessed: 05.11.2016).

Bhattacharya, A., Romani, M. (2013). *Meeting the Infrastructure Challenge: The Case for a New Development Bank*. Presentation prepared for the G-24 Technical Group Meeting. URL: http://g24.org/wp-content/uploads/2014/03/Session-4_2.pdf (accessed: 05.11.2016).

³⁷ Asian Infrastructure Investment Bank Articles of Agreement (2015). URL: <http://euweb.aiib.org/uploadfile/2016/0202/20160202043950310.pdf> (accessed: 05.11.2016).

European Political Strategy Center (2015). *The Asian Infrastructure Investment Bank. A New Multilateral Financial Institution or a Vehicle for China's Geostrategic Goals*. EPSC Strategic Notes, Issue 1, 24 April 2015. URL: http://ec.europa.eu/epsc/pdf/publications/strategic_note_issue_1.pdf (accessed: 05.11.2016).

Faure, R., Prizzon, A., Rogerson, A. (2015). *Multilateral development banks: a short guide*. ODI. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/10650.pdf> (accessed: 05.11.2016).

Global Commission on the Economy and Climate (2014). *Better Growth, Better Climate*. URL: <http://newclimateeconomy.report/2014> (accessed: 05.11.2016).

Global Commission on the Economy and Climate (2016). *The Sustainable Infrastructure Imperative*. URL: <http://newclimateeconomy.report/2016> (accessed: 05.11.2016).

Griffith-Jones, S. (2011). *South-South Financial Cooperation*. Background Paper no. 2 to UNCTAD's Least Developed Countries Report. URL: <http://www.stephanygj.net/papers/SOUTHSOUTHFİNANCIAL COOPERATION2012.pdf> (accessed: 05.11.2016).

Griffith-Jones, S. (2014). *A BRICS Development Bank: a Dream Coming True?* UNCTAD Discussion Paper No. 215. March 2014. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/osgdp20141_en.pdf (accessed: 05.11.2016).

Humphrey, C. (2015a). *Challenges and Opportunities for Multilateral Development Banks in 21st Century Infrastructure Finance*. The Global Green Growth Institute and the Intergovernmental Group of Twenty Four on Monetary Affairs and Development (G-24). URL: https://www.academia.edu/14934974/Challenges_and_Opportunities_for_Multilateral_Development_Banks_in_21st_Century_Infrastructure_Finance?auto=download (accessed: 05.11.2016).

Humphrey, C. (2015b). Developmental Revolution or Bretton Woods Revisited? The prospects of the BRICS New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank. Overseas Development Institute Working Paper No. 418. Available at: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/9615.pdf> (accessed: 05.11.2016).

International Monetary Fund (2016). *World Economic Outlook. Too Slow for Too Long*. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/pdf/text.pdf> (accessed: 05.11.2016).

Kapur, D., Raychaudhuri, A. (2013). *Rethinking the Financial Design of the World Bank*. Institute for International Law and Justice. April 2013. URL: <http://www.iilj.org/newsandevents/documents/kapur.pdf> (accessed: 05.11.2016).

Lin, J.Y. (2015). "One Belt and One Road" and Free Trade Zones — China's New Opening-up Initiatives. *Frontiers of Economics in China*, Vol. 10, Issue 4, pp. 585—590. URL: <http://journal.hep.com.cn/fec/EN/abstract/abstract16222.shtml#1> (accessed: 05.11.2016).

Moody's (2015). *African Development Bank*. URL: http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Financial-Information/Moodys_Rating_2015.pdf (accessed: 05.11.2016).

Reisen, H. (2015). Will the AIIB and the NDB Help Reform Multilateral Development Banking? *Global Policy*, 6(3), pp. 297—304. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1758-5899.12250/epdf> (accessed: 05.11.2016).

Standard & Poor's Ratings Services (2014). *Global Infrastructure: How to Fill a \$500 Billion Hole*. URL: <http://www.engagedinvestor.co.uk/Journals/2014/01/30/n/a/q/How-To-Fill-A.pdf> (accessed: 05.11.2016).

Ujvari, B. (2016). *The European Union and the China-Led Transformation of Global Economic Governance*. Egmont Paper 85. URL: <http://www.egmontinstitute.be/wp-content/uploads/2016/06/ep85.pdf> (accessed: 05.11.2016).

Wang, H. (2016). *New Multilateral Development Banks: Opportunities and Challenges for Global Governance*. Part of Discussion Paper Series on Global and Regional Governance of the Council on Foreign Relations. URL: http://i.cfr.org/content/publications/attachments/Discussion_Paper_Wang_MDBs_OR.pdf (accessed: 05.11.2016).

Received: 10.11.2016

Acknowledgments: The article is published within the framework of a research project “The prospects of the New Development Bank and Asian Infrastructure Investment Bank and their potential role in transforming the global financial architecture” (2016) of the Center for International Institutions Research (CIIR) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

For citations: Larionova, M.V., Shelepov, A.V. (2016). Potential Role of the New Development Bank and Asian Infrastructure Investment Bank in the Global Financial System. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 700—716.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-700-716

НОВЫЙ БАНК РАЗВИТИЯ И АЗИАТСКИЙ БАНК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия

В статье рассмотрены два недавно созданных многосторонних банка развития, в которых ключевые роли играют страны с динамично растущей экономикой — Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Авторы исследуют основные экономические и политические стимулы создания новых банков, анализируют возможности и вызовы, с которыми они могут столкнуться в процессе своего развития, а также предлагают прогноз роста их кредитных портфелей в ближайшие годы. На основе прогноза авторы приходят к выводу, что через 10 лет новые многосторонние банки смогут обеспечить финансирование инвестиций в инфраструктуру на уровне, сопоставимом с показателями традиционных институтов, работающих в данной сфере.

Для развития в соответствии с оптимистичным сценарием новые банки должны придерживаться своих собственных, отличных от традиционных банков, базовых принципов, в то же время используя опыт традиционных институтов в тех областях, где они демонстрируют эффективность. Немаловажно, что помимо содействия устранению глобального дефицита инфраструктурных инвестиций такая стратегия может стимулировать традиционные банки к реализации реформ управления и изменению операционных подходов с целью более полного учета интересов развивающихся стран.

Ключевые слова: многосторонние банки развития, Новый банк развития (НБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), БРИКС, глобальная финансовая архитектура, инвестиции, инфраструктура.

Дата поступления статьи: 10.11.2016

Благодарность: Публикация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы «Анализ перспектив Нового банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и их потенциальной роли в трансформации глобальной финансовой архитектуры» (2016 г.) Центра исследований международных институтов РАНХиГС.

Для цитирования: *Larionova M.V., Shelepov A.V.* Potential Role of the New Development Bank and Asian Infrastructure Investment Bank in the Global Financial System // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 4. С. 700—716.

© Ларионова М.В., Шелепов А.В., 2016

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-717-725

ИНДИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Интервью с АНДРЕЕМ ГЕННАДЬЕВИЧЕМ ВОЛОДИНЫМ, доктором исторических наук, главным научным сотрудником Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), директором Центра евразийских исследований, профессором Дипломатической академии МИД Российской Федерации

Интервью с профессором А.Г. Володиным, ведущим российским востоковедом, индологом, экспертом в области международных отношений и внешней политики, включает ответы на три группы вопросов: определение места и роли современной Индии в мировой политике и международных отношениях, оценка потенциала и перспектив развития российско-индийских отношений, ситуация в российской индологии, актуальные задачи изучения Индии в России. Давая характеристику внешней политики Индии, особое внимание А.Г. Володин уделяет рассмотрению принципов, которыми руководствуется Дели в процессе принятия внешнеполитических решений и выстраивания отношений с Россией, США и Китаем. Как подчеркивается в интервью, Индия сохраняет огромный интерес к Рос-

сии и готова к активному участию в реализации проектов сотрудничества на пространстве евразийской интеграции. Это является императивом более динамичного развития и вовлеченности в процессы стратегического планирования для отечественной индологии.

Ключевые слова: Индия, российско-индийские отношения, индийско-американские отношения, индология в России.

— **Каковы приоритеты современной внешней политики Индии на страновом уровне и в мире?**

— В связи с распадом монополярного мира, Pax Americana, на международной арене выделяются новые значимые игроки или, если употребить удачный термин Уолта Ростоу¹ «страны критической массы» (powers of critical margins) [Ros-

¹ Уолт Уитмен Ростоу — американский экономист и политический мыслитель, профессор Массачусетского технологического института, автор теории стадий экономического роста, советник президента США по национальной безопасности в 1966—1969 гг.

tow 1998], в число которых входит и Индия. Еще в конце 1971 г. президент США Р. Никсон, не без влияния своего советника по национальной безопасности, а в дальнейшем государственного секретаря Г. Киссинджера описал пятицентричную структуру международных политических отношений, которая основывалась на США, СССР, Западной Европе, Японии и Китае. К настоящему времени к этим пяти центрам присоединились с различным успехом еще две страны: Индия и Бразилия. Я бы не стал абсолютизировать внутренние проблемы последней, огромный потенциал которой поможет выбраться ей из текущего кризиса.

Мы видим, что сейчас Индия пытается вести себя не как региональная, а как супер-региональная держава. Другими словами, интересы Дели распространяются на зону бассейна Индийского океана, включая его западную часть — страны Восточной Африки и Западной Азии — и страны Южных морей, включая Юго-Восточную Азию. Это подтверждает и тот факт, что Индия косвенно участвует в противоречиях вокруг Южно-китайского и Восточно-китайского морей.

— На ваш взгляд, какую роль должна сыграть Индия в современной мировой политике?

— Думаю, что стабилизирующую. С начала 2000-х гг. существует формат взаимодействия ИБСА (IBSA — India, Brazil, South Africa). Смыслом существования такого формата является создание некой альтернативы существующей в современном мире моноцентричной системе международных отношений. В рамках этого экспериментального объединения отрабатываются схемы взаимоотношений, которые, как мне кажется, строятся на базе теории «свободной геометрии международных отношений» (*loose geometry of international relations*)². Смысл этой теории сводится к тому, что страны объединяются не по идеологическому принципу, а по интересам, которые могут совпадать в одних вопросах и расходиться в других. Мне кажется, что Индия пытается играть эту роль. При этом следует подчеркнуть одну из важнейших экзистенциальных ценностей для внешней политики Индии, идущую от Джавахарлала Неру, это так называемая стратегическая автономия (*strategic autonomy*) Индии на международной арене. Под этим термином подразумевается неограниченная международная политическая субъектность в системе межгосударственных отношений. Индия не должна тяготеть ни к Соединенным Штатам, ни к России, ни к Китаю, а добиваться достижения своих внешнеполитических целей, используя баланс сил.

— Один из величайших политических успехов Индии после обретения независимости состоял в ревностной защите демократических ценностей. Влияет ли приверженность Индии демократическим ценностям на внешнеполитический курс Дели?

— Вы совершенно верно заметили, что Индия всегда ревностно защищала демократические ценности, потому что демократические ценности не имели альтернативы. Индийское общество слишком сложно организовано и в экономико-

² Volodin A. Russia and India in “the loose geometry of world politics”, 2012. URL: https://in.rbth.com/articles/2012/03/26/russia_and_india_in_the_loose_geometry_of_world_politics_15250 (accessed: 28.11.2016).

укладном отношении, и в отношении региональных, этнолингвистических и конфессиональных различий. В этих условиях демократические ценности — это та система, которая наилучшим образом отражает все это многообразие и позволяет Индии формулировать свои задачи как во внутренней, так и во внешней политике.

Что касается периода после окончания холодной войны, то тут есть очень важная особенность индийской политики, заключающаяся в том, что Индия никогда и никому эти ценности не навязывала. Курса наподобие американского «продвижения демократии» (*democracy promotion*) в Индии никогда не было. Однако есть нюансы, связанные с современным состоянием государств Средней Азии, ранее входивших в состав Советского Союза. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Индия была существенно обеспокоена дезинтеграцией Советского Союза и особенно положением в бывшей советской Средней Азии. Дели считал, что российский, а затем советский колониализм создал в этом регионе систему секулярной государственности и светских элит. Эти политические институты сдерживали распространение идей радикального исламизма. Распад Советского Союза показал, что тревоги Индии оказались небезосновательны. И поэтому перед Дели встала задача защиты демократических ценностей, точнее говоря, светских политических устоев в политических системах Средней Азии.

Смерть президента Узбекистана Ислама Каримова вызвала значительную озабоченность у индийского руководства, связанную с политическим процессом передачи власти. Такие же опасения возникают и касательно будущего политического процесса в Казахстане. Если мы посмотрим на положение дел в Киргизии и Таджикистане, здесь возникает еще больше вопросов. Что делают индийцы, чтобы нивелировать риск дестабилизации региона? Они стараются распространять свои ценности, свое влияние, которое было традиционно сильно в Средней Азии. В советские времена мало какая индийская делегация, приезжавшая по линии межакademического обмена, обходила стороной среднеазиатские республики. Так, например, в Узбекистане открывались кафедры изучения истории и политики Индии, приглашались преподаватели из Индии. Сохранение в Средней Азии секулярной государственности и светского образа жизни — это одно из важных направлений распространения демократических идей Индии.

Если мы говорим о предоставлении международной помощи, то сейчас усилия Дели в первую очередь сосредоточены именно на Средней Азии. Индия была удовлетворена тем, что такие страны — получатели помощи, как Бангладеш и Мьянма, переходили к гражданской форме правления. Также индийцы заинтересованы в том, чтобы в соседнем Непале политический процесс проходил по предсказуемой траектории. Это, пусть, и небольшой ареал индийского влияния, но зато он связан с национальными интересами.

— Индийско-американские отношения насчитывают несколько десятков лет. Не всегда они были теплыми, но после распада СССР в Индии началась переоценка ее отношений с США. В последнее десятилетие стал происходить процесс сближения обеих стран. На ваш взгляд, какие перспективы для Индии имеют эти отношения?

— В годы холодной войны Советский Союз был главным союзником Индии, и когда он столь неорганизованно и хаотично распался, это нанесло удар по южноазиатскому государству и другим нашим партнерам. Дели начинает искать противо-

вес усилившемуся влиянию Китая. В 1990-х гг. начался китайский экономический бум, и Индия понимала, что он может вылиться в политическую активность на международной арене.

Индия сделала ставку на два направления в политике: с одной стороны, это так называемая Look East Policy (сейчас Act East Policy). Суть ее заключается в том, что Индия двинулась на восток, пытаясь решать свои экономические проблемы и уравновесить влияние Китая в странах южных морей. Эта политика возымела определенный успех, особенно успешно развиваются, как мы видим, отношения Индии с Вьетнамом.

Что касается западного направления, в Индии сложилось представление о том, что однополярный мир — это всерьез и надолго. Позиции Российской Федерации значительно ослабли, и угроза со стороны растущего Китая побудила индийскую политическую элиту искать сближения с США. Процесс сближения начался с визита президента Клинтона в Индию. До этого, конечно, были противоречия вокруг индийских военных ядерных испытаний, но постепенно негативный фон ослабел. И сейчас, очевидно, отношения развиваются по нарастающей. Важно обратить внимание на то, что у этих отношений есть динамичные движущие силы. Это, с одной стороны, частный корпоративный сектор Индии, а, с другой стороны, индийская община в США, весьма преуспевающая с точки зрения своего материального положения. Последние уже вросли корнями в США и при этом сохранили прочные связи со своей исторической родиной. Эта политическая сила насчитывает более 3 млн человек, и ни одна американская администрация не будет игнорировать их мнение.

Индийско-американские отношения будут развиваться и в будущем. Но я думаю, что у индийской политической элиты хватит благоразумия, чтобы использовать преимущества модели свободной геометрии отношений, и, с одной стороны, продвигать свои интересы, а с другой — не ставить под вопрос свою стратегическую автономию.

— Индия — давний и надежный партнер России. Российско-индийские отношения имеют долгую и богатую историю. Они никогда не были омрачены войнами или конфликтами. Две страны стремятся к единой цели — созданию многополярного мира. В каких сферах сотрудничество России и Индии развивается сейчас наиболее успешно?

— Действительно, и Россия, и Индия стремятся к созданию многополярного мира. Пожалуй, это их главная объединяющая черта. Их деятельность в этом направлении сейчас координируется на полях различных международных организаций, главным образом в ООН.

Во время визита В.В. Путина в Индию премьер-министр Моди оказал недвусмысленную поддержку усилиям России на международной арене. Это была прагматическая поддержка. Индия, развивая отношения с государствами Западной Азии, не заинтересована в том, чтобы этот регион находился в состоянии постоянной турбулентности, значительная часть поступлений в индийский бюджет поступает в форме денежных переводов от индийцев, работающих преимущественно в странах Залива. Так что Индия заинтересована в стабилизации ситуации в данном регионе и готова сотрудничать по этому направлению с Россией.

По моим сведениям, Индия готова участвовать после окончания конфликта в Сирии в некоторых проектах по ее восстановлению, перечень которых пока не уточняется. И Индия, конечно, заинтересована, по стратегическим соображениям, в сохранении единства и территориальной целостности Сирии.

Что касается наших политических связей, мир сейчас так устроен, что они обязательно должны быть дополнены эффективными внешнеэкономическими связями. И если государственные институты России и Индии отрабатывают задачу по развитию двусторонних отношений на 90—95 % своей мощности, то роль бизнеса, к сожалению, пока практически не видна. Но роль бизнес-сообщества будет заметной в случае государственной институциональной и консультационной поддержки (не только центральной власти, но и региональной на уровне субъектов федерации и штатов). А второй важный момент заключается в том, что объем внешнеторгового сотрудничества может увеличиться, если мы начнем осваивать международный транспортный коридор «Север—Юг». Сперва у индийцев было сдержанное отношение к этой идее, однако начало прокладки пакистанского транспортного коридора с участием Китая резко оживило интерес Дели к этому проекту. Для Индии это выход в желанную Среднюю Азию в обход Пакистана, и это выход в Россию. В том числе ее неевропейскую часть, и это выход в Западную Европу.

Если мы говорим о сферах нашего наиболее успешного сотрудничества, это сотрудничество по линии межгосударственных институтов: в области неклассической атомной энергетики, военно-технического сотрудничества (ВТС), освоения космоса, также начинается сотрудничество в области коммерциализации инновационных решений в материаловедении, энергии малых частиц.

А вот то, что, мне кажется, может быть прорывным в нашем довольно тусклом внешнеэкономическом сотрудничестве — это сотрудничество по типу «регион-регион». С российской стороны в этом очень заинтересованы зауральские регионы. Однако открытым вопросом остается, какими реальными финансовыми ресурсами располагают индийские инвесторы. С точки зрения реализации совместных проектов, также перспективными являются Новосибирская, Тюменская области и регионы Западной Сибири, с которыми уже активно развиваются отношения.

И, конечно, традиционно важным является военно-техническое сотрудничество (ВТС). Например, сейчас свою готовность к сотрудничеству с Индией выразили предприятия Крыма. Тем более, что сейчас Индия испытывает очень большие трудности в военно-техническом сотрудничестве с Украиной.

— Какие крупнейшие российские исследовательские центры, изучающие вопросы, связанные с Индией, вы могли бы выделить? И существует ли между ними «разделение труда»? Есть ли в российском научном сообществе отдельные центры компетенций и/или исследователи, специализирующиеся в сферах политики, экономики, истории, культуры и т.д.?

— В основном это научные центры, связанные с академией наук: Институт востоковедения и его Санкт-Петербургское отделение. Что касается разделения

труда, Москва, хотя и занималась классическим циклом, но всегда делала акцент на написание работ по современной проблематике, Петербург всегда занимался древней и средневековой историей, рукописями. Были индологические группы в Липецке, Екатеринбурге, Иркутске и ряде других городов. В советское время происходила координация по линии всесоюзных индологических конференций. Сейчас в связи с новыми экономическими условиями поддерживать такую деятельность весьма проблематично.

Раньше советско-индийские проекты осуществлялись по линии Академии наук СССР, проекты в области естественных и технических наук курировал лично президент Академии наук Г.И. Марчук³, у которого были очень хорошие связи в Индии. И, по словам индийцев, даже сохранился архив Г.И. Марчука, связанный с наработками в области исследований тория, запасами которого богата Индия. Основы современного сотрудничества в области энергетики, космоса и некоторых других областях во многом закладывались в советские времена в институтах академии наук. Не хочу показаться ретроградом, но, по моему мнению, данная система в том или ином виде должна быть восстановлена с учетом рыночных условий.

Что касается сотрудничества в общественных науках, была советско-индийская комиссия по сотрудничеству в области общественных наук. Долгое время ее председателем с советской стороны был Е.М. Примаков, а ответственным секретарем был Г.Г. Котовский⁴. По результатам работы данной комиссии издавались совместные монографии, а в практическом смысле встречи советских и индийских исследователей помогали интеллектуально насыщать повестку дня советско-индийских переговоров между лидерами государств. Возможно, эта комиссия существует и сейчас, но результатов ее деятельности не видно.

— Что находится в поле зрения современных российских исследователей-индологов? И насколько современная российская индология интегрирована в мировое научное сообщество, и осуществляется ли сейчас обмен опытом и знаниями с зарубежными исследовательскими центрами?

— На мой взгляд, качество современных работ и качество научного дискурса значительно упало. Причиной этого, на мой взгляд, является не чья-то злонамеренность, а просто то, что очень крупные индологи в России и за рубежом либо ушли из жизни, либо отошли от активной деятельности. Им пришли на смену старательные люди, но это исследователи несколько иного масштаба. И поэтому, когда мы рассуждаем о качестве наших научных исследований, мы не можем

³ Гурий Иванович Марчук — советский, российский ученый в области вычислительной математики, физики атмосферы, геофизики, профессор, доктор физико-математических наук. Президент Академии наук СССР (1986—1991).

⁴ Григорий Григорьевич Котовский — советский и российский востоковед-индолог, историк и общественный деятель. Автор более 500 научных работ, лауреат международной премии им. Дж. Неру, основатель и руководитель российско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук. Основной сферой научных интересов Г.Г. Котовского было исследование экономической и социальной истории Индии XIX—XX вв.

не вспомнить Эрика Хобсбаума⁵, который в своей книге «Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991)» назвал это явление «культурной революцией» [Hobsbawm 1994]. Я бы сказал, что нам надо побыстрее пережить эту «культурную революцию» и тогда мы сможем делать что-то серьезное.

Запрос у студентов на нашу специальность есть, тем не менее, среди географических предпочтений Китай, Корея, Ближний Восток, в меньшей степени Юго-Восточная Азия, а Индия в системе приоритетов оттеснена на периферию. Но все развивается волнами, в 1950—1960-е гг. до 80 % заявлений в Институт восточных языков при МГУ имени М.В. Ломоносова (ныне Институт стран Азии и Африки, ИСАА) подавались на специальности, связанные с Индией. В это время интерес к этой стране был огромный. Сейчас приоритеты изменились, но мы должны внимательно следить, когда эти приоритеты будут восстанавливаться.

Индология была в числе одной из наиболее развитых областей общественных наук Советского Союза. Но, к сожалению, и сами общественные науки в нашей стране, на мой взгляд, претерпели значительную деградацию. В восстановлении уровня общественных наук в России без помощи государства не удастся обойтись. Я поддерживаю письмо, которое директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский написал президенту В.В. Путину о выделении востоковедения в отдельную сферу общественных наук. Мне кажется, это даст толчок в «верхах» к рассмотрению особого статуса востоковедения не только в системе нашей науки, но и в системе внешней политики.

— Существует ли в России спрос на исследования политических и экономических проблем современной Индии за пределами академических кругов? Заинтересованы ли российские компании, чьи бизнес-интересы связаны с Индией, в консультациях со специалистами-индологами при оценке рисков ведения бизнеса в Индии?

— Да, такой спрос существует. И он будет только возрастать, когда мы столкнемся с интенсификацией кросс-инвестиционных процессов. Если вы инвестируете в другую страну и заинтересованы в долгосрочном проекте, то вам необходим минимальный набор сведений об осваиваемой стране. Здесь экономика должна дать толчок прикладным, а может, и фундаментальным исследованиям. Российские компании, безусловно, заинтересованы в ведении дел в Индии. А там есть существенные риски, о чем свидетельствует случай с компанией «МТС», который значительно повлиял на умонастроения нашего бизнес-сообщества. Но все-таки российский и индийский рынки инвестиций представляются достаточно емкими что, наверное, опять не без помощи государственных институтов может дать заметный импульс развитию. Все-таки планируется к 2025 г. довести объем взаимных инвестиций до 35 млрд долларов США. Цифра невелика, но, если удастся ее достигнуть, то появится запас положительной инерции в развитии наших отношений.

⁵ Эрик Хобсбаум — британский историк-марксист, наиболее известный работами о «долгом XIX веке» («Эпоха революций: Европа 1789—1848», «Эпоха капитала: Европа 1848—1875») и «Век империй: Европа 1875—1914») и «коротком XX веке» («Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914—1991»), теоретик и критик национализма.

— Участвует ли академическое сообщество в выработке российской внешней политики в отношении Индии?

— Насколько я знаю, этим занимается Дипломатическая академия, Институт востоковедения и МГИМО (У) МИД России. Но, конечно, масштабы этой деятельности несопоставимы с аналогичной работой, которая велась в Советском Союзе.

— В заключение хотелось бы спросить, каким вы видите будущее российской индологии?

— Я уже частично ответил на этот вопрос, но я бы еще раз хотел поставить здесь жирное многоточие... Потому что развитие индологии в России будет зависеть от группы политических надстроечных факторов. Если наши отношения в области внешнеэкономических связей действительно наконец-то сдвинутся с мертвой точки, и начнется движение вперед, это сразу создаст запрос со стороны государства и бизнес-сообщества на квалифицированные индологические исследования. Через определенное количество времени эти исследования будут выполняться. И я по своему научному и преподавательскому опыту могу сказать, что сейчас немногие аспиранты хотят заниматься Индией, но те, кто желают, это — «качественные» аспиранты.

И последнее, что я хотел бы сказать, — в советское время ИСАА называли головным востоковедным институтом страны. Я думаю, что сейчас востоковедных вузов нет. И таким вузам, как РУДН, Новосибирский, Тюменский и Иркутский университеты необходимо начать самим развивать свои знания в области индологии. И начать это развитие необходимо с того, чтобы задать самим себе осознанный вопрос: «Что я хочу получить от Индии? Какие знания мне необходимы?»

Я бы хотел специально обратить внимание на развитие экономической географии. Мы должны понимать, что наша индология — это «политический таран» в сфере развития двусторонних отношений между нашими странами. И у нас, помимо прочего, была очень развита экономическая география Индии. Вот такие представления об Индии, которые были в советской экономической географии, у самих индийцев отсутствовали. Так что если будет запрос, и историки, и политологи, и экономгеографы смогут сформулировать достойный ответ.

Беседовал В.В. Шикин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914—1991. Vintage Books, 1994.

Rostow W. The Great Population Spike and After: Reflections on the 21st Century. Oxford University Press, 1998.

Дата поступления статьи: 10.11.2016

Для цитирования: Индия: взгляд из России. Интервью с А.Г. Володиным (ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 717—725.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-717-725

INDIA: GLANCE FROM RUSSIA

Interview with ANDREY VOLODIN, D. Sc. (History), Chief Researcher of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

A. Volodin is also the head of the Center of Eurasian researches at Institute of actual international problems of Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Area of scientific interests: India and the Southern Asia in global politics, globalization, regional security, integration and development in Central Eurasia.

Interview with Dr. Volodin, the leading Russian orientalist specializing in Indian studies and expert in international affairs and foreign policy, covers three issues: India's place and role in modern politics and international affairs, the prospects of Indo-Russian relations, and the current developments in Russian academic studies on India as well as acute goal of studying India by Russian researchers.

Dr. Volodin highlights Indian foreign policy focusing on the principles that Delhi follows in its political decision-making and shaping relations with the United States, China, and Russia. The interviewee believes that India is highly interested in cooperation with Russia and eager to participate in the projects implemented by the nations involved into Eurasian integration. He emphasizes that Indian studies in Russia should contribute more to the state's strategic planning.

Key words: India, Indo-Russian relations, Indo-American relations, Indians Studies in Russia.

REFERENCES

- Hobsbawm, E. (1994). *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914—1991*. Vintage Books.
- Rostow, W. (1998). *The Great Population Spike and After: Reflections on the 21st Century*. Oxford University Press.

Received: 10.11.2016

For citations: India: Glance from Russia. Interview with doctor A.G. Volodin (E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences). *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 717—725.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-726-735

«ОСЬ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ» В КУВЕЙТСКОМ КРИЗИСЕ 1990 — 1991 гг.: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ

А.М. Родригес-Фернандес

МПГУ, Москва, Россия

В статье рассматривается формирование «арабской оси» — в составе коалиции стран, противостоящих агрессии Саддама Хусейна в Кувейте (1990—1991). Методологическую основу статьи составили принципы четырех типов научного познания: общенаучный, исторический, социально-научный и конкретно-проблемный. Базовый для автора принцип историзма был взят за основу в качестве метода познания явлений в их становлении и развитии, а также в органической связи с конкретными порождающими их условиями. В рамках данной статьи анализируются причины, предпосылки формирования «антииракского треугольника»: Саудовской Аравии — Египта — Сирии. Автор приходит к выводам, что у трех членов «арабской оси» было много оснований опасаться доминирующей роли и агрессивности Ирака.

Ключевые слова: Кувейт, Саудовская Аравия, США, Ирак, война, оккупация.

В конце XX в. во всем ближневосточном регионе не было столь значимых событий, как аннексия Кувейта Ираком и последующая война 1990—1991 гг. Совпавшие по времени с распадом СССР эти события создали новую геополитическую обстановку, способствуя, в том числе, американским амбициям на формирование «нового мирового порядка» в однополярном мире [Родригес 2005: 4]. В этом заключается актуальность представленного в статье материала.

Объектом исследования данной статьи стал так называемый кувейтский кризис 1990—1991 гг., частью которого была война аравийских монархий и их западных союзников против иракских вооруженных сил, оккупировавших Кувейт.

Предметом исследования является тяжелый и сложный процесс складывания политического и военного союза против Саддама Хусейна. Ситуация осложнялась тем, что в глазах многих мусульманских народов и их политических и религиозных лидеров недопустимым являлось приглашение западных воинских подразделений против «правоверного» лидера С. Хусейна.

Целью исследования данной статьи стал анализ коренных интересов и побудительных мотивов саудовских властей, их западных союзников и мусульманских противников.

Методологическую основу исследования составили принципы четырех типов научного познания: общенаучный, исторический, социально-научный и конкретно-проблемный. Базовый для автора принцип историзма был взят за основу в качестве метода познания явлений в их становлении и развитии, а также в органической связи с конкретными порождающими их условиями.

Разумеется, такая острая политическая проблема не могла не найти отражения в отечественной и зарубежной историографии. Полагаю, прежде всего необходимо отметить классический труд А.М. Васильева «История Саудовской Аравии» [Васильев 1988]. В данной работе автор уделяет серьезное внимание истории саудовско-американских отношений, что очень важно для понимания принципов и методики процесса. Этой проблеме посвящен также раздел монографии И.А. Александрова «Монархии Персидского залива: этап модернизации» [Александров 2000]. Особое внимание автор уделил проблеме безопасности в рамках Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ). Блестящие страницы о роли США в становлении лидерства С. Хусейна, а также психологии американской политики вкупе с авторским анализом «Иракской западни» принадлежит корифею арабистики Е.М. Примакову в его монографии «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами» [Примаков 2006]. Проблемы Кувейта накануне оккупации с привлечением огромного фактического материала изложила Е.С. Мелкумян в монографии «Кувейт в 60—80-е годы. Социально-экономические процессы и внешняя политика» [Мелкумян 1989].

Автор статьи также обращался к данной тематике в двух монографических исследованиях. Об общей ситуации в регионе, последствиях войны для всех участвовавших сторон, а также о геополитических последствиях я писал в последнем разделе монографии «Аравийские монархии в XX веке: экономика, политика, социальная структура», изданной в США в 2000 г. [Родригес 2000]. Позже в 2005 г. я вновь обратился к этим проблемам в монографии «Кувейт, Ирак и мировое общество в конце XX в.: ретроспективы и последствия «Кризиса в Заливе» 1990—1991 годов» [Родригес 2005]. В последней монографии также удалось привлечь материал по истории государственности и суверенитета Кувейта в свете иракских претензий на его территорию.

Кроме того, процесс, запущенный «Бурей в пустыне», отнюдь не завершился с концом XX в., а продолжился в новом столетии, принося новые опасности и угрозы. Их необходимо изучать, чтобы реагировать адекватно. К тому же каждый новый год приносит новый материал, и эта проблема продолжает волновать международных исследователей. В частности, научные работы появлялись в англоязычной прессе. Всегда пользуются популярностью труды израильянина, проживающего в США М. Абира. Он довольно быстро откликнулся на данные собы-

тия монографией «Саудовская Аравия. Правительство, общество, кризис в Заливе» [Abig 1994]. Надо отметить, что автора в многогранном процессе кризиса и войны интересовала прежде всего Саудовская Аравия. Например, почему С. Хусейн остановился на границе королевства, а не захватил нефтедобывающие предприятия и залежи, что могло бы многократно усилить агрессию и дать дополнительное оружие иракскому диктатору. Или тщательно рассматривается вопрос как все-таки король и правительство решились на то, чтобы пригласить войска «неверных» против мусульманского владыки, а ведь в этих американских и европейских войсках были даже женщины-военнослужащие.

Военные вопросы преимущественно рассматриваются в монографии англичанина А.Х. Боулдера [Boulder 1993], американца К. Хелмса [Helms 1999], и еще одного американца Х. Дилипа [Dilip 1999]. Несколько американских и европейских авторов выпустили коллективную монографию «Аравия после шторма» [Arabia... 1998]. Надо отметить у всех авторов нечто общее: проклятия С. Хусейну с полной демонизацией зарвавшегося диктатора и немалую комплиментарность в адрес аравийских правителей с приписыванием монархическим кланам совершенно чуждых им демократии и гуманизма. В целом все тот же американоцентризм или европоцентризм, а вот то, что сам С. Хусейн во многом произведение американцев, об этом лучше никогда не поминать.

А ведь эти аспекты нашли отражение в арабской научной мысли. Например, то, как арабский мир пестовал С. Хусейна, воюющего с Ираном, описал в своей книге «Кувейт до и после оккупации» [Ар-Рашуд 1999] известный сирийский историк Ф. Ар-Рашуд. Понятны претензии к Ираку кувейтского исследователя Аль-Димкхи в вышедшей в Кувейте книге «Саддам Хусейн. Оккупация Кувейта» [Аль-Димкхи 1998]. Отдельно надо остановиться на книге саудовского принца и генерала Халеда ибн Султана «Воин пустыни» [Халед 1996]. В отличие от предыдущих эта книга была переведена на русский язык и вышла в России. Ценность, несмотря на вполне понятную ангажированность, книге придает то обстоятельство, что автор был сокомандующим (вместе с американским генералом Н. Шварцкопфом) всеми силами военной коалиции. Т.е. по одну руку у него было все командование НАТО, а по другую — его дядя король Фахд, его отец, министр обороны принц Султан и главы всех аравийских монархий. Он был из тех, кто принимал военные и политические решения, давал советы королю и шейхам и т.п. Но, как я уже упоминал, в этом заключалась немалая ангажированность. Постоянное стремление выставить прежде всего саудовское руководство в наиболее выгодном свете.

Для аналитической составляющей в статье немалое значение имели материалы прессы арабских стран, особенно та ее часть, которая пыталась обелить С. Хусейна и это тоже понятно: богатых кувейтцев, саудовцев и остальных партнеров по ССАГЗ в бедных арабских странах не очень любят. Наиболее полезными были статьи по-прежнему, спустя уже четверть века, анализирующие события и «откапывающие» новые факты и детали. Это такие политические еженедельники

и ежедневные газеты, как каирские «Новости», «Жизнь»¹, багдадские «Аш-Шааб»² и «Республика»³, саудовская «Эр-Рияд»⁴ и кувейтская «Политика»⁵.

Задачи статьи сформулированы выше, а комментарии присутствуют ниже. Новый фактический материал уже 2000-х гг. способствовал более тщательному анализу тех беспрецедентных событий.

Период оккупации и военные действия союзников против Ирака, получившие название «Буря в пустыне», имели тяжелые последствия для хрупкого арабского единства. Арабский мир оказался расколотым на два лагеря: антииракский, включивший в себя 60 % стран, и проиракский, объединивший остальные 40 %. В первую группу входили 6 государств Совета сотрудничества государств Залива (Кувейт, Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Оман), Египет, Сирия, Марокко, Ливан, Сомали и Джибути. Во вторую — Алжир, Йемен, Иордания, Палестина, Судан, Мавритания, Ливия, Тунис. В общем, раскол прошел «по живому» и ни в одном из лагерей не было полного единства. Сторонников Кувейта называли «арабская ось». Предпосылкам ее формирования посвящена данная статья [Родригес 2005: 105].

Основу арабской оппозиции С. Хусейну в начале составляла ось на базе Саудовской Аравии — Египта — Сирии, сформированная сразу после вторжения в Кувейт и являвшаяся в течение последующих шести месяцев костяком антииракского альянса. Некоторые арабские и западные обозреватели высказывали мысль о том, что эти три разные силы объединились под давлением США или потому, что надеялись что-то получить от Вашингтона — либо деньги, либо оружие, либо политическую поддержку. Говорили, например, что Саудовская Аравия пригласила войска союзников по настоянию США, что Египет присоединился к коалиции в надежде, что ему простят долги в Америке и возобновят субсидии от саудидов, а Сирия хотела благодаря этому получить свободу действий в Ливане или заручиться поддержкой США в мирном процессе Израиля с Палестинской автономией, где Сирия выступала на стороне палестинцев [Дербенев 2014: 213—214].

Эти мотивы присутствовали, но прежде всего ось арабских государств образовалась потому, что каждый из ее трех членов расценивал акцию иракского лидера как смертельную угрозу собственным жизненным интересам. Элиты Саудовской Аравии, Египта и Сирии объединились из-за общей для них необходимости противостояния Ираку, рвущемуся к региональной гегемонии — гегемонии, которая подорвала бы безопасность Саудовской Аравии, отодвинула бы Египет на задний план в арабских делах и подвергла бы огромной опасности сирийский режим [Родригес 2005: 28].

Эти внутрорегиональные причины противостояния С. Хусейну не в полной мере осознавали на Западе, где его, как правило, изображали неуправляемым вож-

¹ Аль-Хайат. Кагира.

² Аш-Шааб. Багдад. 1990. № 47.

³ Аль-Джумхурийя. Багдад.

⁴ Эр-Рияд. Эр-Рияд. 1990. № 32.

⁵ Ас-Сияса. Эль-Кувейт.

дем, чей растущий арсенал оружия массового поражения угрожает интересам Запада и безопасности Израиля⁶.

Вторжение Ирака в Кувейт в августе 1990 г. представляло собой самую острую угрозу безопасности Саудовской Аравии и самое большое испытание для ее вооруженных сил. Жизненно важная для страны нефтеносная восточная провинция — основной источник национальных богатств — была крайне уязвима, оставаясь открытой для вторжения иракских механизированных и бронетанковых дивизий [Arabia... 1998: 102].

Саудовский режим и раньше переживал кризисные моменты — гражданскую войну в Йемене 1960-х гг., Июньскую войну 1967 г., свержение шаха в Иране в 1979 г., вторжение Израиля в Ливан и жестокую бомбардировку им Бейрута в 1982 г., — однако ничто из перечисленного не могло сравниться с этой внезапной опасностью для королевства. На этот раз опасность притаилась, можно сказать, «на задворках» королевства. Войска С. Хусейна находились уже в пограничном эмирате, являвшемся к тому же партнером в созданном в 1981 г. Совете сотрудничества арабских государств Залива, и могли за несколько дней добраться до Дахрана. Ситуация складывалась очень опасная.

В этих обстоятельствах властям не оставалось ничего иного, как обратиться за помощью к западным союзникам и прежде всего к США — державе, обладавшей желанием и возможностями дать отпор иракской агрессии ради своих стратегических союзников. Конечно, это было непопулярным вынужденным решением о призыве «неверных» против «правоверного» правителя, как в самом королевстве, так и за его пределами. Официально назначенный сокомандующим (вместе с американским генералом Н. Шварцкопфом) Объединенными военными силами коалиции принц Халед ибн Султан (племянник тогдашнего короля Фахда) так прокомментировал ситуацию: «Ради защиты нашей независимости мы активизировали внешнюю политику, и наше сотрудничество с Западом стало более явным. Разумеется, мы не хотим расплачиваться за собственную национальную безопасность долговременной зависимостью от Запада. В идеале мы предпочли бы союз арабских государств. Однако до тех пор, пока наши соседи по Заливу не способны защитить себя от сильных хищников вроде С. Хусейна, союз с Западом, с которым нас объединяют важные экономические интересы, на мой взгляд, будет необходим» [Родригес 2000: 25].

23 июля 1990 г., за 9 дней до вторжения, члены специально созданного Комитета высшего командного состава КСА провели встречу в министерстве обороны и авиации. Председательствовал начальник Генерального штаба генерал Мухаммед аль-Хаммад. В комитет входили командующие сухопутными войсками, ВВС, ВМС, ПВО и начальник Управления кадров офицерского состава. Накануне вечером от саудовского военного атташе в Багдаде поступило сообщение о том, что иракские бронетанковые войска двигаются в сторону Кувейта⁷.

⁶ Defence National. 1990. № 3.

⁷ Эр-Рияд. Эр-Рияд. 1990. № 32.

Впрочем, несмотря на явную угрозу, большинство участников совещания ее еще не осознавали. За несколько дней до этого, 17 июля, С. Хусейн выступил с подстрекательской речью, в которой подверг яростной критике Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты, и это, конечно, вызвало в этих странах немалое беспокойство. Но надо признать, что ни элиты, ни широкая общественность арабского мира не ожидали, что иракский лидер решится на нападение и захват всего Кувейта. Воинственная риторика иракского лидера казалась просто блефом. Его агрессивная тактика была хорошо всем известна. В ходе ирано-иракской войны и после нее ему удалось получить у стран Залива огромные финансовые средства, поэтому последние обвинения в адрес Кувейта и ОАЭ казались лишь еще одним актом вымогательства. Элиты аравийских монархий решили, что от него в конце концов откупятся и он утихомирится до следующего финансового кризиса⁸ [Васильев 1998: 36].

Члены комитета понимали, что их задача основательно обдумать тактику и стратегию противостояния этим угрозам. Не исключался даже тот вариант, что Иран и Ирак могут отложить свои распри и объединиться в борьбе против Саудовской Аравии и ее политики умеренных цен на нефть. Необходимо было усовершенствовать систему оборонного планирования и разработать среднесрочные стратегические меры отражения этих опасностей.

В окружении короля Саудовской Аравии постепенно преобладало осознание того, что С. Хусейн потенциально опасен для королевства, потому что считает себя победителем в войне с Ираном. Кроме того, иракский лидер имел огромную армию, у которой после прекращения военных действий с Ираном больше не было конкретного врага. Но он не мог демобилизовать ее, так как это привело бы к резкому росту безработицы и создало бы риск социальных волнений. Ясно, что Хусейну было необходимо указать своим войскам конкретную военную цель, создать образ врага. Тем не менее, до вторжения Ирака в Кувейт саудовское руководство не предполагало, что иракский лидер может представлять непосредственную угрозу; саудовские эксперты полагали тогда, что Ираку потребуется не менее трех-пяти лет, чтобы превратиться в региональную сверхдержаву. К тому же 24 июля президент Египта Мубарак прилетел в Кувейт после короткого визита в Багдад с заверениями С. Хусейна в том, что передвижения войск представляют собой обычные плановые маневры и что хотя кувейтцы «сильно огорчили» Саддама, он не намерен применять силу. Об этом президент Мубарак и сообщил также королю Фахду⁹.

В общем, в последнюю неделю июля, перед «бурей» звучало множество заверений и обещаний со стороны Багдада, было достаточно межарабских обменов визитами, чтобы убедить людей в том, что ирако-кувейтский спор уже на пути к разрешению. Никто не мог предвидеть ширококомасштабной эскалации кризиса. Как раз в это время Чарльз В. Фримэн, посол США в Саудовской Аравии, отбыл

⁸ International Affairs. 1991. № 16.

⁹ Умм аль-Кура. Мекка. 1990. № 4.

в отпуск. Свои посты в Багдаде на летнее время покинули послы Великобритании, Франции, России и Японии, а в США, как стало известно позже, готовились к летнему отпуску министр обороны Дик Чейни и генерал Колин Пауэлл, председатель Объединенного комитета начальников штабов. А 2 августа 1990 г. иракские войска вторглись в Кувейт [Родригес 2005: 26].

Король Фахд и президент Мубарак, приложившие огромные усилия к разрешению ирако-кувейтского конфликта накануне вторжения, не смогли предотвратить иракское вторжение. В условиях оккупации саудовское королевство возглавило силы, выступившие против С. Хусейна. При их поддержке Совет Лиги арабских стран 3 августа осудил агрессию Ирака и потребовал немедленного и безоговорочного вывода иракских войск; такую же позицию занял 7 августа и ССАГЗ. Тогда же король Фахд в полной мере осознал угрозу королевству и бесперспективность так называемого арабского решения проблемы. Он немедленно начал выяснять степень готовности США и Великобритании участвовать в обеспечении безопасности королевства. В ответ США отправили в КСА (6 августа) военного министра Чейни, наделенного широкими полномочиями. Вслед затем последовало решение президента США о военной помощи Саудовской Аравии и ее арабским союзникам в освобождении Кувейта, и первые американские подразделения прибыли в королевство уже через 48 часов. Заявление С. Хусейна о том, что его поддерживает «временное правительство свободного Кувейта», лишь укрепило короля Фахда в уверенности, что теперь уже иракский лидер не выведет войска без войны¹⁰.

Между тем у президента Мубарака были свои основания для недовольства иракской агрессией. Он считал, что Хусейн лгал ему, обещая не применять силу, и в результате египетский лидер попал в очень неловкое и унижительное положение: ведь именно он передавал обещания Саддама кувейтцам, американцам и саудовцам. При этом представитель Ирака пытался утверждать, что обещания С. Хусейна были действительны лишь до совещания в Джидде, а Мубарак или не так их понял, или неверно передал остальным¹¹.

Кроме того, Мубарак убедился в том, что и интересы Египта в новых обстоятельствах будут под угрозой, если Ираку позволят доминировать на ближневосточной арене. Египет не мог идти на риск быть вытесненным Ираком из Залива, с государствами которого он активно и не безвозмездно сотрудничал в период ирано-иракской войны. Показательно, что даже курсантам египетских военных училищ внушали аксиому: безопасность Залива есть неотъемлемая составляющая безопасности Египта.

И, наконец, у Мубарака была еще одна веская причина выступить на стороне «арабской оси». Египет приложил немало усилий для подготовки Ирака к войне, направив туда военных советников, оружие и около полутора миллионов египетских рабочих, часть которых возделывала поля, а другие работали в различных отраслях промышленности, высвобождая тем самым иракских солдат для участия

¹⁰ Аш-Шааб. Багдад. 1990. № 47.

¹¹ Arab News. Cairo. 1990. № 23.

в боевых действиях. С. Хусейн так и не оценил по достоинству эту помощь, он допустил, чтобы с египетскими рабочими в Ираке обращались крайне плохо. Более того, в 1989—1990 гг., во время резкого нарастания кризисной ситуации в Заливе, многие египтяне были высланы из Ирака без денег и имущества, и им пришлось совершать длинный путь домой в очень тяжелых условиях. Многие египтяне погибли при загадочных обстоятельствах от рук неизвестных иракских бандитов. Их тела были доставлены в Египет, где эти убийства вызвали широкий общественный протест. Одним из объяснений этих бесчинств может быть то, что иракские солдаты, возвращавшиеся с фронта, силой изгоняли египтян, которые, по их мнению, отняли у них рабочие места. Иракскому правительству уже стало выгодно вынуждать египтян покидать страну¹². Эти факты настроили египетское общественное мнение против Ирака, и в этих условиях Мубараку было легче объяснить соотечественникам, почему он включил Египет в антисаддамовскую коалицию.

Из трех членов арабской оси у Сирии также было много оснований опасаться доминирующей роли и агрессивности Ирака. Саддам Хусейн был полон решимости наказать своего давнего соперника президента Хафеза Асада за сотрудничество с Ираном в ирано-иракской войне. Если бы Саддаму позволили присоединить к Ираку Кувейт, сирийский режим (как и саудовский) несомненно оказался бы его очередной целью. За год до вторжения в Кувейт Саддам уже делал попытку подорвать позиции Сирии в Ливане, направляя деньги и оружие основным противникам Сирии в этой стране — лидеру маронитов генералу Мишелю Ауну и «Ливанским силам» Самира Жажи. Так или иначе, Асад и Хусейн вели борьбу не на жизнь, а на смерть более трех десятилетий — с 1966 г., когда произошел раскол партии Баас, видными членами которой они оба являлись. Поэтому участие Асада в антисаддамовской коалиции было полностью предсказуемо, хотя у кого-то на Западе это вызвало удивление [Родригес 2000]. Таким образом, антисаддамовский союз в предстоящей войне был заложен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александров И.А.* Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000.
Аль-Димкхи А.М. Саддам Хусейн. Мамлякату ль-фазин фи. Кувейт, 1998.
Ар-Рашид Ф. Кувейт хатта ва баада ль-асика. Димашк, 1999.
Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М., 1988.
Дербенев А.С. Нефтяной фактор в политике США в отношении Саудовской Аравии и англо-американское нефтяное соглашение 1944 года // Новая и новейшая история. 2014. № 1.
Мелкумян Е.С. Кувейт в 60—80-е годы. Социально-экономические процессы и внешняя политика. М., 1989.
Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006.
Родригес А.М. Аравийские монархии в XX веке: экономика, политика, социальная структура. Lewiston, N.Y., 2000.
Родригес А.М. Кувейт, Ирак и мировое сообщество в конце XX в.: ретроспектива и последствия «Кризиса в Заливе» 1990—1991 годов. М., 2005.

¹² Ibid.

Халед Султан. Воин пустыни. М., 1996.

Abir M. Saudi Arabia. Government Society and the Gulf Crisis. N.Y., 1994.

Arabia after the Storm. London, 1992.

Arabia. The Gulf and the West. London, 1998.

Boulder A.H. After the Storm. The Changing Military Balance in the Middle East. London, 1993.

Dilip H. Desert Shield to Desert Storm. N.Y., 1999.

Helms K. The Persian Gulf. Power in the Post. Cold War. N.Y., 1999.

Дата поступления статьи: 04.06.2015

Для цитирования: Родригес-Фернандес А.М. «Ось арабских государств» в кувейтском кризисе 1990—1991 гг.: предпосылки и процесс формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16 № 4. С. 726—735.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-726-735

THE «ARABIAN AXIS» IN KUWAIT CRISIS: BACKGROUND AND PROCESS OF FORMATION

A.M. Rodriguez-Fernandez

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

The formation of the «Arabian Axis» in the number of state coalition opposing the aggression of Saddam Hussein in Kuwait (1990—1991) is regarded in the article. Research methodology is based on the principles of four types of scientific knowledge: general scientific, historical, socio-scientific and problematic. The historical method, which is fundamental for the author, was used as a basis research approach to the phenomena formation and development, as well as the organic coherence of these facts and the conditions causing them.

In the frame of this article author analyzes the causes, conditions of formation of “anti-Iraqi triangle” of Saudi Arabia — Egypt — Syria. The author concludes that the three members of the “Arab Axis” had many reasons to fear a dominant role and aggression of Iraq. In particular, in Syria S. Hussein confronted H. Assad, and Assad’s participation in the anti-Saddam coalition was completely predictable. Egyptian President Hosni Mubarak believed that the interests of his country will be threatened if Iraq starts to dominate the Middle East arena. Saddam Hussein was also potentially dangerous for the Saudi kingdom, because he considered himself the winner in the war with Iran.

Key words: Kuwait, Saudi Arabia, USA, Iraq, War, occupation.

REFERENCES

- Abir, M. (1994). *Saudi Arabia. Government Society and the Gulf Crisis*. N.Y.
- Aleksandrov, I.A. (2000). *Monarkhii Persidskogo Zaliva: etap modernizatsii [Gulf monarchies: stage of modernization]*. Moscow.
- Al’-Dimkhi, A.M. (1998). *Saddam Khusein. Mamlyakatu l’-fazin fi*. Kuveit.
- Ar-Rashud, F. (1999). *Kuveit khatta va baada l’-asika*. Dimashk.
- Arabia after the Storm*. (1992). London.
- Arabia. The Gulf and the West*. (1998). London.

Boulder, A.H. (1993). *After the Storm. The Changing Military Balance in the Middle East*. London.

Derbenev, A.S. (2014). Neftyanoi faktor v politike SShA v otnoshenii Saudovskoi Aravii i anglo-amerikanskoe neftyanoie soglasenie 1944 goda [Oil factor in US policy toward Saudi Arabia and the Anglo-American Oil Agreement 1944]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 1.

Dilip, H. (1999). *Desert Shield to Desert Storm*. N.Y.

Helms, K. (1999). *The Persian Gulf. Power in the Post. Cold War*. N.Y.

Khaled, Sultan. (1996). *Voin pustyni*. Moscow.

Melkumyan, E.S. (1989). *Kuveit v 60—80-e gody. Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy i vneshnyaya politika* [Kuwait in the 60—80 years. Socio-economic developments and foreign policy]. Moscow.

Primakov, E.M. (2006). *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami* [Confidential: The Middle East on stage and behind the scenes]. Moscow.

Rodrigues, A.M. (2000). *Araviiskie monarkhii v XX veke: ekonomika, politika, sotsial'naya struktura* [Arabian monarchy in the XX century: economics, politics, social structure]. Lewiston, N.Y.

Rodrigues, A.M. (2005). *Kuveit, Irak i mirovoe soobshchestvo v kontse XX v.: retrospektiva i posledstviya «Krizisa v Zalive» 1990—1991 godov* [Kuwait, Iraq and the international community at the end of XX century: retrospective and consequences of the “Gulf crisis” of 1990—1991]. Moscow.

Vasil'ev, A.M. (1988). *Istoriya saudovskoi Aravii* [History of Saudi Arabia]. Moscow.

Received: 04.06.2015

For citations: Rodriguez-Fernandez, A.M. (2016). The «Arabian Axis» during Kuwait Crisis: background and process of formation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 726—735.

© Родригес-Фернандес А.М., 2016

INDIA'S ROLE IN THE EMERGENCE OF BANGLADESH AS AN INDEPENDENT STATE

Drong Andrio

RUDN University, Moscow, Russia

This paper aims to describe the role of India, the biggest neighbor of Bangladesh, and the outmost support of the Soviet Union in the emergence of Bangladesh as an Independent State. The paper describes the background of the Bangladesh's Liberation war in 1971. The political situation in East Pakistan just before the crisis is described in details, especially the results of general elections which were held in December 1970. A central part of the article is dedicated to the role of India and the contribution of Indian people, government and armed forces.

Almost 10 million men and women were forced to leave Bangladesh and entered various states of India like West Bengal, Tripura, Assam, Meghalaya, Bihar and Uttar Pradesh where they were accommodated as refugees. The personal implication of Indira Gandhi was very high, she traveled around the world to gather support for the Bangladesh cause. India spent thousand of rupees for the liberation war of Bangladesh; but also sacrificed the lives of its officers and soldiers.

Moreover, the paper touches upon the USSR's involvement into the Liberation war of Bangladesh in context of Soviet-American rivalry during cold war.

Key words: Bangladesh, East Pakistan, India, Indira Gandhi, Soviet Union, USA, Pakistan, Friendship and Cooperation Treaty, Liberation War, Independence.

Bangladesh is tied with India by civilizational, cultural, social and economic bonds. The two nations share a common history, linguistic and cultural heritage. This unity is reflected in multi-dimensional and expanding relations. India and Bangladesh's geographical locations complement each other and present an opportunity for both to further develop their ties and economic links. India and Bangladesh share 4096.7 km of border, which is the largest land border that India shares with any of its neighboring countries, out of which 1116.2 km is riverine.

It is well known that India played a vital role in the Liberation war of Bangladesh. Not only political but also military as well as people-to-people support was given by India. Besides, India provided support and refuge to the people of Bangladesh. The contribution of Indian government and the citizens of India is an integral part of the history of the Independence war of Bangladesh [Independence of Bangladesh... 2004; Islam 1985].

THE BACKGROUND OF LIBERATION WAR OF BANGLADESH

In December 1970, the general elections were held in Pakistan and Awami League won a stunning victory winning 160 out of 162 seats in East Pakistan [Independence of Bangladesh... 2004: 461]. It bagged 72.57 % of the total votes cast. Awami League won a similar landslide victory in the Provincial Assembly elections also. It won 288 seats out of 300 and bagged 89 % of total votes cast. Awami League won all the 7 women seats in the National Assembly and all the 10 women seats in the Provincial Assembly.

As a result, Awami League emerged as the single majority party in the Pakistan National Assembly with 167 seats out of 313. Mujibur Rahman was the leader of Awami League. On the other side, Zulfikar Ali Bhutto's Pakistan People's Party won 88 seats (all from the western wing) and emerged as the second largest Parliamentary party.

However, without handing over power to Mujibur Rahman, the leader of the majority party, an unprecedented outburst of popular resistance shook Pakistan's integrity. On March 25, 1971 the regular army of Pakistani launched a brutal crackdown in Dhaka, particularly on students, the Bengali police and paramilitary forces. It finally led to a full-scale war.

On March 26, 1971, before being arrested by the Pakistan military, Sheikh Mujibur Rahman, declared independence of East Pakistan and asked his people to continue the fight 'till the last Pakistani army' was driven away from Bangladesh [Panichkin, Musaeu 2013].

When the elected representatives of people formed a government in exile, with imprisoned Mujib becoming the President and Tajuddin Ahmed Prime Minister. Pakistani troops, aided by their local Islamist collaborators, killed an estimated three million people, raped over 300,000 women, destroyed homes, and forced more than ten millions people to leave their homes and took shelter in Indian territory during the bloody nine-month war [Bose 2005; Hossain 2009; Independence of Bangladesh... 2004: 67].

India decided to go on with the war, when Indira Gandhi had failed to gain American support and sympathy for the Bengalis. Finally she took a hard move and on August 9, 1971 signed a treaty of peace, friendship and cooperation with Soviet Union [Independence of Bangladesh... 2004: 215].

Supported by the bloc, led by the Soviet Union, Indira Gandhi travelled across the world to mobilize support for the beleaguered people of Bangladesh, in which India's support was crucial [Independence of Bangladesh... 2004].

ROLE OF INDIA: CONTRIBUTION OF PEOPLE AND GOVERNMENT

The contribution of Indian people, government and eventually armed forces are unforgettable fact of history. When Bangladeshi mass people were murdered by the military of Pakistan, India intervened and sent army to fight against Pakistani soldiers and supported freedom fighters. When American navy came to help Pakistan, the Soviet Union assured full support to India by sending their navy.

On 27 March 1971, the Prime Minister of India Mrs. Indira Gandhi, expressed full support of her government to the Bangladeshi struggle for independence. The Bangladesh-India border was opened to allow the Bangladeshi refugees safe shelter in India. The governments of West Bengal, Bihar, Assam, Meghalaya and Tripura established refugee camps along the border. Exiled Bangladeshi army officers and voluntary workers from India immediately started using these camps for the recruitment and training of Mukti Bahini guerrillas¹.

¹ Bangladesh Genocide Archive. Official web-site. URL: <http://www.genocidebangladesh.org> (accessed: 12.09.2016).

Almost 10 million men and women who were forced to leave their motherland to save themselves entered various states of India like West Bengal, Tripura, Assam, Meghalaya, Bihar and Uttar Pradesh where they lived as refugees. India willingly took the responsibility for taking care of the unfortunate men, women and children for nine months [Independence of Bangladesh... 2004: 236, 361]. India also provided training, arms and ammunitions for the freedom fighters. Not only for the freedom of Bangladesh, but also for the release of the Bangabandhu Sheikh Mujibur Rahman from the prison of Pakistan, the then Prime Minister of India Smt. Indira Gandhi erstwhile traveled around the world to gather support for the cause. India not only spent seven thousand crores of rupees for the liberation war of Bangladesh; but also sacrificed the lives of 3630 officers and soldiers of her Army. About 9856 officers and soldiers were wounded and more than 213 officers and soldiers are missing till today. The people of India spontaneously took initiatives to give shelter and food to the refugees of East Pakistan (Bangladesh) [Salam 2008].

ROLE OF INDIRA GANDHI: PERSONAL, POLITICAL AND DIPLOMATIC INITIATIVES

The personal, political and diplomatic role of the former Indian Prime Minister Indira Gandhi in the Bangladesh's Liberation War in 1971 is inseparable from the country's history².

From 24 October 1971 Indira Gandhi started travelling to the USA and Western Europe countries (Belgium, German, France, and Great Britain) with a view to create world public opinion and gain support. The US president Richard Nixon called Indians aggressors and ordered to support Pakistan by the US troops deployed in Vietnam. On 9 August 1971, Indira Gandhi signed a twenty-year treaty of friendship and co-operation with the Soviet Union. It was greatly shocking for the United States, and decreasing the possibility, that China would become involved in the conflict. The Soviet leader Leonid Brezhnev assured that if the US or China attacked India, the Soviet Union would take severe counter measures [Independence of Bangladesh... 2004: 377]. China, an ally of Pakistan, had been providing moral support to Pakistan, but little military aid, and did not advance its troops to the border with India [Independence of Bangladesh... 2004: 287, 598].

Indira Gandhi being determined to protect the interest of Bengalis launched a diplomatic offensive efforts in the early autumn of 1971 touring Europe, and was successful in getting both the United Kingdom and France to break with the United States, and block pro-Pakistan directives in the United Nations Security Council [Independence of Bangladesh... 2004: 287].

Indira Gandhi addressed to the India League, London October 31, 1971, which is evidence of her strong support, and concern for the people of Bangladesh and its independence.

Under the leadership of Indira Gandhi all out supports were given by India to the struggling people of the East Pakistan (Bangladesh) during the liberation war.

² Bangladesh Salutes Indira Gandhi. The Hindu, Jul. 25, 2011. URL: <http://thehindu.com/opinion/op-ed/article2290625.ece> (accessed: 12.09.2016).

ROLE OF INDIAN ARMED FORCES: BSF, ARMY, NAVY AND AIR FORCE

Prior to the involvement of the Indian army, the BSF (Border Security Force) was primarily responsible to provide support to Mukti Bahini (Freedom Fighter) units. They also assisted in the training of Mukti Bahini (Freedom fighters)³.

They also portrayed 69 Indian-sponsored insurgent training camps bordering East Pakistan, with an estimated total of 30—50 thousand rebels in training⁴.

The BSF has established camps at which 10,000 Bengalis are reportedly receiving training in guerrilla and sabotage tactics. Limited quantities of arms and ammunition provided to the Bengali separatists and some Indian forces have infiltrated into East Bengal to provide assistance and training to the separatists⁵.

From the month of September, the Indian army gradually started to participate directly in the Liberation War. Initially the support was limited to indirect fire support (artillery support) to Mukti Bahini units. From November, the Indian army was permitted to conduct operations up to 10 miles inside Bangladesh territory.

On the Eastern front, the Indian Army joined forces with the Mukti Bahini (Freedom fighters) to form the Mitro Bahini (“Allied Forces”). India’s Army, Navy and Air Force were lauded for their role in ending a genocide [Saikia 2004] and giving birth to a new nation⁶ [Marwah 1979].

ROLE OF INDIA IN RECOGNITION OF BANGLADESH AS AN INDEPENDENT STATE

The subject of recognition was complementary to the birth of a nation. At first, the responsibility of recognition came on the shoulder of India. ‘Bangladesh’s Recognition’ became an integral part of India’s internal politics. The Indian political parties, various professional organizations, cultural organizations and the common man of India wanted that India should recognize first. The ruling Congress Party was also in favor of recognizing Bangladesh as a nation but it had to take place at an appropriate time. The existing practical situation forced India to be very cautious regarding the recognition issue. Indian government was vigilant on regional and international politics as well as on international law and its effects.

Bangladesh attained all the conditions to be recognized in accordance with the International law *de jure*. However, in order to get recognition, it had to wait till 6th December, 1971. Although the recognition issue was legal, but overall it was a political decision. The demand for recognition of Bangladesh turned into a national issue within Indian politics since the end of March to December for nine long months.

³ Bangladesh Genocide Archive. Official web-site. URL: <http://www.genocidebangladesh.org> (accessed: 12.09.2016).

⁴ Pak Military Intelligence Briefing for Congressman Frelinghuysen, Oct. 1, 1971.

⁵ Contingency Study for Indo-Pakistan Hostilities May 25, 1971.

⁶ Mizanur Rahman Shelley Super Powers in Liberation War. The Daily Star Victory Day Special, Dec. 16, 2012. URL: http://archive.thedailystar.net/suppliments/victory_day/2012/pg4.htm (accessed: 12.09.2016).

In the light of International law and the series of incidents in Bangladesh during Liberation war, it can be said that before 6th December Bangladesh received implied recognition. First in Kolkata and later in Delhi, Bangladesh Mission officially directed work schedules which can be accepted as Indian Government's de facto recognition. Other than this after the Indo-Soviet friendship treaty, the East European countries took a positive attitude towards Bangladesh issue. The participation of Abddus Samad Azad (Former Foreign Minister) in Budapest International Seminar as Mujibnagar government's representative, Bangladesh had recognition in East Europe.

In Delhi, a three-day International Conference on Bangladesh took place where 150 delegates representing 24 countries participated. On 20th September, on behalf of the conference, an appeal was made to all the governments of the world to recognize Bangladesh as an independent nation and to stop helping West Pakistan with any kind of military aid. In a resolution of the conference it was said that, international community should recognize the Bangladesh people's political struggle as a National Struggle for Freedom. From the beginning Mujibnagar government was active due to India's recognition. The Indian government along with private organizations at various levels was formally or informally associated with the policy making body of Mujibnagar government and various initiatives to influence the public opinion in favor of Bangladesh.

On 6th December, Prime Minister Indira Gandhi said in the Lok Sabha: "Pakistan had declared war against India. There is no importance of peaceful solution. Bangladesh people are engaged in their struggle for existence and India is fighting against aggression. They are, like us, fighting against a common enemy. I am pleased to inform the Houses that in the existing situation and due to repeated request of Bangladesh government, we have carefully decided to grant recognition to People's Republic of Bangladesh" [Salam 2008].

For Bangladesh, it was a tough diplomatic effort to earn the nation's recognition because Zulfikar Ali Bhutto clearly stated that if any nation recognized Bangladesh, then Pakistan would break all diplomatic relations with that nation. For recognizing Bangladesh, Pakistan really suspended diplomatic relation with a few countries.

The Prime Minister, Smt. Indira Gandhi, made the statement in Indian Parliament announcing the decision of the Government of India to grant recognition to 'the Government of Gana Praja Tantri Bangladesh' which in essence highlighted the struggle and travails of the Bangali nation.

On the other hand, the Soviet Union was the first great power to deplore publicly the Pakistani military crackdown on Bengalis. It was also the first major power to officially recognize the State of Bangladesh, which it did within thirty-eight days (on 26 January, 1972) of its de facto liberation from the Pakistani forces.

INVOLVEMENT OF THE USSR: COLLABORATION WITH INDIA

The USSR's involvement in the Bangladesh's liberation war was mainly in response to the US's initiatives to assist Pakistan [Lokhova 2009]. The US sympathized with Pakistan, because of various reasons: firstly, Pakistan belonged to American led military

Pact, CENTO and SEATO, and, secondly, the US believed that any victory of India will be considered as the expansion of the Soviet influence in the parts gained by India with the victory, as it was believed to be a pro Soviet nation, even though they were pursued the Non Alignment policy⁷.

On the other hand, the Soviet Union's close tie with India was a vital factor in shaping the Soviet response towards the East Pakistan (Bangladesh) crisis in 1971. An amiable working relationship had prevailed between the two countries since the visit of Bulganin and Khrushchev to New Delhi in December 1955. The Indo Soviet ties were further strengthened in the wake of the 1962 Sino-Indian border war. India's defeat in the 1962 clash and the worsening Sino-Soviet relations eventually (mainly during 1969—1971) caused Moscow to attach more significance to its ties with India [Independence of Bangladesh... 2004].

On December 9, 1971 Nixon decided to send the aircraft carrier USS Enterprise into the Bay of Bengal to threaten India. The plan was to surround India from all four sides and force them to retreat and leave East Pakistan. The US sent their 7th Carrier battle group to Counter Indian Navy⁸.

To counter this threat, the USSR dispatched a nuclear-armed flotilla from Vladivostok on December 13, 1971 under the overall command of Admiral Vladimir Kruglyakov, the Commander of the 10th Operative Battle Group (Pacific Fleet). Though the Soviet fleet comprised of nuclear-armed ships and atomic submarines, their missiles were of limited range (less than 300 km). Hence to effectively counter the British and American fleets the Russian commanders had to undertake the risk of encircling them to bring them within their target⁹.

The Soviet Union also sent a group of Destroyers and a Nuclear Submarine to support the existing Soviet fleet in the Bay of Bengal. Soviet cruisers, destroyers and nuclear submarines were equipped with anti-ship missiles and they chased the US Navy out of Indian Ocean. The Russians blocked US fleet advance towards India¹⁰.

The relatively high priority given by the Soviet policy makers to Bangladesh crisis in 1971 was the consequence of their concerns for the contemporary world and Asia [Bakshi 1977]. Moscow was concerned about maintaining the stability and security of its ally, India. It wanted to ensure the position of India as the dominant power in South Asia. Bangladesh might have been viewed by the leaders of the Soviet Union as a “fringe

⁷ Sanskar Shrivastava, 1971. India Pakistan War: Role of Russia, China, America and Britain. The World Reporter, Oct. 3, 2011. URL: <http://www.theworldreporter.com/2011/10/1971-india-pakistan-war-role-of-russia.html> (accessed: 12.09.2016).

⁸ Indias-secret-war-in-bangladesh. The Hindu, Feb. 11, 2012. URL: <http://thehindu.com/opinion/lead/article2747538.ece> (accessed: 12.09.2016).

⁹ Rakesh Krishnan Simha, 1971 War: How Russia sank Nixon's gunboat diplomacy // Russia & India Report, Dec. 20, 2011. URL: https://in.rbth.com/articles/2011/12/20/1971_war_how_russia_sank_nixons_gunboat_diplomacy_14041 (accessed: 12.09.2016).

¹⁰ Sanskar Shrivastava, 1971. India Pakistan War: Role of Russia, China, America and Britain. The World Reporter, Oct. 3, 2011. URL: <http://www.theworldreporter.com/2011/10/1971-india-pakistan-war-role-of-russia.html> (accessed: 12.09.2016).

responsibility to their Indian interests”. In 1971 it was of considerable importance to them as the first test case of their political and diplomatic abilities in an emerging “triangular world”.

‘Treaty of peace, friendship and cooperation’ between India and the Soviet Union; under which Russia was bound to defend India in case of any external aggression. It was a shock to America as this was what they feared, expansion of Soviet influence in South Asia. They feared that involvement of Soviet Union could sabotage their plan to expand the influence in the East and South Asia.

Thinking that the Soviet Union might enter the war if they come to know this, which could cause a lot of destruction to Pakistan and the American equipment given to Pakistan, the US ambassador to the United Nations George H W Bush [later the 41st president of the United States] introduced a resolution in the UN Security Council, calling for a cease-fire and the withdrawal of armed forces by India and Pakistan. Believing India can win the war and Indira Gandhi being determined to protect the interest of Bengalis, the Soviet Union vetoed the resolution, thus letting India fight for the cause. Nixon and Kissinger pressurized the Soviet Union to a very extent but the situation was not in their favor [Independence of Bangladesh... 2004: 307, 326].

The salient aspects of the contribution of the USSR in the liberation war of Bangladesh are the following.

- ◆ Calling upon the Government of Pakistan simultaneously to take effective action towards a political settlement in the East Pakistan, giving immediate recognition to the will of the East Pakistan population as expressed in the election of December 1970. The USSR placed 5 draft resolutions and one amendment to a draft resolution in UN Security Council (in between 4—16 December 1971). The USSR casted 3 Votes (of Soviet Union, Belarus and Ukraine) in the UN Security Council in favor of Bangladesh in different times [Ashfaque 2012].

- ◆ Signing Peace, Friendship and Cooperation Treaty with India on 9 August 1971, the USSR expressed its strong support to India’s initiatives in favor of Bangladesh.

- ◆ Sending Soviet Navy from Vladivostok to prevent America’s warship entering into Indian Ocean, and finally,

- ◆ Imposing Veto Power — the USSR vetoed 3 times against the cease-fire proposed by the US in the UN Security Council during the Security Councils’ Session-1606, 1607 and 1613 (in between 4—13 December 1971) [Ashfaque 2012].

Irrespective of the motives and gains of the Soviet Union in its involvement in the Bangladesh war of liberation, its solid and unflinching support to the Bengali cause was invaluable to the Bengali. During the penultimate days of Indo-Pak war over Bangladesh, the Soviet veto in the UN Security Council against US backed proposal for cease-fire paved the way for the Indo-Bangladesh allied forces to march into Dhaka and secure the defeat and surrender of 90 thousand Pakistani troops on the 16th December 1971. Soviet Union’s positive role thus contributed immensely to the historic triumph of ‘Bangladesh’¹¹.

¹¹ Sanskar Shrivastava, 1971. India Pakistan War: Role of Russia, China, America and Britain. The World Reporter, Oct. 3, 2011. URL: <http://www.theworldreporter.com/2011/10/1971-india-pakistan-war-role-of-russia.html> (accessed: 12.09.2016).

The response of the Soviet Union to the 1971 crisis in East Pakistan (Bangladesh) was conditioned by the general Soviet policy with regard to Asia in the 1960s. It was a policy of growing involvement, initially undertaken to contain America's influence in East and South Asia.

To conclude, India's role in the Independence of Bangladesh was a unique history. Its contribution was more of a facilitator than a creator. It was a war jointly won by India and the people of East Pakistan (Bangladesh). Under the leadership of Indira Gandhi, the government and the people of India did unprecedented sacrifices for the people of Bangladesh.

Three million people had to shed their blood and 300,000 women had to sacrifice their innocence by the Pakistani soldiers and their collaborators. People of Bangladesh cannot forget that the Government and the people of India stood solidly by them. The support and help of India is unique in the history of the world. The birth of Bangladesh came in reality with India's support and sympathetic supervision of the USSR.

REFERENCES

- Ashfaque H. (2012). *Liberation War, Emergence of Bangladesh and United Nations*. Prothoma Prokashan.
- Bakshi J. (1977). Soviet Attitude towards Bangladesh Liberation Movement: A Study in Content Analysis of Soviet Press. *The Indian Journal of Political Science*, 38 (02), pp. 179—199.
- Bose S. (2005). Anatomy of Violence: Analysis of Civil War in East Pakistan in 1971. *Economic and Political Weekly*, 40 (41), pp. 4463—4471.
- Hossain M. (2009). Bangladesh War of Independence: A Moral Issue. *Economic and Political Weekly*, 44 (05), pp. 26—29.
- Independence of Bangladesh in 266 days* (2004). (History and Documentary Evidence). Ed. Muhammad Nurul Quadir. Dhaka: Mukto Publishers.
- Islam R. (1985). Secessionist Self-Determination: Some Lessons from Katanga, Biafra and Bangladesh. *Journal of Peace Research*, 22 (03), pp. 211—221.
- Lokhova I.V. (2009). Indiisko-sovetskie otnosheniya v period Bangladeshskogo krizisa 1971 goda i pozitsiya SShA [Indo-Soviet relations during the Bangladesh crisis of 1971 and the US position]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, № 9-2, pp. 44—50.
- Marwah O. (1979). India's Military Intervention in East Pakistan, 1971—1972. *Modern Asian Studies*, 13 (04), pp. 549—580.
- Panichkin Yu.N., Musaev F.A. (2013). Voennyi konflikt 1971 goda mezhdue Indiei i Pakistanom. Natsional'naya tragediya Pakistanu i otnosheniya s Afganistanom [The military conflict in 1971 between India and Pakistan. The national tragedy of Pakistan and relations with Afghanistan]. *Fundamental'nye issledovaniya*, № 10-7, pp. 1607—1610.
- Saikia Y. (2004). Beyond the Archive of Silence: Narratives of Violence of the 1971 Liberation War of Bangladesh. *History Workshop Journal*, 58 (03), pp. 275—287.
- Salam A. (2008). Role of Indian People in Liberation War of Bangladesh. *Dialogue*, 10 (2). URL: http://www.asthabharati.org/Dia_Oct%2008/sal.htm (accessed: 12.09.2016).

Received: 08.10.2016

For citations: Drong, A. (2016). India's Role in the Emergence of Bangladesh as an independent state. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 736—744.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-736-744

РОЛЬ ИНДИИ В СТАНОВЛЕНИИ БАНГЛАДЕШ КАК НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА

А. Дронг

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В данной статье анализируется роль Индии, крупнейшего соседа Бангладеш, а также СССР (Советского Союза) и других влиятельных акторов международных отношений в становлении Бангладеш как независимого государства. В статье рассматривается Освободительная война в Бангладеш в 1971 г. Особое внимание уделяется анализу предпосылок бангладешского кризиса 1971 г., роли властей Индии и в особенности И. Ганди, участию индийских вооруженных сил (в том числе погранслужбы, армии, флота и авиации) в конфликте, а также роли Индии в признании Бангладеш как независимого государства. Автором также затрагивается вопрос участия СССР в этой войне в контексте советско-американского противостояния в годы холодной войны.

Ключевые слова: Бангладеш, Восточный Пакистан, Индия, Индира Ганди, Советский Союз, США, Пакистан, Договор о дружбе и сотрудничестве, Освободительная война, независимость.

Дата поступления статьи: 08.11.2016

Для цитирования: *Drong A. India's Role in the Emergence of Bangladesh as an independent state // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 736—744.*

© Дронг А., 2016

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-745-754

РОССИЙСКОЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА МИРОВОМ РЫНКЕ (на примере МГРИ-РГГРУ)

В.И. Лисов

Российский государственный геологоразведочный университет,
Москва, Россия

В данной статье рассматриваются перспективы продвижения российского геологоразведочного образования на мировой рынок образовательных услуг. В современных условиях в геологоразведке повышается роль новых достижений науки и техники, усиливаются экологические требования, а также требования к персоналу. Притом что лидирующие школы в горнодобывающей отрасли, помимо России, сформированы в Канаде, Германии, США, Австралии, Великобритании, многие развивающиеся страны, богатые природными ресурсами, приступили к формированию своих национальных центров подготовки в данной сфере. В условиях острой конкурентной борьбы российскому геологическому образованию удастся сохранить свою собственную нишу. Признанием этого является активное участие российских вузов в создании и развитии Всемирного форума устойчивого развития минерально-сырьевых университетов (WFURS), описанное в статье.

Приведены основные факторы конкурентоспособности, обусловившие лидирующие позиции Российского государственного геологоразведочного университета (МГРИ-РГГРУ) в системе российского геологического образования. Особое внимание уделяется международной деятельности российских вузов (на примере МГРИ-РГГРУ). Приведена основная статистика (как в страновом разрезе, так и по специальностям) иностранных студентов и аспирантов, обучающихся в университете. Выделены основные проблемы и перспективы интеграции российского геологического образования в мировой рынок образовательных услуг.

Ключевые слова: недропользование, высшая школа, геология, мировая экономика, подготовка кадров.

Мировой горнопромышленный бизнес находится перед лицом целого ряда глобальных и национальных угроз [Бизнес-риски в горнодобывающей... 2012]¹. Политическая нестабильность в развивающемся мире ухудшает реализацию вы-

¹ Исследование компании EY: Бизнес-риски в горнодобывающей и металлургической отраслях в 2015—2016 годах. URL: <http://metalmininginfo.kz/archives/25614> (дата обращения: 13.08.2016).

годных проектов в данной сфере. Новые ограничительные требования к промышленности выдвигает ухудшающаяся экология Земли. Притом что в мире особо значима нефть как ценное сырье, это лишь один из видов многообразных ресурсов недр, а нефтегазовый бизнес лишь часть горнопромышленного комплекса. В мировом рейтинге рисков для горнодобывающих компаний недостаток квалифицированных кадров прочно занимает лидирующее место [Бизнес-риски в горнодобывающей... 2012; Лисов 2013; О состоянии и использовании... 2014]².

При том что лидирующие школы в горнодобывающей отрасли, помимо России, сформированы в Канаде, Германии, США, Австралии, Великобритании, многие развивающиеся страны, богатые природными ресурсами, приступили к формированию своих национальных центров подготовки в данной сфере. Например, в Иране за последние годы на базе местных вузов создано 27 кафедр горного дела, ежегодно выпускающих 645 специалистов. Причем, по мнению иранских экспертов, это совпало со снижением набора и сокращением ряда кафедр в западных вузах [Mining engineering education... 2007; Mining engineering education... 2005]. В условиях острой конкурентной борьбы между традиционными школами развитых стран и формирующимися образовательными учреждениями в развивающихся, российскому геологическому образованию удастся сохранить свою собственную нишу на мировом рынке. Ведущие вузы России, включая МГРИ-РГГРУ, в мировом образовательном пространстве выигрывают как по стоимости образования, так и по его качеству.

РОССИЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В МИРОВОМ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

10—12 июня 2012 г. во Фрайбурге (Германия) под эгидой ЮНЕСКО ООН состоялся первый Всемирный форум устойчивого развития минерально-сырьевых университетов (WFURS). Инициаторами учреждения постоянно действующего форума выступили два старейших горных вуза мира — Фрайбургская горная академия, основанная в 1765 г., и Санкт-Петербургский государственный горный университет, учрежденный в 1773 г. (сейчас Национальный минерально-сырьевой университет «Горный» — НМСУ «Горный»). В конференции по учреждению форума приняли участие 58 университетов, готовящих специалистов сырьевых отраслей в 39 странах мира, включая МГРИ-РГГРУ. Повестка дня носила насыщенный характер, ключевой фокус дискуссии был направлен на обсуждение вопросов создания скоординированных образовательных стандартов в области устойчивого развития, международного обмена опытом и организации стажировок студентов и преподавателей, управления рисками и др.

В конце сентября 2016 г. в Санкт-Петербурге в «Горном» прошел очередной форум WFURS. Главным вопросом программы стало обсуждение инициативы «Горного» по созданию Международного центра компетенций в горнотехническом образовании под эгидой ЮНЕСКО. Центр будет проводить профессиональную аттестацию специалистов, работающих в минерально-сырьевом комплексе,

² Там же.

его аккредитация в будущем станет обязательной для получения статуса горного инженера. На форуме была утверждена рабочая группа по созданию Центра компетенций, в состав которой вошли 12 руководителей ведущих ресурсных вузов мира. В качестве приоритетной была обозначена задача проведения переговоров с руководством ЮНЕСКО и выработка конкретных предложений, связанных с профессиональными нормативами, определением состава аттестационной комиссии и рядом других вопросов. В ходе второго дня форума состоялись секционные заседания, в рамках которых основная дискуссия развернулась вокруг таких сюжетов как инновационные горные технологии для устойчивого развития, глубокая переработка минерального сырья, экологическая ответственность компаний минерально-сырьевого сектора, новые вызовы для ресурсных университетов³.

В целом учреждение WFURS имеет для горнопромышленного (и геологического) образования большое практическое значение. Форум становится площадкой для обмена передовым опытом, координирования работы по повышению уровня и качества высшего образования, организации обмена студентов и преподавателей, согласования международных учебных пособий (особенно англоязычных), решения актуальных научно-методических вопросов, актуализации учебно-производственной подготовки новых кадров и др.

МГРИ-РГГРУ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Среди инженерных университетов России МГРИ-РГГРУ выделяется наличием ряда сильных научных школ (урановая и редкоземельная геология, гидрогеология и др.). Вуз был создан в 1918 г. и многие десятилетия действовал как Московский геологоразведочный институт (МГРИ) [Лисов 2016; Лисов 2013; Организация учебно-методической работы... 2013; Основные задачи повышения качества... 2014]. Общее количество обучающихся приближается к 5 тыс. человек, что характеризует МГРИ-РГГРУ как нишевой вуз, обладающий узкой инженерной специализацией.

Если годовой выпуск кадров с высшим геологическим образованием (более 20 специальностей) в РФ составляет около 2,5 тыс. человек, то среди них МГРИ-РГГРУ занимает ведущее место (около 30 % общего выпуска). МГРИ-РГГРУ многие десятилетия формирует единое высшее профессиональное образование по «прикладной геологии» и «технологии геологической разведки», координируя работу почти 30 других вузов и геологических факультетов. На базе университета в интересах совершенствования геологического и горного образования в вузах России приказом Минобрнауки РФ создана «Федеральная инновационная площадка».

На базе МГРИ-РГГРУ работают сильнейшие научные школы — прикладной геологии, геофизики, урановой и редкоземельной геологии, геммологии (наука о драгоценных ювелирных камнях и их обработке), гидрогеологии и др.

³ В Горном университете состоялся Всемирный форум устойчивого развития минерально-сырьевых университетов (WFURS). 14 октября 2016 г. <http://www.rosnedra.gov.ru/article/8787.html> (дата обращения: 13.11.2016).

Важным показателем конкурентоспособности МГРИ-РГГРУ на мировом рынке образовательных услуг является соотношение числа студентов на одного преподавателя. Оно существенно выше, чем в других странах (1 к 12), при том что в большинстве университетов США и Европы соотношение составляет 1 : 25.

Вуз поддерживает тесные взаимосвязи со своими выпускниками, работающими в многочисленных производственных компаниях по всей России («Роснефть», «Норильский никель», «Алмазы России» и др.), а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Россия наращивает свою привлекательность для многих стран Азии, Африки и Латинской Америки в части высшего, в том числе геологического, образования [Арефьева, Шеренги 2014; Гаффорова 2012]⁴. Общая стратегия работы определяется «Концепцией государственной политики РФ в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях» (2002 г.) и нормативными положениями Министерства образования и науки РФ.

По данным Минобрнауки России, основной объем очных образовательных услуг иностранным гражданам оказывают около 100 российских вузов, в которых занимаются $\frac{2}{3}$ всех иностранных студентов, стажеров, аспирантов и т.д. [Арефьева, Шеренги 2014; Экспорт образовательных услуг... 2011]. Одним из национальных лидеров в высшей школе является многопрофильный Российский университет дружбы народов (РУДН), где на инженерном факультете также готовят небольшую группу геологов [Филиппов 2014].

К сожалению, численность иностранных учащихся в России растет медленнее, чем увеличивается общемировая численность студентов. Так, с 1990/1991 уч. г. по 2011/2012 уч. г. общемировая численность иностранных студентов выросла в 3,6 раза, а численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах РФ в 1,8 раза. И это при сравнительно низкой контрактной стоимости высшего образования России по сравнению со странами АТР, США и Западной Европой [Арефьева, Шеренги 2014; Гаффорова 2012; Обучение иностранных граждан в... 2014; Экспорт образовательных услуг... 2011].

Международные задачи высшей школы России требуют более масштабного и целевого финансирования обучения иностранных граждан. Затраты по подготовке иностранных граждан в высшей школе должны бы быть несколько выше (до 15 %), чем для граждан России. В конечном итоге бюджетная эффективность таких затрат выразится в усилении престижа и экономической роли России в мире, расширении поставок из страны товаров и услуг в другие страны и др. [Лисов 2016; Лисов 2012].

⁴ Ивойлова И. За какими профессиями едут в Россию. Российская газета. 18 мая 2015 г. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/18/filippov.html> (дата обращения: 13.08.2016).

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В МГРИ-РГГРУ

С 2012 г. в МГРИ-РГГРУ было качественно реорганизовано направление работы с иностранными студентами и аспирантами. С точки зрения структурных кадровых преобразований была введена должность проректора по международному сотрудничеству и осуществлена новая система управления по работе с иностранными студентами и аспирантами. В вуз пришли высококвалифицированные специалисты-международники с богатым практическим опытом. Среди них В.С. Старилов, опытный дипломат, служивший в 2002—2007 гг. послом РФ в Гайане, Тринидаде и Тобаго.

Среди основных направлений международной деятельности МГРИ-РГГРУ были выделены следующие стратегические векторы: 1) регулярный мониторинг мировых тенденций в науке и образовании, изучение, анализ и освоение передового зарубежного опыта; 2) интернационализация научных исследований и образовательных ресурсов; 3) презентации достижений университета в науке и образовании на международных конференциях, выставках, конкурсах; 4) публикации результатов исследований и разработок за рубежом; 5) международные академические обмены преподавателей и студентов, организация зарубежных стажировок и учебно-производственных практик; 6) обеспечение приема в университет и обучение иностранных студентов и аспирантов, а также зарубежных специалистов на курсах повышения квалификации; 7) формирование в университете мультиязыковой и мультикультурной среды для международного сотрудничества.

В сентябре 2016 г. по линии международного межвузовского сотрудничества стартовал обмен студентов. МГРИ-РГГРУ направил на стажировку в Ляонинский технологический университет (КНР) 14 студентов и аспирантов, коорые получают международный сертификат по выбранным специальностям со знанием китайского языка.

В развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки популярность российского геологического образования продолжает расти. Так, если в 2010 г. в МГРИ-РГГУ обучалось 432 иностранных студента, в 2013 г. их доля возросла до 532 человек. Данные 2016 г. приведены в табл. 1.

Таблица 1

Численность иностранных обучающихся МГРИ-РГГРУ в 2016/2017 уч. г. по программам обучения (на 1 октября 2016 г.)

Программа обучения	Всего	Форма обучения		
		Гос. линия	Бюджет	Контракт
Доп. общеобраз. программы поступающим	32	0	0	32
Бакалавры	373	51	77	245
Специалисты	332	19	173	140
Магистры	49	12	15	22
Аспиранты	23	9	0	14
Докторанты	0	0	0	0
ВПО (Старооскольский филиал МГРИ-РГГРУ)	26	0	0	26
СПО (Старооскольский филиал МГРИ-РГГРУ)	51	0	31	20
Учащиеся в академических отпусках	27			
ИТОГО студенты	913	91	296	499
Стажеры (в т.ч. повышение квалификации)	3	0	2	1
ИТОГО	916	91	298	500

Источник: Данные МГРИ-РГГРУ

Обучающиеся в МГРИ-РГГРУ иностранцы представляют 53 страны, в том числе 11 стран ближнего зарубежья (БЗ) и 42 — дальнего зарубежья (ДЗ). В количественном отношении из 916 иностранных граждан — 77 % из БЗ и 23 % из ДЗ. Список лидеров возглавляют Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Китай, Ангола.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

К 2016 г. в геологической науке и в высшей школе России и ряда других стран (США, Германия, Канада, Австралия и др.) произошли заметные перемены: 1) повысилась роль в геологоразведке новых достижений науки и техники; 2) усилились требования к рациональному хозяйствованию и охране природы (биосферы, почвы, воды, воздуха и др.); 3) в мировой геологоразведке и горной практике обострилась конкуренция за доступ к недропользованию; 4) возникли специализированные международные горнопромышленные компании с повышенными требованиями к персоналу; 5) развитие мировой торговли стало сказываться на инвестиционной политике и организации недропользования и др.

Новый стимул к совершенствованию геологического образования российские вузы получили после утверждения правительством РФ «Стратегии развития геологической отрасли до 2030 года» от 21 июня 2010 г.⁵ Совершенствование кадрового обеспечения геологической отрасли находится в числе приоритетных задач. Реструктуризация геологической отрасли России значится и в числе стратегических целей Минприроды РФ.

Качество высшего образования во многом зависит от динамики и масштабов развития национальной науки. МГРИ-РГГРУ, опираясь на неделимость образовательной траектории и научного фундамента, усиленно работает над развитием международных инновационных связей. Вуз на постоянной основе привлекает к учебному процессу ученых из крупнейших научных институтов Москвы и региона, в том числе из РАН и геологической отрасли, которых насчитывается уже свыше 20.

Высшая школа России сегодня реформируется по нескольким направлениям. Во-первых, налицо тренд укрупнения университетов. Или, по крайней мере, их активного взаимодействия в образовательной и научной сфере. Эффективное профессиональное образование требует конструктивного взаимодействия между собой непосредственно самих ресурсных университетов, включая зарубежные; профильных министерств (Минобрнауки, Минприроды, Минпромторга, Минэнерго); компаний крупного и среднего бизнеса по новым стратегиям инновационной модернизации. В этом смысле МГРИ-РГГРУ активно включен в общий формат комплексного сотрудничества, активно участвуя в научно-методической работе по структуре и содержанию геологического образования.

Россия является одной из ведущих стран мира с активным недропользованием в разных климатических зонах, где применяется новейшая техника и оборудова-

⁵ Стратегия развития геологической отрасли до 2030 г. (утверждена распоряжением правительства РФ от 21 июня 2010 г. № 1039-р).

ние. Высшее горнопромышленное образование в России обеспечивает подготовку качественных кадров, насыщая рынок востребованными профессионалами. МГРИ-РГГРУ традиционно отличается своим геологическим образованием, качество которого известно и ценится в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки. Перед вузом стоят еще более амбициозные и широкоформатные задачи, прежде всего по усилению международной образовательной и научной составляющей на фоне набирающей обороты конкуренции со стороны ведущих западных университетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арефьева А.Л., Шеренги Ф.Э. Иностранцы студенты в российских вузах. М.: Минобрнауки РФ. Центр социологических исследований, 2014.

Бизнес-риски в горнодобывающей и металлургической отраслях: исследование за 2012—2013 годы. Эрнст энд Янг, 2012.

Гаффорова Е.Б. Исследование конъюнктуры рынка образовательных услуг стран АТР // Маркетинговый взгляд: аналитические обзоры региональных рынков товаров и услуг. Владивосток: ИД ДВФУ. 2012. № 7. С. 43—61.

Доклад о конкурентоспособности России 2011. Всемирный экономический форум, Женева. М.: ОАО «Сбербанк» и «Стратеджи Партнерс Групп», 2011.

Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / Под ред. проф. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2016.

Концепция геологического образования в России. М.: НИИ-Природа, 2000.

Лисов В.И. Приоритеты международной образовательной деятельности российских вузов // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 3—10.

Лисов В.И. Проблемы развития высшего инженерно-технического образования России. М.: ИД МГРИ-РГГРУ, 2013.

Лисов В.И. Учиться работать и иностранными инвесторами // Известия высш. учеб. заведений. Геология и разведка. 2016. № 4. С. 5—7.

Лисов В.И., Брюховецкий О.С. Задачи геологического и горного образования с учетом новых факторов экономического роста в России // Известия высш. учеб. заведений. Геология и разведка. 2016. № 4. С. 75—81.

Лисов С.В., Лисов В.И. Интеграционные тенденции высшего профессионального образования России. М.: ЦентрЛитНефтеГаз, 2016.

Наука, технологии и инновации России. 2015: Крат. сб. стат. М.: ИПРАН РАН, НАУКА, 2015.

О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2013 г.: Государственный доклад Минприроды РФ. М.: ООО «Минерал-Инфо», 2014.

Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Сб. стат. Вып. 11. М.: Центр социологических исследований, 2014.

Организация учебно-методической работы МГРИ-РГГРУ по прикладной геологии и новые задачи в условиях действия закона «Об образовании в Российской Федерации» (от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ) (Сборник статей и документов). М.: МГРИ-РГГРУ, 2013.

Основные задачи повышения качества подготовки специалистов для минерально-сырьевого комплекса Российской Федерации. М.: МГРИ-РГГРУ, 2014.

Привлечение иностранных инвестиций в горнодобывающую промышленность Российской Федерации. TORONTO: KINROSS, 2011.

Спартак А.Н. Россия в международном разделении труда: Выбор конкурентной стратегии: Монография. М.: МАКС Пресс, 2004.

Филитов В.М. Международное сетевое взаимодействие в сфере образования // Федеральный справочник. Образование в России. Т. 10. М.: НП «Центр стратегического партнерства», 2014.

Экспорт образовательных услуг: анализ управленческих решений / С.А. Беляков и др. М.: Дело, 2011.

Education at a Glance 2015: OECD. Indicators Russian Federation. DOI: 10.1787/eag-2015-76-en URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/education/education-at-a-glance-2015/russian-federation_eag-2015-76 (accessed: 13.08.2016).

Memorian H. Mining engineering education in Iran and the world // 20th World Mining Congress 2005 «Mining and Sustainable Development». URL: http://ucee.ut.ac.ir/sites/5597a97b1897caa78d000002/assets/5667db1e1897ca70e2000222/2005_Memarian_-_Mining_Edu_-_WMC.pdf (accessed: 13.08.2016).

Mining engineering education in developing countries: the case of Iran. Canadian Institute of Mining, Metallurgy and Petroleum. URL: http://www.cim.org/en/Publications-and-Technical-Resources/Publications/Technical_Papers/2007/1/BULL-2007-01-03 (accessed: 13.08.2016)

Resources Futures. A Chatham House Report. December 2012. URL: chathamhouse.org/publications/papers/view/187947 (дата обращения: 13.08.2016).

Дата поступления статьи: 08.11.2016

Для цитирования: Лисов В.И. Российское геологическое образование на мировом рынке (на примере МГРИ-РГГРУ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 745—754.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-745-754

RUSSIAN GEOLOGICAL EDUCATION IN THE WORLD MARKET (the Case of Russian State Geological Prospecting University)

V.I. Lisov

Russian State Geological Prospecting University, Moscow, Russia

Higher geological education in Russia and in MSGPI-RSGPU specific. It — engineering. The mineral deposits determine the development of the global industry and foreign trade. Growing global demand for the profession of geologists and mining engineers. Training of foreign students in Russia has its own geopolitical and economic importance. In Russia a strong resource-based economy. It attracts students from developing countries. MGRI-RSGPU is the leading universities training specialists for mining. The article presents data about the University and types of education. Shown scientific and educational problems in higher education.

This article discusses the prospects for the promotion of Russian higher geological education at the world market of educational services. The increasing role of new scientific and technological achievements in mining, enhanced environmental as well as staff requirements is revealed. Given that the leading schools in the mining industry, in addition to Russia, are formed in Canada, Germany,

USA, Australia, Great Britain, many developing countries rich in natural resources, have begun to form their own national centers for training in this area. Under such competitive conditions Russian geological education maintains its own niche. Recognition of this is the active participation of Russian universities in the creation and development of the World Forum of sustainable development of mineral universities (WFURS), described in the article.

The main factors of competitiveness that led to leading positions of Russian State Geological Prospecting University in system of the Russian geological education are described. Particular attention is paid to the international activities of Russian higher educational institutions including Geological Prospecting University. The basic statistics (both in the context of the country, and in the field) of foreign undergraduate and graduate students enrolled at this university is provided. The article highlights the main problems and prospects of integration of the Russian geological education in the world market of educational services.

Key words: a resource-based economy, high school, geology, global economy, training.

REFERENCES

Aref'eva, A.L., Sherengi, F.E. (2014) *Inostrannye studenty v rossiiskikh vuzakh* [Foreign students in Russian higher educational institutions]. Moscow: Minobrnauki RF. Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy.

Biznes-riski v gornodobyvayushchei i metallurgicheskoi otraslyakh: issledovanie za 2012—2013 gody. [Business risks in the mining and metallurgical industries: research for 2012—2013]. (2012) Ernst and Yang.

Doklad o konkurentosposobnosti Rossii 2011. [The Report of Russian competitiveness of the 2011] (2011). Vsemirnyi ekonomicheskii forum, Zheneva. Moscow: OAO «Sberbank» i «Stratedzhi Partners Grupp».

Education at a Glance 2015: OECD. Indicators Russian Federation. DOI: 10.1787/eag-2015-76-en URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/education/education-at-a-glance-2015/russian-federation_eag-2015-76 (accessed: 13.08.2016).

Ekspert obrazovatel'nykh uslug: analiz upravlencheskikh reshenii [Export of educational services: analysis of administrative decisions]. (2011). Ed. S.A. Belyakov i dr. Moscow: «Delo».

Filippov, V.M. (2014). Mezhdunarodnoe setevoe vzaimodeistvie v sfere obrazovaniya [International networking in education]. *Federal'nyi spravochnik. Obrazovanie v Rossii*. Vol. 10. Moscow: NP «Tsentr strategicheskogo partnerstva».

Gafforova, E.B. (2012). Issledovanie kon'yunktury rynka obrazovatel'nykh uslug stran ATR. [Market research educational services Asia-Pacific countries] *Marketingovi vzglyad: analiticheskie obzory regional'nykh rynkov tovarov i uslug*. Vladivostok: ID DVFU, 7, pp. 43—61.

Issledovatel'skie universitety SShA: mekhanizm integratsii nauki i obrazovaniya [Research universities in the US: the mechanism of integration of science and education] (2016). Ed. prof. V.B. Supyana. Moscow: Magistr.

Kontsepsiya geologicheskogo obrazovaniya v Rossii [The concept of geological education in Russia]. Moscow: NIA-Priroda, 2000.

Lisov, V.I. (2012). Prioritety mezhdunarodnoi obrazovatel'noi deyatel'nosti rossiiskikh vuzov [Priorities of international educational activity of Russian universities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 1, pp. 3—10.

Lisov, V.I. (2013). *Problemy razvitiya vysshego inzhenerno-tekhnicheskogo obrazovaniya Rossii* [Problems of development of higher engineering education in Russia]. Moscow: ID MGRI-RGGRU.

Lisov, V.I. (2016). Uchit'sya rabotat' i inostrannymi investorami [Learn to work as foreign investors]. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Geologiya i razvedka*, 4, pp. 5—7.

Lisov, V.I., Bryukhovetskii, O.S. (2016). Zadachi geologicheskogo i gornogo obrazovaniya s uchetom novykh faktorov ekonomicheskogo rosta v Rossii [Objectives of geologic education in the frame of the new factors of economic growth in Russia]. *Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Geologiya i razvedka*, 4, pp. 75—81.

Lisov, S.V., Lisov, V.I. (2016). *Integratsionnye tendentsii vysshego professional'nogo obrazovaniya Rossii* [Integration trends of higher education in Russia]. Moscow: TsentrLitNefteGaz.

Memorian H. (2005). *Mining engineering education in Iran and the world*. 20th World Mining Congress 2005 «Mining and Sustainable Development». URL: http://ucee.ut.ac.ir/sites/5597a97b1897caa78d000002/assets/5667db1e1897ca70e2000222/2005_Memarian-_Mining_Edu_-_WMC.pdf (accessed: 13.08.2016).

Mining engineering education in developing countries: the case of Iran (2007). Canadian Institute of Mining, Metallurgy and Petroleum. URL: http://www.cim.org/en/Publications-and-Technical-Resources/Publications/Technical_Papers/2007/1/BULL-2007-01-03 (accessed: 13.08.2016).

Nauka, tekhnologii i innovatsii Rossii. 2015: Krat. sb. stat. [Science, technology and innovation of Russia]. (2015). Moscow: IPRAN RAN, NAUKA, 2015.

O sostoyanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'evykh resursov Rossiiskoi Federatsii v 2013 g. Gosudarstvennyi doklad Minprirody RF [On the status and use of Russian mineral resources in 2013, the State Ministry of Natural Resources report]. (2014). Moscow: ООО «Mineral-Info», 2014.

Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossiiskoi Federatsii [Training of foreign citizens in the higher educational institutions of the Russian Federation] (2014). Sb. stat. Vyp. 11. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy.

Organizatsiya uchebno-metodicheskoi raboty MGRI-RGGRU po prikladnoi geologii i novye zadachi v usloviyakh deistviya zakona «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» (ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ) [Organization of educational and methodical work in MGRI-RGGRU in applied geology and new challenges in terms of the law “On Education in the Russian Federation” (dated December 29, 2012 № 273-FZ)]. (2013). (Sbornik statei i dokumentov). Moscow: MGRI-RGGRU.

Osnovnye zadachi povysheniya kachestva podgotovki spetsialistov dlya mineral'no-syr'evogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii [The main objectives of improving the quality of training for the mineral complex of the Russian Federation]. (2014). Moscow: MGRI-RGGRU.

Privlechenie inostrannykh investitsii v gornodobyvayushchuyu promyshlennost' Rossiiskoi Federatsii [Attracting foreign investment in the mining industry of the Russian Federation] (2011). TORONTO: KINROSS.

Resources Futures (2012). A Chatham House Report. URL: chathamhouse.org/publications/papers/view/187947 (дата обращения: 13.08.2016).

Spartak, A.N. (2004). *Rossiya v mezhdunarodnom razdelenii truda: Vybor konkurentnoi strategii* [Russia in the international division of labor: The choice of competitive strategy]. Moscow: MAKS Press.

Received: 08.11.2016

For citations: Lisov, V.I. (2016). Russian geological education in the world market (the case of Russian State Geological Prospecting University). *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 745—754.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-755-767

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-АРАБСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В. (на примере Йемена, Сирии и Туниса)

А.Р. Шишкина

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

В.А. Федотова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Статья посвящена изучению современной российской востоковедной литературы по проблеме взаимоотношений между СССР и Российской Федерацией как его правопреемницей, с одной стороны, и некоторыми арабскими странами — с другой. В качестве примера выбраны Йемен, Сирия и Тунис — достаточно важные страны Ближнего Востока и Северной Африки, внимание к которым со стороны российской ближневосточной политики менялось с течением времени. На основе изучения литературы выявляются основные сферы взаимодействия между указанными странами и темы, получившие слабое освещение. Данное исследование может способствовать определению возможностей дальнейшего взаимодействия и оценке потенциальных социально-политических рисков.

Ключевые слова: историография, Ближний Восток, Северная Африка, внешняя политика России, Йемен, Сирия, Тунис, российско-арабские связи.

На протяжении долгого времени СССР, а затем и РФ выстраивали и укрепляли связи со многими арабскими странами. Итогом международного взаимодействия послужили установленные экономические, политические, дипломатические, культурные и социальные связи. Взаимодействие со странами Ближнего Востока и Северной Африки являлось важной составляющей внешнеполитического курса Советского Союза, однако после его распада внимание к некоторым странам-партнерам в этом регионе ослабло, что было связано с обострением внутренних проблем бывших союзных государств, а также с тем, что, по мнению некоторых исследователей, Россия была вынуждена обратиться к стратегии уступок по отношению к странам Запада и США и, как следствие, ослабить внимание к своим прежним партнерам [Эльмаляян 2007].

Описанные тенденции нашли свое отражение в востоковедной литературе, изучение которой позволяет нам определить основные сферы взаимодействия

с изучаемыми странами, а также обозначить пробелы в выстраивании диалога с ними. Особенно актуально это выглядит в свете политических трансформаций последних лет в регионе Большого Ближнего Востока [Системный мониторинг... 2012; Арабский кризис... 2014; Системный мониторинг... 2016; Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Коротаев, Исаев, Руденко 2015; Малков, Коротаев, Исаев, Кузьмина 2013; Korotayev, Isaev, Malkov, Shishkina 2013; Korotayev, Isaev, Malkov, Shishkina 2014] а также в связи с изменением общемировых политико-экономических тенденций [Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Grinin, Korotayev 2012; Grinin, Korotayev 2014]. Результаты подобного исследования, таким образом, могут послужить опорным материалом для прогнозирования возможных рисков взаимодействия с регионом, а также выстраивания перспектив эффективного сотрудничества.

ЙЕМЕН

С этой арабской страной у Советского Союза, а позднее у Российской Федерации, установились тесные и дружественные отношения, которые, впрочем, значительно ослабли в результате йеменского политического кризиса последних лет [Исаев, Коротаев 2015]. История становления и развития этих отношений получила довольно широкое освещение в русскоязычной научной литературе.

Так же как и многие другие авторы, П.В. Густерин (его авторству принадлежит детальная хронология российско-йеменских отношений с 1883 по 2008 гг.) подчеркивает, что на протяжении всей истории взаимодействия России и Йемена между этими двумя странами были только дружественные отношения [Густерин 2005]. Причем Йемен стал первой арабской страной, которую на экранах кинозалов увидели советские люди — в 1929 г. был снят научно-популярный фильм «Эль-Йемен». Густерин также говорит о том, что значительный вклад в развитие и укрепление двусторонних отношений внес экс-президент Йеменской Республики Али Абдалла Салех.

Истории выстраивания отношений СССР с Северным и Южным Йеменом посвящена диссертация Н.С. Мирошниченко [Мирошниченко 2004]. Она отмечает, что, несмотря на ослабление позиций России на Ближнем Востоке после окончания холодной войны, уже с середины 1990-х гг. обозначилось ее возвращение в ближневосточный регион, входящий в зону российских стратегических интересов. Автор уверена, что возрождение российско-арабских связей будет способствовать и укреплению позиций России на мировой арене. В свою очередь, арабские государства стремятся к развитию многосторонних отношений с Россией, «исходя из необходимости обеспечения обоюдных национальных интересов, сохранения стратегического баланса интересов на региональном и глобальном уровне, а также ради безопасности современной геополитической обстановки в мире».

Академик А.М. Васильев в книге «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму» [Васильев 1993] пишет, что еще в 1926 г. СССР признал независимость Йемена, который в то время испытывал серьезные противоречия и столкновения с Великобританией и Италией. Автор отмечает, что

основой сотрудничества СССР с Йеменом (который именуется «экзотическим арабийским цветком») в 1920—1930-е гг. была враждебность имама Яхьи по отношению к англичанам.

В последующие годы Советский Союз также оказывал политическую поддержку и осуществлял торгово-экономическое сотрудничество с Йеменом. К 1980-м гг. ЙАР, считаясь прозападным государством, тем не менее, заключила соглашение с СССР о поставках вооружений. Связи с последним в этом случае были для Йемена «козырной картой» на фоне желания вести независимую игру [Васильев 1993].

М.А. аль-Саяги [Аль-Саяги 2007] отмечает важную роль экономики в отношениях Советского Союза и Северного Йемена. Однако в начале 1970-х гг. отношения между Йеменской Арабской Республикой (ЙАР) и СССР стали постепенно ухудшаться, что было вызвано примирением властей Йемена с роялистами в марте 1970 г. и привело к тому, что СССР стал терять свои позиции в Северном Йемене. Это, тем не менее, не сказалось на экономическом сотрудничестве между двумя странами. В 1980-х гг. также отмечалось некоторое снижение интенсивности контактов между СССР и ЙАР, связанное с осложнением внутривнутриполитической обстановки в обеих странах. В целом же автор полагает, что с приходом к власти в Северном Йемене полковника Али Абдаллы Салеха намечилось улучшение отношений между двумя странами вплоть до 1990-х гг.

А.С. Бен Ламлас в своей диссертации, посвященной истории культурного сотрудничества между Йеменом и Советским Союзом [Бен Ламлас 2002], подчеркивал, что отношения между этими странами традиционно носили дружественный характер, подтверждением чему служит солидная правовая база. Несмотря на то что в первой половине 1990-х гг. произошел заметный спад в двустороннем сотрудничестве, возможности для его «оживления», по мнению автора, на начало XXI в. были далеко не исчерпаны. Автор особое значение придавал культурному сотрудничеству, отмечая, что культурное сотрудничество обладает известной самостоятельностью по отношению к политике, поскольку включает в себя сферы искусства, здравоохранения, информации, спорта и т.д., а главным его результатом является сближение не только правительств, но и народов, их взаимное ознакомление и преодоление имеющихся предрассудков и стереотипов.

Взаимосвязь между Россией и Йеменом находит свое отражение даже в таких нетипичных исследованиях как, например, диссертация З. Али Рашид, посвященная кросс-культурному изучению агрессивного поведения у подростков России и Йемена [Али Рашид 1999]. Автор приходит к выводу о том, что кросс-культурные факторы личности оказывают определяющее влияние на проявление агрессивного поведения как подростков России, так и Йемена. Агрессивность, как правило, связана с половыми и возрастными особенностями личности, при этом юноши как России, так и Йемена более агрессивны, чем девушки.

Уже в 1990-е гг. стали обнаруживаться и определенные проблемы, связанные с деятельностью йеменских исламских радикалов. Так, К.И. Поляков начинает свою статью «Йеменские экстремисты и Россия. Вести из ближнего зарубежья»

[Поляков 1999] с описания некоторых проповедей хатыбов на севере Йемена, в которых довольно часто звучит тема России. Слушателям — выходцам из разных арабских стран, «объединенных разве что принадлежностью к «воинству Аллаха», — рассказывают о притеснении мусульман и политике их насильственного обращения в атеистов и христиан и т.п. Впрочем, резюмирует автор, сами йеменцы неоднозначно относятся к тому, что на их территории обосновались некоторые радикально настроенные исламисты.

В целом же повторим, что наилучшим образом в русскоязычной историографии изучена история развития российско-йеменских связей вплоть до начала 2000-х гг. Проблема же развития российско-йеменских отношений в 2000-е гг., а в особенности в бурный период, последовавший за приходом в Йемен «арабской весны» [Назир 2014], еще ждет своих исследователей.

СИРИЯ

Сирия также является примером страны, отношения России с которой традиционно носят дружественный характер. Дипломатические отношения между СССР и Сирией были установлены в 1944 г., и с этого момента поддерживалось и развивалось торгово-экономическое, стратегическое (что было особенно актуально в свете углубления сирийско-израильских противоречий) и культурное сотрудничество между этими странами. Так, основываясь на интервью с атташе по культуре посольства Сирийской Арабской Республики в Российской Федерации, Т. Соловьева отмечает многовековой опыт взаимоотношений между Россией и Сирией в различных сферах, в том числе в области просвещения и высшего образования, культуры и искусства, науки и религии [Соловьева 2004]. Однако наиболее динамично развивающимся аспектом российско-сирийского взаимодействия уже давно было военно-техническое сотрудничество [Люкманов 2006].

М.И. Назир пишет о том, что деятельность советского правительства во многом была направлена на сближение с Сирией, и очевидным было стремление таким образом обрести союзника и укрепить свои позиции в регионе. Одной из важных характеристик сотрудничества двух стран была стабильность военно-технического оснащения, а советское оружие хорошо себя зарекомендовало и пользовалось большим спросом [Назир 2014].

Как отмечал в 2008 г. В.В. Евсеев [Евсеев 2008], после распада Советского Союза позиции России в Сирии существенно ослабли, что было вызвано не только резким сокращением ресурсной базы, но и недостаточно продуманной политикой бывшего министра иностранных дел РФ А.В. Козырева на Ближнем Востоке. Прорыв в отношениях между Россией и Сирией произошел в 2005 г., после списания советского долга Сирии в обмен на гарантии новых заказов на вооружение. Кроме того, в этот же период наблюдался рост российско-сирийского товарооборота, в частности в нефтегазовой сфере, которую, по мнению автора, можно считать наиболее перспективным направлением сотрудничества двух стран. В.В. Евсеев приходил к выводу о том, что России можно было бы рассматривать Сирию в качестве внешнеполитического союзника, однако оказание помощи последней

и, таким образом, ослабление давления США на Сирию становилось практически невозможным без поддержки со стороны Германии и некоторых других западных держав ввиду ограниченности ресурсов и недостатка передовых технологий [Евсеев 2008].

Б.В. Долгов отмечает, что современная политика России в отношении Сирии должна быть весьма взвешенной и учитывать все возможные последствия, поскольку падение правящего режима способно привести к ситуации, подобной ливийской, а это, в свою очередь, чревато активизацией исламистского экстремизма, который может быть направлен в том числе и против России [Долгов 2011]. Автор также подчеркивает, что Сирия, будучи потенциальным проводником экономических и военно-политических интересов России на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземноморья, должна занимать достаточно важное место в российской внешней политике.

Активно обсуждаема и проблема экстремизма в контексте российско-сирийских отношений. Особенно болезненным вопросом для России является религиозный экстремизм и связанный с ним сепаратизм на Северном Кавказе. Так, М. Назир убежден, что Сирия сыграла важную для России роль в борьбе с экстремизмом, срывая с помощью своих служб безопасности попытки представителей чеченской диаспоры поддержать вооруженную борьбу на Северном Кавказе, а также препятствуя установлению сотрудничества между руководством ХАМАС и кавказскими повстанцами [Назир 2014].

А.В. Кушхабиев утверждает, что затянувшийся сирийский кризис оказал влияние на положение практически всех конфессиональных и этнических групп Сирии, и, соответственно, внес кардинальные изменения и в положение черкесской диаспоры в этой стране¹. Черкесы в данном случае оказываются в уязвимом положении, поскольку часть из них поддерживают оппозицию и, таким образом, возникает опасность возможных репрессий. Кроме того, участились попытки обращения к руководству РФ, а также Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии с просьбами о содействии в возвращении их сограждан на Родину.

В связи с сирийским кризисом обострился также и курдский вопрос: в частности, турецкое руководство стало уделять этой проблеме повышенное внимание, чтобы, во-первых, смягчить отношения с курдской оппозицией, а, во-вторых, не допустить подъема курдского национализма в этническом Курдистане в свете сирийских событий [Жигалина 2011]. О.И. Жигалина подчеркивает, что «курдская» политика Турции основана на идеологии неоосманизма, что провоцирует интерес этой страны к близлежащим регионам, включая Кавказ, Каспийский и Черноморский бассейны, Балканы, Восточное Средиземноморье и Ближний Восток. А это, в свою очередь, может затронуть интересы связанной с ними исторически и географически России.

¹ Кушхабиев А. Кушхабиев: положение черкесов Сирии усугубляется их нейтральной позицией в конфликте. Кавказский Узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/200240> (дата обращения 08.06.2016).

ТУНИС

В отечественной науке уже сложилась определенная традиция исследования истории российско-тунисских связей. Так, Н.А. Жерлицына в статье «Тунис в путевых очерках российских путешественников конца XVIII — начала XX вв.» раскрывает для читателей Тунис таким, каким его видели наши соотечественники три века назад [Жерлицына 2001b]. По мнению автора, дружественные контакты, налаженные еще к 1917 г. между Российской империей и Тунисом, заложили прочный фундамент для поддержания и развития гуманитарных, культурных связей стран в XX и XXI вв. [Жерлицына 2001b: 171].

В другой работе («Исторические связи и сотрудничество России и Туниса») Н.А. Жерлицына рассматривает исторические предпосылки установления контактов Российской империи и Туниса [Жерлицына 2001a]. После окончания российско-турецкой войны 1778—1774 гг. и подписания Кучук-Кайнарджийского мира Российская империя получила доступ к Черному морю и выход в Средиземное море через проливы Босфор и Дарданеллы. Торговые интересы России столкнули ее с крупным торговым центром Средиземноморья — Тунисом. С тех пор начинается история двусторонних связей стран. Жерлицына подробно останавливается на истории взаимодействия стран с XVIII в. вплоть до 2007 г. В работе рассмотрены политико-дипломатические отношения, торговое сотрудничество, сотрудничество в области промышленности и сельского хозяйства, энергетики, в том числе и гидроэнергетики, культуры, туризма и здравоохранения. Особый интерес представляется в рассмотрении развития отношений в названных сферах после распада СССР и образования Российской Федерации.

Однако, как легко догадаться, особое внимание отечественные исследователи уделили экономическому и политическому взаимодействию России и Туниса в последние десятилетия.

Так, неподдельный интерес вызывает политическое взаимодействие России и Туниса. Это определяется, прежде всего, геополитическим положением Туниса: его связью с другими странами арабского Востока и Средиземноморьем. Совпадение позиций Туниса и России в решении международных и региональных проблем иногда рассматривалось в качестве основы для укрепления безопасности и стабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В опубликованной в 2000 г. статье «Тунис: некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности» В.П. Юрченко характеризовал российско-тунисские отношения как дружественные, однако автор упоминал, что вряд ли они получат в ближайшее время значительное развитие [Юрченко 2001]. Одной из причин он считал намерение Туниса укрепить отношения с Западной Европой, а также регулярное взаимодействие в сфере вооружения с Соединенными Штатами Америки. Несмотря на это, по его мнению, туниское руководство, «учитывая ограниченные людские, экономические и военные возможности страны» [Юрченко 2001: 1], стремилось решать конфликтные ситуации путем диалога, чтобы не допустить эскалации напряжен-

ности. Близкой позиции придерживался и А.Б. Подцероб в статье «Россия — Тунис: отношения в политической области» [Подцероб 2010]. Он, например, отмечал, что официальные власти Туниса во время событий в Чечне подтверждали, что происходящие события, по их мнению, являются внутренним делом Российской Федерации, и они не видели причин для нарушения территориальной целостности РФ. В вышеуказанной статье Подцероб отмечал сходность подходов Туниса и России в формировании многополярного мироустройства и в их отношении к значимости ООН и СБ в системе международных отношений. Более того, Тунис, также как и Россия, является участником Договора о нераспространении ядерного оружия [Подцероб 2010].

Тунис как деловой партнер, несомненно, представляет интерес для российских предпринимателей. Уже в 1961 г. (и позже в 1976 г.) между Тунисом и СССР были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. В настоящее время основой экономического сотрудничества стран являются межправительственные соглашения от 11 ноября 1993 г. Е.И. Миронова в опубликованной в 2002 г. статье «Тунис: деловое партнерство в условиях успешных рыночных реформ» анализировала основы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Туниса и РФ [Миронова 2002]. Она выделяла в качестве перспективных направлений сотрудничества создание смешанных предприятий и «оффшорных фирм» [Миронова 2002: 248—249], сотрудничество в деле организации туризма, экспорт российских станков для металлообработки и комплектующих для электротехнической промышленности, а также запчастей к ранее поставленному оборудованию.

А.А. Ткаченко в статье «Российско-арабские торгово-экономические связи и вызовы глобализации», наряду с другими арабскими странами, также анализировал динамику торгового оборота РФ с Тунисом [Ткаченко 2007]. Он отметил, что с 2000 по 2005 гг. наблюдался заметный рост объемов торговли. Так, в 2000 г. суммарный товарооборот Туниса и РФ составлял 99 млн долларов, а в 2005 г. 234 млн долларов [Ткаченко 2007: 257].

Экономическому взаимодействию рассматриваемых стран также уделил внимание А.Р. Люкманов в работе «Перспективы российско-арабского экономического сотрудничества» [Люкманов 2006]. Проведя анализ торгово-экономических связей, он пришел к выводу, что из-за высоких пошлин на готовые автомобили тунисские потребители заинтересованы в организации сборочных пунктов автомобильной техники на территории страны. Такие пункты могли бы организовать отечественные компании, такие как ГАЗ, ВАЗ, УАЗ, КамАЗ. Такая схема, а также наличие в Тунисе свободных зон, квалифицированной рабочей силы в совокупности с ограниченной платежеспособностью населения, не позволяющей покупать дорогостоящие качественные автомобили, безусловно, делает тунисский рынок перспективным для российских компаний автомобилестроения [Люкманов 2006: 101]. Отметим, что многие из такого рода рекомендаций сохранили свое значение и после падения режима Бен Али.

Ознакомиться с более подробной характеристикой торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации и Туниса, а также узнать о комплексном взаимодействии рассматриваемых стран, включая культурные и гуманитарные области, по ситуации на 2000-е гг. можно в работе А.А. Ткаченко «Россия и страны Магриба: взгляд в XXI век» [Люкманов 2006].

* * *

Таким образом, мы можем видеть, что значительная часть исследовательской литературы посвящена взаимоотношениям между Россией и странами Большого Ближнего Востока в советский период. Рассматриваются как дипломатические связи, так и экономические, историко-культурные. В конце XX в. Йемен, Сирия и Тунис несколько выходят из фокуса ближневосточной политики России, на этот период приходится значительное ослабление внимания к исследуемым странам и, соответственно, довольно скудна историография по этой теме. Исключением является, пожалуй, только Тунис, в случае с которым отмечается анализ не только исторического и политического взаимодействия, но также и экономических связей, возможностей развития совместных бизнес-проектов и т.д. Отдельного внимания заслуживает тема туризма, которая вскользь затрагивается некоторыми авторами в качестве механизма развития эффективного сотрудничества между странами, однако эти утверждения носят скорее прокламационный характер, не обращаясь к конкретной специфике той или иной страны.

В целом можно констатировать, что указанные источники опираются в основном на описательные методики, лишь незначительно используя аналитический потенциал политологии, социологии и смежных областей знания. В связи с этим представляется возможным выделить следующие направления, получившие частичное или неполное освещение в литературе, но дальнейший анализ которых мог бы способствовать развитию обоюдовыгодного сотрудничества между Российской Федерацией и указанными арабскими странами:

1) анализ, прогнозирование и моделирование динамики дальнейшего социально-политического и демографического развития отмеченных стран с использованием количественных и качественных методов, выявление дестабилизационных рисков с целью выбора оптимального сценария взаимодействия с конкретной страной и регионом в целом;

2) изучение образовательных программ дошкольного, школьного, университетского и постуниверситетского уровня, что позволит ориентироваться в процессах подготовки и специализации экспертов в тех или иных областях и перспективах студенческого и профессионального обмена;

3) анализ динамики туристических потоков в исследуемых странах, состояния соответствующей инфраструктуры в них, разработка стратегии привлечения туристов в страны региона и взаимонаправленного сотрудничества на местах;

4) рассмотрение инвестиционной среды в странах — потенциальных бизнес-партнерах, определение ведущих направлений торгово-экономического сотрудничества;

5) исследование факторов формирования образа России в изучаемых странах в пространстве массмедиа и среди населения с целью выявления возможностей поддержания позитивного образа или изменений негативного.

Впрочем, к полноценному анализу этих направлений можно будет перейти только после политической стабилизации ситуации в рассмотренных странах, в особенности в Сирии и Йемене, оказавшихся в хронически дестабилизированном состоянии после бурных событий последних лет [Системный мониторинг... 2016; Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Исаев, Коротаев 2015; [Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Korotayev, Isaev, Malkov, Shishkina 2014].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Али Рашид З. Кросс-культурное изучение агрессивного поведения у подростков России и Йемена: Дис. ... канд. псих. наук / Зоуира Абдульрахмана Али Рашида; [СПбГУ]. СПб., 1999.

Аль-Саяги М.А. Отношения между ЙАР и Советским Союзом в контексте внутривнутриполитической ситуации в Йемене (1962—1990 годы) // *Образ жизни в России: история и современность: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.* Москва, 20 апреля 2007 г. М.: РУДН, 2007.

Арабский кризис и его международные последствия / Под ред. А.М. Васильева, А.Д. Саватеева, Л.М. Исаева. М.: Ленанд/URSS, 2014.

Бен Ламлас А.С. История культурного сотрудничества между Йеменом и Советским Союзом: Дис. ... канд. ист. наук / Бен Ламласа Абдулы Салема; [РУДН]. М., 2002.

Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Восточная литература, 1993.

Васильев А.М. Цунами революций // *Азия и Африка сегодня.* 2011. № 3.

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2015.

Густерин П.В. Россия — Йемен: из истории взаимоотношений. Перепись населения в Йеменской республике в 2004 г. // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 11.

Долгов Б.В. Кризис в Сирии: внутренние и внешние факторы // *Восточная аналитика.* 2011. 2.

Евсеев В.В. Некоторые аспекты российско-сирийского сотрудничества. М.: Институт Ближнего Востока, 2008.

Жерлицына Н.А. Исторические связи и сотрудничество России и Туниса // *Россия и страны Магриба (Алжир, Марокко, Тунис).* М.: Институт Африки РАН, 2001а.

Жерлицына Н.А. Тунис в путевых очерках российских путешественников конца XVIII — начала XX вв. // *Россия и страны Магриба (Алжир, Марокко, Тунис).* М.: Институт Африки РАН, 2001b.

Жигалина О.И. О «курдской» политике Турции. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/26-10-11a.htm> (дата обращения 08.06.2016).

Исаев Л.М., Коротаев А.В. Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // *Мировая экономика и международные отношения.* 2015. № 8.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013—2014 гг. // *Социологические исследования.* 2015. № 8.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Руденко М.А. Формирование афразийской зоны нестабильности // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2015. № 2.

Люкманов А.Р. Перспективы российско-арабского экономического сотрудничества // *Ближний Восток и современность.* 2006. № 27.

Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий арабской весны // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4.

Миронова Е.И. Тунис: деловое партнерство в условиях успешных рыночных реформ // *Ближний Восток и современность*. 2002. № 13.

Мирошниченко Н.С. Российско-йеменские отношения и международная политика на Ближнем Востоке, 1926—2004 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / *Мирошниченко Наталья Сергеевны*; [СПбГУ]. СПб., 2004.

Назир М.И. Развитие российско-сирийских военно-политических отношений в современных условиях // *Вестник Екатеринбургского института*. 2014. № 1.

Подцероб А.Б. Россия—Тунис: отношения в политической области. М.: Институт Ближнего Востока, 2010. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/03-06-10a.htm> (дата обращения: 02.06.2016).

Поляков К.И. Йеменские экстремисты и Россия. Вести из ближнего зарубежья // *Россия и мусульманский мир: Бюллетень реферативно-аналитической информации*. М.: ИНИОН РАН, 1999.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 года / Под ред. А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькиной, А.С. Ходунова. М.: Ленанд/URSS, 2012.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабский мир после арабской весны / Под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. 2-е изд. М.: Ленанд/URSS, 2016.

Соловьева Т. Сирия и Россия: корни взаимоотношений в глубине веков // *Отечество*. 2004. № 7.

Ткаченко А.А. Российско-арабские торгово-экономические связи и вызовы глобализации // *Ближний Восток и современность*. 2007. Т. 32.

Ткаченко А.А. Россия и страны Магриба: взгляд в XXI век // *Ближний Восток и современность*. 2008. Т. 34.

Эльмалян А.С. Отношения между Ливией и Российской Федерацией на современном этапе // *Журнал международного права и международных отношений*. 2007. № 4.

Юрченко В.П. Тунис: некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности. М., 2000.

Grinin L., Korotayev A. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*. 2012. 68(7).

Grinin L.E., Korotayev A.V. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? // *World Futures*. 2014. 70(8).

Korotayev A.V., Isaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. Developing the methods of estimation and forecasting the Arab spring // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2013. 7(4).

Korotayev A.V., Isaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. The Arab Spring: A quantitative analysis // *Arab Studies Quarterly*. 2014. 36(2).

Дата поступления статьи: 08.07.2016

Благодарность: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: возможности и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615).

Для цитирования: *Шишкина А.Р., Федотова В.А.* Историография российско-арабских отношений конца XX — начала XXI в. (на примере Йемена, Сирии и Туниса) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 4. С. 755—767.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-755-767

HISTORIOGRAPHY OF THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE ARAB WORLD (Yemen, Syria, Tunisia)

A.R. Shishkina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

V.A. Fedotova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The article is devoted to the study of modern Russian Middle Eastern academic literature devoted to the relationship between the Soviet Union and Russia as its legal successor on the one hand and such Arab countries as Yemen, Syria, and Tunisia, on the other. These are quite important countries of the Middle East and North Africa, attention to which of the Russian Middle East policy changed over time. Diplomatic ties as well as cooperation in trade-economic sphere and the historical and cultural ties are analyzed in literature.

The author notes that cooperation with the countries of the Middle East and North Africa was an important part of the foreign policy of the Soviet Union, but after the collapse the attention to some partner countries in the region has weakened. At the end of the XX century. Yemen, Syria and Tunisia fell out of the focus of Russia's Middle East policy, this period witnessed a significant weakening of attention to the studied countries and, therefore, there is a rather scarce historiography on this subject.

On the basis of the literature the article identifies the main areas of potential research of relations between countries under analysis as well as some issues that have received insufficient coverage. This study may contribute to the identification of opportunities for further cooperation and potential socio-political risks.

Key words: historiography, the Middle East, North Africa, Russian foreign policy, Yemen, Syria, Tunisia.

REFERENCES

Ali Rashid, Z. (1999). *Kross-kul'turnoe izuchenie agressivnogo povedeniya u podrostkov Rossii i Iemena* [Cross-cultural study of aggressive behavior in teenagers Russia and Yemen]: Dis. ... kand. psikh. nauk. [SPbGU]. SPb.

Al'-Sayagi, M.A. (2007). Otnosheniya mezhdru IAR i Sovetskim Soyuzom v kontekste vnutripoliticheskoi situatsii v Iemene (1962—1990 gody) [The relations between the Yemen Arab Republic and the Soviet Union in the context of the political situation in Yemen (1962—1990 years)]. *Obraz zhizni v Rossii: istoriya i sovremennost': Materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Moskva, 20 aprelya 2007 g.* Moscow: RUDN.

Arabskii krizis i ego mezhdunarodnye posledstviya [Arab crisis and its international implications]. (2014). Ed. by A.M. Vasil'ev, A.D. Savateev, L.M. Isaev. Moscow: Lenand/URSS.

Ben Lamlas, A.S. (2002). *Istoriya kul'turnogo sotrudnichestva mezhdru Iemenom i Sovetskim Soyuzom* [The history of cultural cooperation between Yemen and the Soviet Union]: Dis. ... kand. ist. nauk. [RUDN]. Moscow.

Dolgov, B.V. (2011). Krizis v Sirii: vnutrennie i vneshnie faktory [Crisis in Syria: internal and external factors]. *Vostochnaya analitika*, 2.

El'malyan, A.S. (2007). Otnosheniya mezhdru Liviei i Rossiiskoi Federatsiei na sovremennom etape [Relations between Libya and the Russian Federation at the present stage]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, 4.

Vseev, V.V. (2008). *Nekotorye aspekty rossiisko-siriiskogo sotrudnichestva* [Some aspects of the Russian-Syrian cooperation]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka.

Grinin, L.E., Isaev, L.M., Korotaev, A.V. (2015). *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolution and instability in the Middle East]. Moscow: Uchitel'.

Grinin, L., Korotayev, A. (2012). Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures*, 68 (7).

Grinin, L.E., Korotayev, A.V. (2014). Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures*, 70 (8).

Gusterin, P.V. (2005). Rossiya — Iemen: iz istorii vzaimootnoshenii. Perepis' naseleniya v Iemenskoj respublike v 2004 g [Russia — Yemen: stories of relationships. The population census in the Republic of Yemen in 2004]. *Aziya i Afrika segodnya*, 11.

Isaev, L.M., Korotaev, A.V. (2015). Iemen: neizvestnaya revolyutsiya i mezhdunarodnyj konflikt [Yemen: Unknown Revolution and international conflict]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 8.

Korotaev, A.V., Isaev, L.M., Vasil'ev, A.M. (2015). Kolichestvennyj analiz revolyucionnoy volny 2013—2014 gg. [Quantitative analysis of the revolutionary wave of 2013—2014]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 8.

Korotaev, A.V., Isaev, L.M., Rudenko, M.A. (2015). Formirovanie afrazijskoj zony nestabil'nosti [Formation of Afro-Asiatic zone of instability]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2.

Korotayev, A.V., Isaev, L.M., Malkov, S.Y., Shishkina, A.R. (2013). Developing the methods of estimation and forecasting the Arab spring. *Central European Journal of International and Security Studies*, 7 (4).

Korotayev, A.V., Isaev, L.M., Malkov, S.Y., Shishkina, A.R. (2014). The Arab Spring: A quantitative analysis. *Arab Studies Quarterly*, 36 (2).

Lyukmanov, A.P. (2006). Perspektivy rossiisko-arabskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [Prospects of Russian-Arab Economic Cooperation]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*, 27.

Malkov, S.Y., Korotaev, A.V., Isaev, L.M., Kuz'minova, E.V. (2013). O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsial'noi nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytii Arabskoj vesny [On the method of assessing the current state and outlook of social instability: experience in quantitative analysis of the Arab Spring events]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4.

Mironova, E.I. (2002). Tunis: delovoe partnerstvo v usloviyakh uspešnykh rynochnykh reform [Tunisia: a business partnership in a successful market reforms]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*, 13.

Miroshnichenko, N.S. (2004). *Rossiisko-iemenskie otnosheniya i mezhdunarodnaya politika na Blizhnem Vostoke, 1926—2004 gg.* [Russian-Yemeni relations and international politics in the Middle East, 1926—2004 gg.]: Dis. ... kand. ist. nauk. [SPbGU]. Saint-Petersburg.

Nazir, M.I. (2014). Razvitie rossiisko-siriiskikh voenno-politicheskikh otnoshenii v sovremennykh usloviyakh [The development of Russian-Syrian military-political relations in modern conditions]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 1.

Podtserob, A.B. (2010). *Rossiya-Tunis: otnosheniya v politicheskoi oblasti* [Russia-Tunisia relations in the political field]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/03-06-10a.htm>. (data obrashcheniya: 02.06.2016)

Polyakov, K.I. (1999). Iemenskie ekstremisty i Rossiya. Vesti iz blizhnego zarubezh'ya [Yemeni extremists and Russia. News from neighboring countries]. *Rossiya i musul'manskii mir. Byulleten' referativno-analiticheskoi informatsii*. Moscow: INION RAN.

Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Arabskaya vesna 2011 goda [System monitoring global and regional risks. Arab spring 2011]. (2012). Ed. by A.V. Korotaev, Yu.V. Zin'kina, A.S. Khodunov. Moscow: Lenand/URSS.

Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Arabskii mir posle Arabskoi vesny [System monitoring global and regional risks. The Arab world after the Arab Spring]. (2016). Ed. by A.V. Korotaev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina. 2nd ed. Moscow: Lenand/URSS.

Solov'eva, T. (2004). *Siriya i Rossiya: korni vzaimootnoshenii v glubine vekov* [Syria and Russia: the roots of the relationship in the mists]. *Otechestvo*, 7.

Tkachenko, A.A. (2007). *Rossiisko-arabskie torgovo-ekonomicheskie svyazi i vyzovy globalizatsii* [Russian-Arab trade and economic relations and challenges of globalization]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*, 32.

Tkachenko, A.A. (2008). *Rossiya i strany Magriba: vzglyad v XXI vek* [Russia and the countries of the Maghreb: a sight in XXI century]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'*, 34.

Yurchenko V.P. *Tunis: nekotorye problemy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti*. M., 2000.

Vasil'ev, A.M. (1993). *Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu* [Russia and the Middle East: From Messianism to pragmatism]. Moscow: Vostochnaya literatura.

Vasil'ev, A.M. (2011). *Tsunami revolyutsii* [Tsunami of Revolutions]. *Aziya i Afrika segodnya*, 3.

Zherlitsyna, N.A. (2001a). *Istoricheskie svyazi i sotrudnichestvo Rossii i Tunisa* [Historical ties and cooperation between Russia and Tunisia]. *Rossiya i strany Magriba (Alzhir, Marokko, Tunis)*. Moscow: Institut Afriki RAN.

Zherlitsyna, N.A. (2001b). *Tunis v putevykh ocherkakh rossiiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XX v.* [Tunisia travel sketches of Russian travelers late XVIII — early XX centuries]. *Rossiya i strany Magriba (Alzhir, Marokko, Tunis)*. Moscow: Institut Afriki RAN.

Zhigalina, O.I. (2011). *O «kurdskoi» politike Turtsii* [On the “Kurdish” Turkey’s policy]. Institut Blizhnego Vostoka. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/26-10-11a.htm> (accessed: 08.06.2016).

Received: 08.07.2016

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of the project of RHF “Russia’s policy in the Middle East: Opportunities and limits of cooperation with the countries of the region” (№ 14-18-03615).

For citations: Fedotova, V.A., Shishkina, A.R. (2016). *Historiography of the relations between Russia and the Arab world (Yemen, Syria, Tunisia)*. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 755—767.

НАШИ АВТОРЫ

Бурова Анна Николаевна — преподаватель кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: burova-denjak@mail.ru)

Галищева Наталья Валерьевна — д-р экон. наук, заведующая кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России (e-mail: galistcheva@yandex.ru)

Джаббари Насир Хасан — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России (e-mail: hjabbarinasir@gmail.com)

Дронг Андрио — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: adrong71@gmail.com)

Жильцов Сергей Сергеевич — д-р полит. наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: sergej-z71@yandex.ru)

Краснов Константин Георгиевич — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: iranology.pfur@gmail.com)

Ларионова Марина Владимировна — д-р полит. наук, директор Центра исследования международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: lariova-mv@ranepa.ru)

Лисов Василий Иванович — д-р экон. наук, профессор, ректор Российского государственного геологоразведочного университета (e-mail: rektor@mgri-rggru.ru)

Лунев Сергей Иванович — д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, профессор НИУ ВШЭ (e-mail: silounev@gmail.com)

Немова Анастасия Александровна — аспирант кафедры востоковедения МГИМО МИД России (e-mail: nastiya-nemo@ya.ru)

Раванди-Фадаи Лана Меджидовна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (e-mail: ravandifadai@yahoo.com)

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (e-mail: amrodrig@mail.ru)

Стивэн Д. Мэтью — д-р полит. наук, научный сотрудник Берлинского научного центра социальных исследований (e-mail: matthew.stephen@wzb.eu)

Сулейманов Алим Видадиевич — канд. полит. наук, соискатель Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: alim-suleymanov@mail.ru)

Федотова Варвара Андреевна — аспирант Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: fedotovabarbara@rambler.ru)

Филин Никита Александрович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института Африки РАН (e-mail: nikitafilin@yahoo.com)

Шелепов Андрей Владимирович — научный сотрудник Центра исследования международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: sheleпов-av@ranepa.ru)

Шикин Василий Валериевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: vvshikin@gmail.com)

Шишкина Алиса Романовна — младший научный сотрудник факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: alisa.shishkina@gmail.com)

Юртаев Владимир Иванович — д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: yurtaev_vi@pfur.ru)

OUR AUTHORS

Burova Anna Nikolaevna — Lecturer of the Department of Modern East of Russian State University for the Humanities (e-mail: burova-denjak@mail.ru)

Drong Andrio — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: adrong71@gmail.com)

Fedotova Varvara Andreevna — postgraduate student of Russian State University for the Humanities (e-mail: fedotovabarbara@rambler.ru)

Filin Nikita Alexandrovich — PhD in Historic Sciences, researcher of the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: nikitafilein@yahoo.com)

Galistcheva Natalia Valerievna — Doctor of Economic Science, Head of Department of World Economy of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), MFA of Russia (e-mail: galistcheva@yandex.ru)

Jabari Nasir Hasan — postgraduate student of Department of World Political Process at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), MFA of Russia (e-mail: hjabbarinasir@gmail.com)

Krasnov Konstantin Georgievitch — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: iranology.pfur@gmail.com)

Larionova Marina Vladimirovna — Doctor in Political Sciences, head of the Research Center of International Institutes of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: larionova-mv@ranepa.ru)

Lisov Vasily Ivanovich — Doctor of Economic Science, professor, Rector of Russian State Geological Prospecting University (e-mail: science@mgri-rggru.ru)

Lounev Sergey Ivanovich — Doctor of History, professor of the Department of Oriental Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), MFA of Russia; professor of Higher School of Economics (e-mail: silounev@gmail.com)

Matthew D. Stephen — PhD in Political Sciences, Research Fellow at WZB Berlin Social Science Center (e-mail: matthew.stephen@wzb.eu)

Nemova Anastasiya Alexandrovna — postgraduate student of Department of Oriental Sciences at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), MFA of Russia (e-mail: nastiya-nemo@ya.ru)

Ravandi-Fadai Lana Medzhidovna — PhD in History, senior research fellow at the Center for the study of the Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: ravandifadai@yahoo.com)

Rodriges-Fernandes Aleksandr Manuelevich — Doctor of History, head of Department Modern and Contemporary History of MSPU (e-mail: amrodrigis@mail.ru)

Shelepov Andrei Vladimirovich — research fellow of the Research Center of International Institutes of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: shelepov-av@ranepa.ru)

Shikin Vasilii Valerievich — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: vvshikin@gmail.com)

Shishkina Alisa Romanovna — junior research fellow of the Faculty of Social Sciences of the National Research University Higher School of Economics (e-mail: alisa.shishkina@gmail.com)

Suleymanov Alim Vidadievich — PhD in Political Sciences, aspirant of Management Institute of Nijni Novgorod of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: alim-suleymanov@mail.ru)

Yurtaev Vladimir Ivanovich — Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: yurtaev_vi@pfur.ru)

Zhiltsov Sergey Sergeevich — Doctor in Political Sciences, professor of the Department of Political Analysis and Management of the RUDN University (e-mail: sergej-z71@yandex.ru)

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала принимает к печати ранее не публиковавшиеся работы, при этом приоритет отдается следующим материалам:

1) статьям, соответствующим тематической направленности номеров журнала 2017 г.:

№ 1	50 лет деятельности МВФ. Развивающиеся страны в международных организациях	Срок подачи статей до 15 декабря 2016 г.
№ 2	Этическое измерение и мораль в МО	до 15 марта 2017 г.
№ 3	50 лет АСЕАН. Региональное сотрудничество в ЮВА	до 15 июня 2017 г.
№ 4	Терроризм как глобальный проект и угроза международной безопасности	до 15 сентября 2017 г.

2) статьям на английском языке. Журнал является двуязычным, и редакция заинтересована в повышении доли статей на английском языке;

3) статьям с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений;

4) статьям, соответствующим постоянным рубрикам журнала: «Мир и безопасность», «Международные экономические отношения», «Двусторонние отношения», «Прикладной анализ», «История международных отношений», «Международное образовательное сотрудничество», «Политические портреты», «Рецензии».

Правила представления рукописей размещены на сайте journals.rudn.ru (в связи с переходом на редакционные стандарты, совместимые со Scopus, с ноября 2015 г. правила изменились).

При несоблюдении требований к правилам предоставления рукописей они возвращаются на доработку до прохождения процедуры рецензирования

Каждая рукопись в обязательном порядке направляется редакцией на двойное «слепое» рецензирование, результаты которого пересылаются автору в течение 2—3 недель.

Рукописи принимаются через официальный сайт журнала.

Потенциальных авторов приглашаем направлять развернутые тезисы на 2—3 страницы с изложением цели, гипотезы и методологии исследования, представлением его будущей структуры, или полноценные, завершенные статьи.

Редакция Вестника РУДН. Серия: Международные отношения поздравляет члена редколлегии журнала, доктора экономических наук, заместителя директора Института Африки РАН Леонида Леонидовича Фитуни с избранием членом-корреспондентом РАН по Отделению глобальных проблем и международных отношений в ходе общего собрания членов РАН 27—29 октября 2016 года!

CALL FOR PAPERS

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Each issue of the Bulletin has specific thematic scope. Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2017 will deal with the following issues:

# 1 2017	50 years of the IMF. Developing countries in international organizations	till 15 December 2016
# 2 2017	The ethical and moral dimension in IR	till 15 March 2017
# 3 2017	50 years of ASEAN. Regional cooperation in South-East Asia	till 15 June 2017
# 4 2017	Terrorism as a global project and a threat to international security	till 15 September 2017

For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit journals.rudn.ru.

Manuscripts are to be submitted in English or in Russian via web-site journals.rudn.ru

Prospective authors are welcome to send detailed abstracts (2—3 pages) outlining the purpose, methodology and hypothesis of the study, his view of the future structure, or complete, finalized papers.

ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ (ПРОФИЛЬ «АРАБСКИЙ ВОСТОК») НА КАФЕДРЕ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ФАКУЛЬТЕТА ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК РУДН

Специальность «Зарубежное регионоведение» в соответствии с образовательными стандартами нового поколения предполагает подготовку специалистов по конкретному региону, отдельной стране или группе стран. В настоящее время кафедра теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН осуществляет подготовку бакалавров и магистров-регионоведов по профилю «Арабский Восток».

Студенты, обучающиеся по направлению «Зарубежное регионоведение», изучают в обязательном порядке два языка, один из которых арабский. Среди обязательных дисциплин данного направления подготовки — география и история, экономика и финансы, политика и право, культура и религия, внешняя политика и международные отношения изучаемого региона. Среди преподавателей — ведущие эксперты из РУДН, МГИМО (У) и Дипломатической академии МИД России, ИСА при МГУ, Института востоковедения РАН, Института Африки РАН, специалисты-практики из МИД России и Россотрудничества.

Обучение ведется в подлинно международной среде, ведь РУДН — это вуз № 1 в РФ, СНГ и странах БРИКС по показателю интернационализации. Здесь обучаются студенты из 152 стран мира, в том числе несколько сот студентов из стран арабского Востока.

Выпускники-регионоведы, обладая фундаментальными знаниями арабского и одного из европейских языков, а также широким охватом знаний по региону специализации, становятся настоящими экспертами по арабскому Востоку. Несколько десятков арабистов — выпускников РУДН сегодня успешно работают в системе МИД России, в Россотрудничестве, в МИА «Россия сегодня», в ТАСС. Выпускник РУДН 2004 г. В.И. Зайчиков является руководителем Российского культурного центра в Иордании (г. Амман), а выпускник 1987 г. В.О. Чечин — руководитель представительства Россотрудничества в Марокко.

За последние 15 лет целый ряд аспирантов, среди которых, например, Чрезвычайный и Полномочный Посол Палестины в РФ г-н Фаед Мустафа (2009—2015 гг.), подготовили на кафедре ТИМО РУДН кандидатские диссертации по ближневосточной проблематике и успешно их защитили.

Мы гордимся нашими выпускниками-арабистами!

Наши координаты

**Кафедра теории и истории
международных отношений РУДН**

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел. +7 (499) 936-85-26

E-mail: ir@rudn.university

Приемная комиссия РУДН

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Многоканальный тел.: +7 (495) 787-38-27

E-mail: priem@rudn.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
